

Рабочие тетради по реформе следствия в России

Аналитика, статьи,
официальные заявления

Том 1

Период 2007—2012

2012

Фонд «Общественный вердикт»

Рабочие тетради по реформе следствия в России

Аналитика, статьи,
официальные заявления

Том 1

Период 2007—2012

Фонд «Общественный вердикт» —

это российская правозащитная организация, которая уже более восьми лет помогает гражданам, пострадавшим от нарушений прав человека со стороны правоохранительных органов, включая и такие особо опасные нарушения прав человека как пытки в милиции (полиции). Фонд оказывает правовую, информационную и психологическую поддержку жертвам и их родственникам. Мы на практике знаем, как работает следствие по должностным преступлениям. На нашем счету не одна сотня обжалованных постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела, о приостановлении предварительного следствия или о прекращении уголовного дела или уголовного преследования; десятки выигранных в судах уголовных дел, по которым приговором суда установлена вина сотрудников правоохранительных органов. В 2010–2011 году Фонд провел комплексное исследование «Возможности и ограничения расследования должностных преступлений, совершенных сотрудниками правоохранительных органов», которое позволило выявить правовые и организационные аспекты, влияющие на качество рассмотрения и расследования жалоб на действия сотрудников правоохранительных структур.

В предлагаемой Рабочей тетради собраны аналитические материалы, которые подготовлены экспертами **Фонда «Общественный вердикт»** в течение последних пяти лет — периода становления и развития Следственного Комитета Российской Федерации.

Рабочие тетради по вопросам реформы следствия в России — сборник материалов, подготовленных экспертами программы «Имплементация международных стандартов в России», реализуемой в Фонде «Общественный вердикт».

Издание сборника осуществлено при финансовой поддержке Фонда Джона и Кетрин Маккартуров

Экспертная группа программы
«Имплементация международных стандартов в Российской Федерации»:
Асмик Новикова, Мария Сучкова, Наталья Таубина, Ольга Шепелева

Под редакцией Асмик Новиковой

Верстка Марат Зинуллин

Рабочие тетради по реформе следствия в России. Аналитика. Статьи. Официальные заявления. Том 1: период 2007–2012. М.: Фонд «Общественный вердикт», 2012. — 84 стр.

Рабочие тетради придуманы для того, чтобы собирать и архивировать ход и результаты общественной дискуссии по вопросам дальнейшего развития следствия. Это своего рода периодические записные книжки, посвященные следствию. В 2007 году был создан Следственный комитет при прокуратуре, и в 2011 году Следственный комитет стал независимой государственной структурой, находящейся в подчинении президента Российской Федерации. В предлагаемом сборнике собраны аналитические материалы, обзоры, которые подводят промежуточные итоги реформирования следствия.

Содержание

Принципы и стандарты расследования сообщений о пытках (Ольга Шепелева)	7
А. Обзор международных документов, устанавливающих стандарты эффективного расследования	9
В. Основные принципы расследования сообщений о пытках, закрепленные в международных документах	11
Эффективность расследования сообщений о пытках: общее определение	14
1. Быстрота расследования	15
2. Тщательность расследования	18
3. Независимость расследования	25
4. Доступ пострадавшего к расследованию	29
5. Публичность расследования	30
Эффективность расследования: оценка практики российских правоохранительных органов в постановлениях Европейского Суда по правам человека (Мария Сучкова)	31
I. Неисполнение обязанности реагировать на информацию о пытках, смертях и исчезновениях	32
II. Недостаточная скорость расследования	34
III. Недостаточная тщательность расследования	42
IV. Участие потерпевшего в расследовании	56
V. Независимость расследования.	59
Список постановлений Европейского Суда по правам человека, вошедших в обзор	60

Практики суррогатных оправдательных приговоров (Асмик Новикова)	63
Меморандум «Исполнение постановлений ЕСПЧ по вопросу эффективности расследования жалоб на пытки и жестокое обращение со стороны сотрудников милиции»	69
Предложения Фонда «Общественный вердикт» по спецподразделению в СКР по расследованию преступлений, совершенных сотрудниками правоохранительных органов	81

Принципы, зафиксированные в международных документах и нашедшие отражение в данном пособии, можно без осложнений интегрировать в российскую правоприменительную практику, что, несомненно, будет способствовать повышению степени защищенности россиян от противоправного насилия.

В. ЛУКИН,
Уполномоченный по правам человека в РФ

Принципы и стандарты расследования сообщений о пытках

Ольга Шепелева, юрист Института «Право общественных интересов» (PILnet)

Введение

Международные организации, в которых состоит Российская Федерация, определяют незаконное причинение насилия со стороны сотрудников правоохранительных структур или иных органов государства как пытки, жестокое или унижающее обращение¹. В частности, в Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания 1984 г.² говорится:

«Пытка» означает любое действие, которым какому-либо лицу умышленно причиняется сильная боль или страдание, физическое или нравственное, чтобы получить от него или от третьего лица сведения или признания, наказать его за действие, которое совершило оно или третье лицо или в совершении которого оно подозревается, а также запугать или принудить его или третье лицо, или по любой причине, основанной на дискриминации любого характера, когда такая боль или страдание причиняются государственным должностным лицом или иным лицом, выступающим в официальном качестве, или по их подстрекательству, или с их ведома или молчаливого согласия. В это определение не включаются боль или страдания, которые возникают лишь в результате закон-

¹ Органы ООН не проводят различия между пытками и жестоким или унижающим обращением, рассматривая все эти виды противоправного насилия в качестве грубых нарушений международно-правовых норм. В отличие от них Европейский суд по правам человека отличает пытки от жестокого и унижающего обращения, рассматривая их как наиболее тяжкую форму противоправного насилия. В настоящем тексте термин «пытки» используется как для обозначения собственно пыток, так и для описания жестокого и унижающего достоинство обращения.

² Конвенция подписана от имени Правительства СССР 10 декабря 1985 г. и ратифицирована Указом Президиума ВС СССР

от 21 января 1987 г. № 6416-XI. Конвенция вступила в силу (в том числе для СССР) 26 июня 1987 г. Также как и в случае с Международным пактом о гражданских и политических правах, Российская Федерация является участником этого международного договора как правопреемник СССР.

ных санкций, неотделимы от этих санкций или вызываются ими случайно».

В российском праве такого определения пыток нет. Уголовный кодекс называет пытками насилие со стороны частных лиц,¹ в то время как применение пыток должностными лицами российский уголовный закон определяет как превышение должностных полномочий или как принуждение к даче показаний².

В последнее время растет негативное отношение к пыткам, более артикулирован запрос на их пресечение и на наказание виновных. Очевидно, эта задача повышения эффективности борьбы с пытками не может быть решена без расследования жалоб и сообщений о пытках.

Несмотря на то, что обязанность расследовать жалобы на пытки предусмотрена законодательством нашей страны, она не всегда в должной степени исполняется на практике. Так, в 2005–2012 годах Европейский Суд по правам человека принял значительное число постановлений, в которых констатировалось нарушение Российской Федерацией обязанности проводить расследование сообщений о пытках³. В 2012 году Комитет ООН против пыток по результатам рассмотрения Пятого Периодического доклада Российской Федерации выразил обеспокоенность недостатками в расследовании жалоб на пытки.

Задача укрепления доверия жителей России к правоохранительным органам, решение проблемы повышения эффективности борьбы с преступностью, а также выполнение Россией международно-правовых обязательств, требует особого внимания к вопросу о расследовании жалоб на пытки. Следует отметить, что российские законы устанавливают лишь общие требования к расследованию преступлений. Нормативных актов, определяющих особенности расследования пыток, в нашей правовой системе пока нет.

¹ Ст. 117 УК РФ.

² Ст. 286 и ст. 302 УК РФ.

³ См. постановление Европейского Суда по правам человека от 25 октября 2005 г. по делу «Федотов (Fedotov) против Российской Федерации» (жалоба N 5140/02); постановление от 26 января 2006 г. по делу «Михеев (Mikheyev) против Российской Федерации» (жалоба N 77617/01); постановление от 9 марта 2006 г. по делу «Менешева (Menesheva) против Российской Федерации» (жалоба N 59261/00); Постановление Европейского Суда по правам человека от 7 декабря 2006 г. делу «Шейдаев (Sheydaev) против Российской Федерации» (жалоба N 65859/01); постановление от 18 января 2007 г. по делу «Читаев и Читаев (Chitayev and Chitayev) против Российской Федерации» (жалоба № 59334/00). Анализ основной массы этих постановлений представлен в тексте Марии Сучковой «Эффективность расследования: оценка практики российских правоохранительных органов в постановлениях Европейского Суда по правам человека» в настоящем издании.

В этих условиях особое значение приобретают международно-правовые нормы, посвященные расследованию сообщений о пытках. Принципы, зафиксированные в них, можно без осложнений интегрировать в российскую правоприменительную практику, что, несомненно, будет способствовать повышению степени защищенности россиян от противоправного насилия.

Однако к настоящему времени лишь незначительное количество международных документов, устанавливающих стандарты расследования жалоб на пытки, переведены на русский язык. По этой причине они неизвестны значительному числу российских должностных лиц и практикующих юристов, хотя и применяются международными органами (например, Европейским Судом по правам человека) для оценки работы правоохранительных структур в России.

Мы сочли необходимым восполнить этот пробел. С этой целью мы собрали массив документов, устанавливающих стандарты расследования пыток, и перевели те акты, которые не были опубликованы на русском языке⁴.

Пособие направлено на то, чтобы ознакомить должностных лиц и юристов, работающих в сфере уголовного права и процесса, с содержанием международно-правовых стандартов эффективного расследования. Для удобства читателей первая часть пособия включает в себя краткий обзор основных документов, далее рассматриваются стандарты, касающиеся возникновения у государственных органов обязанности проводить расследование. Следующие части пособия детально анализируют основные принципы эффективного расследования жалоб и сообщений о пытках — быстроту расследования, тщательность расследования и пр.

Для того чтобы читатель мог составить собственное представление о том, какие требования предъявляются к расследованию сообщений о пытках, в пособие включены цитаты из соответствующих международных документов. Цитаты сопровождаются точными реквизитами, которые позволяют желающим найти первоисточники и ознакомиться с ними более подробно. Поскольку лексика Европейского Суда по правам человека и других международных органов непривычна для российских юристов, составители пособия сочли необходимым дать комментарии, которые облегчат восприятие содержания международных документов.

Особое внимание в пособии уделяется рассмотрению постановлений Европейского Суда

⁴ Не переводились на русский язык многие постановления Европейского Суда по правам человека, а также заключения Комитета ООН против пыток.

по правам человека в отношении России, в которых дается оценка российской практике расследования жалоб на пытки. Дело в том, что Россия обязана исполнять эти постановления. Исполнение постановлений Европейского Суда предполагает, что полиция, Следственный Комитет, Прокуратура, а также другие правоохранительные органы и суды в рамках своей компетенции должны предпринимать меры по недопущению нарушений, которые были зафиксированы в этих постановлениях.

А. Обзор международных документов, устанавливающих стандарты эффективного расследования

Международное право устанавливает абсолютный запрет пыток. Так, статья 7 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. (далее — Пакт)¹ гласит:

«Никто не должен подвергаться пыткам или жестокому, бесчеловечному или унижающему его достоинство обращению или наказанию».

Запрет пыток, зафиксированный в Пакте, находит дальнейшее развитие в специализированном международном договоре — Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания 1984 г. (далее — Конвенция против пыток).² Одним из обязательств, налагаемых Конвенцией на участвующие в ней государства, является расследование жалоб и других сообщений о пытках. В соответствии со статьей 12 Конвенции:

«Каждое Государство-участник обеспечивает, чтобы его компетентные органы проводили бы-

строе и беспристрастное расследование, когда имеются достаточные основания полагать, что пытка была применена на любой территории, находящейся под его юрисдикцией».

Кроме того, статья 13 Конвенции говорит, что:

«Каждое Государство-участник обеспечивает любому лицу, которое утверждает, что оно было подвергнуто пыткам на любой территории, находящейся под юрисдикцией этого Государства, право на предъявление жалобы компетентным властям этого Государства и на быстрое и беспристрастное рассмотрение ими такой жалобы. Предпринимаются меры для обеспечения защиты истца и свидетелей от любых форм плохого обращения или запугивания в связи с его жалобой или любыми свидетельскими показаниями».

Обязанность расследовать сообщения о пытках имеет особое значение для реализации запрета пыток. Только в результате расследования можно установить, имел ли место факт пыток, и, при наличии оснований, обеспечить привлечение виновных к ответственности и восстановление прав пострадавших. Именно поэтому органы Организации Объединенных Наций, в рамках которой были приняты как Пакт, так и Конвенция против пыток, разработали значительное число документов, расшифровывающих содержание обязательства по проведению расследования сообщений о пытках и устанавливающих стандарты ведения расследования.

Среди этих документов следует в первую очередь назвать:

- Декларацию о защите всех лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания³
- Принципы эффективного расследования и документирования пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения или наказания (Стамбульский протокол)⁴
- Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме⁵

¹ СССР подписал настоящий Пакт 18 марта 1968 г. Пакт ратифицирован Указом Президиума ВС СССР от 18 сентября 1973 г. N 4812-VIII. Пакт вступил в силу для СССР 23 марта 1976 г. Согласно Федеральному закону от 15 июля 1995 г. N 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» Российская Федерация в качестве государства — продолжателя Союза Советских Социалистических Республик осуществляет права и выполняет обязательства, вытекающие из международных договоров, заключенных СССР.

² Конвенция подписана от имени Правительства СССР 10 декабря 1985 г. и ратифицирована Указом Президиума ВС СССР от 21 января 1987 г. N 6416-XI. Конвенция вступила в силу (в том числе для СССР) 26 июня 1987 г. Также как и в случае с Международным пактом о гражданских и политических правах, Российская Федерация является участником этого международного договора как правопреемник СССР.

³ Принята Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 3452 (XXX) от 9 декабря 1975 г.

⁴ Принципы эффективного расследования и документирования пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания были включены в качестве приложения в Резолюцию Генеральной Ассамблеи ООН 55/89 от 4 декабря 2000 г. В Резолюцию Комиссии ООН по правам человека 2000/43 от 20 апреля 2000 г.

⁵ Утвержден на 76-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН 9 декабря 1988 г.

Кроме того, специализированные структуры ООН — Комитет против пыток¹ и Специальный докладчик по пыткам² — сформулировали ряд принципов, которыми надлежит руководствоваться при расследовании сообщений о пытках.

Необходимо отметить, что Российская Федерация участвует не только в универсальных механизмах защиты прав человека, созданных ООН, но также является членом Совета Европы. Россия ратифицировала Европейскую Конвенцию о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (далее ЕКПЧ).³ Статья 3 указанной Конвенции гласит:

«Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

Абстрактная формулировка статьи 3 ЕКПЧ получила конкретное содержание в постановлениях Европейского Суда по правам человека (далее — Европейский Суд),⁴ который, в силу статьи 32 ЕКПЧ, обладает исключительной компетенцией толковать этот международный договор. Европейский Суд, так же как и органы ООН, установил, что запрет пыток налагает на государство обязанность реагировать на признаки пыток и жалобы на пытки, а также проводить эффективное расследование. Например, в постановлении по делу Айдин против Турции⁵ от 25 сентября 1997 г. сказано следующее:

«Суд напоминает, что статья 13 [ЕКПЧ] гарантирует, что на национальном уровне имеются средства для практической защиты конвенционных прав и свобод, независимо от того, в какой конкретной форме это будет закреплено во внутреннем правовом порядке. То есть, смысл этой статьи требует предоставления национально-го средства защиты, дающего компетентным национальным органам возможность как рассмотреть существо жалобы на нарушение Конвенции, так и предоставить надлежащую по-

мощ. При этом государствам-участникам дается определенная свобода в выборе способов, при помощи которых они будут следовать обязательствам, предусмотренным этим положением [статья 13 ЕКПЧ]. Содержание обязанностей, вытекающих из статьи 13, варьируются в зависимости от существа жалобы, поданной на основе Конвенции. Тем не менее, средство защиты, требуемое статьей 13, должно быть эффективно как на уровне закона, так и на практике...

*Более того, сущность права, защищаемого статьей 3 [ЕКПЧ] имеет последствия для [применения] статьи 13. Учитывая фундаментальное значение запрета пыток и особо уязвимую позицию жертв пыток, статья 13, без пренебрежения к другим средствам защиты, предлагаемым национальным правом, налагает на государства-участников обязанность проводить тщательное и эффективное расследование случаев пыток».*⁶

В постановлении по делу Ассенов и другие против Болгарии⁷ от 28 октября 1998 г. Европейский Суд развил эту концепцию:

*«...Это условие [запрет пыток] в совокупности с вытекающим из статьи 1 Конвенции общим обязательством государства «обеспечивать каждому, находящемуся под его юрисдикцией, права и свободы, определенные в ... Конвенции», по своему смыслу требует проведения эффективного официального расследования....В противном случае общий правовой запрет на пытки и бесчеловечное и унижающее обращение, несмотря на свое фундаментальное значение, будет неэффективным на практике, и в ряде случаев представители государства смогут фактически безнаказанно нарушать права лиц, находящихся под их контролем».*⁸

¹ Создан в соответствии со статьей 18 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания для осуществления контроля за исполнением положений указанной Конвенции.

² Институт Специального докладчика по пыткам создан резолюцией 1985/33 Комиссии ООН по правам человека.

³ ЕКПЧ ратифицирована Российской Федерацией Федеральным законом от 30 марта 1998 г. N 54-ФЗ, с оговоркой и заявлениями. Для Российской Федерации ЕКПЧ вступила в силу 5 мая 1998 г.

⁴ Федеральным законом от 30 марта 1998 г. N 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» Российская Федерация признала обязательную юрисдикцию Европейского Суда по правам человека.

⁵ AYDIN v. TURKEY (57/1996/676/866), 25 September 1997, п. 130.

⁶ Эти аргументы неоднократно применялись ЕСПЧ при рассмотрении других жалоб на нарушение статьи 3 ЕКПЧ. См. в частности: TEKİN v. TURKEY (52/1997/836/1042), 9 June 1998, п. 66; İLHAN v. TURKEY (Application no. 22277/93), 27 June 2000, п. 97; BATI AND OTHERS v. TURKEY (Applications nos. 33097/96 and 57834/00), 3 June 2004, п. 133; MEHMET EMIN YÜKSEL v. TURKEY (Application no. 40154/98), 20 July 2004, п.36; ÇELİK AND İMRET v. TURKEY (Application no. 44093/98), 26 October 2004, п. 54; ABDÜLSAMET YAMAN v. TURKEY (Application no. 32446/96), 2 November 2004, п. 53 и др..

⁷ ASSENOV AND OTHERS v. BULGARIA (Applications no. 90/1997/874/1086), 28 October 1998, п. 102.

⁸ Эти аргументы неоднократно применялись ЕСПЧ при рассмотрении других жалоб на нарушение статьи 3 ЕКПЧ. См. в частности: LABITA v. ITALY (Application no. 26772/95), 6 April 2000, п. 131; SEVTAP VEZNEDAROĞLU v. TURKEY (Application no. 32357/96), 11 April 2000, п. 32; POLTORATSKIY v. UKRAINE (Application no. 38812/97 29) April 2003, п. 125; TOTTEVA v. BULGARIA (Application no. 42027/98), 19 May 2004, п. 62; CORSACOV v. MOLDOVA (Application no. 18944/02), 4 April 2006, п. 68 и др.

Приводить список всех постановлений, в которых Европейский Суд рассматривает критерии эффективности расследования сообщений о пытках, не имеет смысла: он обширен и постоянно пополняется. Тем не менее, следует обратить внимание, что начиная с 2005 г. Европейский Суд вынес ряд постановлений, в которых рассматривал вопрос эффективности расследования сообщений о пытках применительно к Российской Федерации. Учитывая особое значение этих постановлений для российской правоприменительной практики, их содержание анализируется в отдельном разделе.

В. Основные принципы расследования сообщений о пытках, закрепленные в международных документах

I. Возникновение у государственных органов обязанности провести расследование

Международные документы предусматривают два основания возникновения обязанности проводить расследование: подача жалобы на пытки и обнаружение должностными лицами государства признаков пыток.

1.1 Право на подачу жалобы

Любое лицо, утверждающее, что оно пострадало от пыток, должно иметь возможность подать жалобу. В соответствии со статьей 8 Декларации о защите всех лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания:

«Любое лицо, которое утверждает, что оно подвергалось пытке или другому жестокому, бесчеловечному или унижающему достоинство виду обращения и наказания со стороны официального лица или по его подстрекательству, должно иметь право на то, чтобы предъявить жалобу компетентным органам соответствующего государства, и на то, чтобы дело было беспристрастно рассмотрено ими».

Право на подачу жалобы на пытки не зависит от статуса лица, выдвинутых против него обвинений или других обстоятельств. Государственные органы должны проводить расследование независимо от того, кто подал жалобу. Эта позиция,

в частности, нашла отражение в заключении Комитета ООН против пыток по жалобе Энкарнасьон Бланко Абад (сообщение № 59/1996: Испания, CAT/C/20/D/59/1996), пар. 8.2–8.8:

«Комитет отмечает, что в соответствии с требованиями ст. 12 Конвенции, власти должны приступить к расследованию при наличии обоснованных предположений о применении пыток или жестокого обращения вне зависимости от того, кто высказывает такие предположения [в данном деле с жалобой к властям обратилась женщина, обвиненная в терроризме]».

Международно-правовые акты специально оговаривают, что задержанные и заключенные также должны иметь возможность пожаловаться на пытки. В соответствии с пунктом 1 принципа 33 Свода принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме:

«Задержанное или находящееся в заключении лицо или его адвокат имеют право направить в органы, ответственные за управление местом задержания или заключения, либо в более высокие инстанции, а в случае необходимости — в соответствующие органы, уполномоченные рассматривать жалобы или предоставлять средства защиты, просьбу или жалобу относительно обращения с данным лицом, в частности в случае пыток или другого жестокого, бесчеловечного или унижающего человеческое достоинство обращения».

Согласно требованиям международных актов, право на подачу жалобы принадлежит не только самому пострадавшему или его юридическому представителю. Например, в пункте 2 принципа 33 Свода принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме, говорится:

«В тех случаях, когда ни задержанное или находящееся в заключении лицо, ни его адвокат не имеют возможности осуществить свои права в соответствии с пунктом 1, такое право могут осуществить член семьи задержанного или находящегося в заключении лица, или какое-либо другое лицо, которое осведомлено об этом деле».

В связи с особой общественной опасностью пыток, международные документы требуют, чтобы компетентные государственные органы не применяли к жалобам на пытки формальный подход. Из содержания международных документов следует, что государственные органы должны реаги-

ровать не только на письменные жалобы на пытки, поданные в установленной форме, но и все прочие жалобы, включая устные сообщения. Этого требует, в частности, Европейский Суд. Например, в постановлении по делу Севтап Везнедароглу против Турции¹ от 11 апреля 2000, пп. 33–34, сказано:

«Суд отмечает, что 15 июля 1994 года заявительница сообщила прокурору и замещающему судье государственного суда безопасности Диярбакира, что она подверглась пыткам. Материалы дела, представленные прокурору, содержали результаты медицинских осмотров заявительницы 4, 13 и 15 июля 1994 года. Заключение осмотров, проведенных 13 и 15 июля 1994 года, указывали на наличие свежих ссадин на руке и ноге заявительницы...»

По мнению Суда, настойчивой жалобы заявительницы в совокупности с медицинскими документами, содержащимися в материалах дела, должно было оказаться достаточным, чтобы уведомить прокурора о необходимости провести расследование...»

Кроме того, в международных документах подчеркивается, что к жалобам на пытки не должны применяться не только требования о письменной форме подачи, но и иные процессуальные ограничения, включая: необходимость подать жалобу определенному должностному лицу, сформулировать четкие требования и пр. С точки зрения международных документов, самое важное, что пострадавший или иное лицо сообщили о предполагаемом факте пыток любому представителю государственной власти. В заключении Комитета ООН против пыток по жалобе Буабдалла Лгаиф (сообщение № 189/2001: Тунис, CAT/C/31/D189/2001/), пар. 10.5–10.7, этот подход сформулирован следующим образом:

«Комитет также обращает внимание на то, что ст. 13 Конвенции не требует подачи заявителем официальной жалобы о применении пыток в соответствии с процедурой, установленной национальным правом или четко выраженного намерения заявителя добиваться начала и продолжения расследования уголовного дела, возбужденного по факту совершения преступления. Жертве достаточно просто довести факты до сведения властей государства, чтобы у последнего появилась обязанность рассматривать такое заявление жертвы как выражение молчаливого, но недвусмысленного желанья жертвы провести быстрое и беспристрастное расследование».

¹ SEVTAP VEZNEVAROĞLU v. TURKEY (Application no. 32357/96), 11 April 2000.

1.2. Обоснованность жалобы на пытки

В соответствии с международными стандартами, государство обязано начинать расследование в ответ на обоснованную жалобу на пытки. В рекомендациях Специального докладчика по пыткам (Приложение 1 к отчету Специального докладчика, представленному в соответствии с резолюцией Комиссии по правам человека 2001/62, E/CN.4/2003/68) от 17 декабря 2002 г., указано:

«Если задержанный, его родственник или адвокат подает жалобу о применении пыток, то во всех случаях следует проводить расследование (если только обвинение не представляется очевидно необоснованным)».

Однако необходимо учитывать, что используемое в международных документах понятие обоснованной и правдоподобной жалобы не тождественно понятию истинной жалобы. Очевидно, что точная оценка соответствия жалобы действительности может быть дана только в результате проведенного расследования. По этой причине, для возникновения у государства обязанности провести расследование, совершенно не обязательно, чтобы жалоба была подкреплена бесспорными доказательствами факта пыток. Достаточно наличия сведений, которые могут вызвать предположение, что пытки, возможно, имели место.

В частности, если у предполагаемой жертвы пыток имеются телесные повреждения, жалобу на пытки следует считать обоснованной, особенно если известно, что предполагаемая жертва вступала в контакт с должностными лицами, была задержана или содержалась под стражей. Этот подход нашел свое отражение в постановлении Европейского Суда по делу Асенов и другие против Болгарии² от 28 октября 1998, п. 101:

«Суд, тем не менее, полагает, что медицинские свидетельства [о телесных повреждениях], показания г-на Асенова, тот факт, что его удерживали в течение двух часов в полицейском участке, а также отсутствие показаний каких-либо свидетелей о том, что г-н Иванов бил своего сына с достаточной силой, чтобы причинить ему зафиксированные синяки, в совокупности вызывают обоснованные подозрения, что эти повреждения могли быть причинены полицией».

В постановлении Европейского Суда по делу Кметти против Венгрии³ от 16 декабря 2003, п. 37, указано:

² ASSENOV AND OTHERS v. BULGARIA (90/1997/874/1086), 28 October 1998.

³ KMETTY v. HUNGARY (Application no. 57967/00), 16 December 2003.

«Суд, тем не менее, полагает, что взятые вместе медицинские свидетельства [о телесных повреждениях], показания заявителя и тот факт, что его удерживали в течение более чем трех часов в департаменте полиции, вызывают обоснованные подозрения, что он [заявитель] был подвергнут ненадлежащему обращению со стороны полиции».

Аналогичным образом в постановлении Европейского Суда по делу Тотева против Болгарии¹ от 19 мая 2004, п. 61, говорится:

«Суд полагает, что медицинские свидетельства [о телесных повреждениях] взятые вместе с жалобами и показаниями заявительницы вызывают обоснованные подозрения, что повреждения могли быть причинены ей [заявительнице] полицией».

Эта позиция повторена и в постановлении Европейского Суда по делу Крастанов против Болгарии² от 30 сентября 2004, п. 58:

«Жалоба заявителя в этом отношении является обоснованной. Соответственно, власти были обязаны провести эффективное расследование обстоятельств, при которых заявитель получил повреждения».³

Приведенный выше подход не является абсолютным. В соответствии с международными документами, если у жалующегося нет доказательств, подтверждающих причинение травм, это само по себе не означает, что жалоба необоснованная. В таком случае признаками обоснованности жалобы может быть детальность и последовательность изложения событий жалующимся лицом. Такой подход зафиксирован в заключении Комитета ООН против пыток по жалобе Энкарнасьон Бланко Абад (сообщение № 59/1996: Испания, CAT/C/20/D/59/1996), пар. 8.2–8.8:

«Комитет замечает, что в соответствии с требованиями ст. 12 Конвенции, власти должны приступить к расследованию при наличии обоснованных предположений о применении пыток или жестокого обращения, вне зависимости от того, кто их высказывает.

Комитет отмечает, что при появлении в суде 2/02/1992 после содержания инкоммуникадо [без каких-либо контактов с внешним миром] с 29/01/1992, заявительница сообщила, что подвергалась физическому и моральному насилию, в том числе угрозам изнасилования. В распоряжении суда имелись пять заключений судебных медиков, осматривавших ее ежедневно, первые четыре осмотра проводились в помещении жандармерии, последнее — в помещении суда. В заключениях отмечено, что заявительница жаловалась на жестокое обращение, заключавшееся в оскорблениях, угрозах и ударах, содержании в течение многих часов в черном капюшоне, надетом на голову, а также на то, что ее заставляли подолгу оставаться обнаженной, хотя следов насилия на теле заявительницы обнаружено не было. Комитет отмечает, что вышеизложенного должно быть достаточно для начала расследования».

С точки зрения международных документов, показателем обоснованности жалобы на пытки также является наличие аналогичных жалоб от других лиц. В частности, на этом основании в постановлении Европейского Суда по делу Лабита против Италии⁴ от 6 апреля 2000 жалоба на пытки была признана обоснованной:

«Суд отмечает, что показания, данные заявителем следственному судье Трапани во время слушаний 2 октября 1993 года и карабинерам 5 января 1994 года, взятые в совокупности, дают весомые основания подозревать, что заявитель подвергся ненадлежащему обращению в тюрьме Пианоза. Нельзя также забывать, что в рассматриваемый период времени условия содержания в Пианоза были под пристальным вниманием прессы, и что другие заключенные жаловались на обращение, похожее на то, какое описывал заявитель, что увеличивает правдоподобие его жалоб. Суд полагает, что когда индивид делает правдоподобное утверждение, что, находясь в руках полиции или иных должностных лиц, он подвергся обращению, нарушающему статью 3 [ЕКПЧ],... требуется...проведение эффективного официального расследования».⁵

Серьезность выдвинутых обвинений сама по себе может служить подтверждением обоснованности жалобы. Такая позиция, в частности, нашла

¹ TOTEVA v. BULGARIA (Application no. 42027/98), 19 May 2004.

² KRASTANOV v. BULGARIA (Application no. 50222/99), 30 September 2004.

³ Аналогичный подход был применен ЕСПЧ при рассмотрении других жалоб на нарушение статьи 3 ЕКПЧ. См. в частности: İLHAN v. TURKEY (Application no. 22277/93), 27 June 2000, п. 98–99; POLTORATSKIY v. UKRAINE (Application no. 38812/97), 29 April 2003, п. 126, и др.

⁴ LABITA v. ITALY (Application no. 26772/95), 6 April 2000

⁵ Этот принцип применялся ЕСПЧ при рассмотрении других жалоб на нарушение статьи 3 ЕКПЧ. См. в частности: SA-DIK ÖNDER v. TURKEY (Application no. 28520/95), 8 January 2004, п. 41; BOICENCO v. MOLDOVA (Application no. 41088/05), 11 July 2006, п. 120, и др.

отражение в постановлении Европейского Суда по делу Айдин против Турции¹ от 25 сентября 1997, п. 105:

«Заявительница, ее отец и невестка жаловались прокурору на обращение, которому они подверглись во время нахождения под стражей. В своем заявлении она [заявительница] особо указала, что в расположении жандармерии Дерика ее подвергли пыткам и изнасиловали. Несмотря на то, что она [заявительница] не могла продемонстрировать видимых следов пыток, следовало бы ожидать, что прокурор примет во внимание серьезность ее доводов, учитывая также сообщения членов ее семьи об обращении, которому они подверглись. В таких обстоятельствах он [прокурор] получил сигнал о необходимости проведения быстрого, тщательного и эффективного расследования...»

1.3. Обязанность реагировать на признаки пыток вне зависимости от наличия жалобы

Наличие поданной в любой форме жалобы на пытки не является единственным основанием для возникновения обязанности провести расследование. Если в распоряжении государственных органов или должностных лиц каким-либо образом оказалась любая информация, указывающая на возможное совершение пыток, они так же обязаны приступить к расследованию. Это требование закреплено в ст. 9 Декларации о защите всех лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания:

«Каждый раз, когда есть разумные основания полагать, что имела место пытка, как это определено в статье 1, компетентные органы соответствующего государства должны немедленно начать беспристрастное расследование, даже если официально не было предъявлено жалобы».

Принципы эффективного расследования и документирования пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения или наказания (Стамбульский протокол) также указывают:

«Расследование проводится даже при отсутствии поданной жалобы, если имеются иные свидетельства возможного применения пыток или ненадлежащего обращения».

¹ AYDIN v. TURKEY (57/1996/676/866), 25 September 1997.

Аналогичная позиция нашла отражение в постановлении Европейского Суда по делу Бати и другие против Турции² от 3 июня 2004, п. 133:

«Даже в том случае, если жалоба не была подана, расследование должно быть начато, когда имеются достаточно явные признаки того, что пытки или ненадлежащее обращение имело место. Власти должны принимать в расчет особо уязвимое положение жертвы пыток и тот факт, что люди, подвергшиеся плохому обращению, могут оказаться в меньшей степени готовыми и желающими подать жалобу».

Требование реагировать на признаки пыток предполагает, что должностные лица обязаны предпринимать соответствующие шаги для начала расследования. Если информацию о возможном применении пыток получил чиновник, не имеющий соответствующих полномочий, государство в целом не избавляется от обязанности проводить расследование. Напротив, такой чиновник должен передать полученную информацию тем лицам или структурам, в компетенцию которых входит проведение расследования. В частности это требование содержится в постановлении Европейского Суда по делу Акташ против Турции³ от 24 апреля 2003, п. 303:

«Суд поразило, что должностное лицо жандармерии не взяло на себя инициативу незамедлительно уведомить компетентные органы о смерти Якупа Акташа в заключении. Внимание регионального административного совета к данному делу было привлечено спустя четыре дня, и только в результате того, что заявитель направил жалобу прокурору Дерика».

II. Эффективность расследования сообщений о пытках: общее определение

Из содержания международных документов следует, что обязанность провести расследование об основанной жалобе или иного сообщения о пытках не может быть сведена к формальному решению о начале расследования. Бездействие властей в ходе открытого расследования, по мнению международных органов, будет являться нарушением обязанности проводить эффективное расследование в той же степени, что и полное отсутствие реакции на жалобу или иную информацию о пыт-

² BATI AND OTHERS v. TURKEY (Applications no. 33097/96 and 57834/00), 3 June 2004.

³ AKTAŞ v. TURKEY (Application no. 24351/94), 24 April 2003.

ках. Этот принцип отражен, например, в постановлении Европейского Суда по делу Элчи и другие против Турции¹ от 13 ноября 2003, пп. 645 и 649:

«Исходя из того, что жалобы заявителя не были восприняты серьезно и расследованы властями, Суд устанавливает, что в данном деле не было представлено никаких доказательств, способных опровергнуть выдвигаемую заявителем версию [событий], которую Суд нашел правдоподобной и непротиворечивой.

...Принимая во внимание полное бездействие органов правосудия при расследовании жалоб заявителя на плохое обращение во время задержания в жандармерии, Суд приходит к выводу, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции в ее процессуальном аспекте».

С точки зрения Европейского Суда и других международных органов, расследование сообщений о пытках должно быть эффективным. В международных документах устанавливаются основные характеристики эффективного расследования: тщательность, быстрота, независимость, а так же доступ жертвы к расследованию. В Постановлении Европейского Суда по делу Айдин против Турции² от 25 сентября 1997, п. 103 говорится:

*«Когда лицо заявляет обоснованную жалобу на пытки, примененные должностными лицами, понятие эффективного средства защиты включает в себя, кроме надлежащей выплаты компенсации, тщательное и эффективное расследование, включая эффективный доступ жалобщика к следственной процедуре. Правда, в Конвенции [ЕКПЧ] отсутствует явно выраженное положение, аналогичное положению статьи 12 Конвенции ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания 1984 года, которое налагает обязательство провести быстрое и беспристрастное расследование каждый раз, когда имеются разумные основания предполагать, что был совершен акт пыток. Однако это требование [быстроты и беспристрастности] подразумевается понятием эффективного средства защиты, закрепленного в статье 13 [ЕКПЧ]».*³

¹ ELCI AND OTHERS v. TURKEY (Applications no. 23145/93 and 25091/94), 13 November 2003.

² AYDIN v. TURKEY (57/1996/676/866), 25 September 1997.

³ Требование тщательности, быстроты и беспристрастности расследования, а так же доступа жалобщика к следственной процедуре было повторено ЕСПЧ при рассмотрении других жалоб на нарушение статьи 3 ЕКПЧ. См. в частности: BATI AND OTHERS v. TURKEY (Applications nos. 33097/96 and 57834/00), 3 June 2004, пп. 133, 135–136; МЕНМЕТ ЕМИН YÜKSEL v. TURKEY (Application no. 40154/98), 20 July 2004, пп.36–

В международных документах подчеркивается, что оценка эффективности расследования должна проводиться с практической точки зрения. Этот подход, в частности, предполагает, что должностные лица и компетентные органы власти не должны бездействовать или совершать действия, которые негативно скажутся на способности расследования установить истину. В соответствии с постановлением Европейского Суда по делу Бати и другие против Турции⁴ от 3 июня 2004, п. 133–134:

*«...расследование должно быть эффективным на практике... и не должно неоправданно затрудняться действиями или бездействием властей государства-ответчика».*⁵

В следующих разделах детально анализируется содержание основных принципов эффективного расследования — быстроты расследования, принципа расследования и независимости расследования. Кроме того, рассматриваются такие стандарты эффективного расследования как доступ пострадавшего к расследованию и публичность расследования.

1. Быстрота расследования

1.1 Незамедлительное начало расследования

Быстрота расследования жалоб на пытки — одно из важнейших условий эффективности такого расследования. Установленное в международных документах требование незамедлительного расследования в первую очередь подразумевает скорость реагирования властей на сообщения о пытках. Так, п. 1 Принципов эффективного расследования и документирования пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения или наказания (Стамбульский протокол) указывает:

«Государства обеспечивают быстрое и эффективное расследование всех жалоб и сообщений о пытках и плохом обращении».

37; ÇELİK AND İMRET v. TURKEY (Application no. 44093/98), 26 October 2004, пп. 54–55; ABDÜLSAMET YAMAN v. TURKEY (Application no. 32446/96), 2 November 2004, пп. 53–54; CORSAOV v. MOLDOVA (Application no. 18944/02), 4 April 2006, пп. 68–70; BOICENCO v. MOLDOVA (Application no. 41088/05), 11 July 2006, пп. 120–121 и др..

⁴ BATI AND OTHERS v. TURKEY (Applications no. 33097/96 and 57834/00), 3 June 2004.

⁵ Этот принцип применялся ЕСПЧ при рассмотрении других жалоб на нарушение статьи 3 ЕКПЧ. См. в частности: AYDIN v. TURKEY (57/1996/676/866), 25 September 1997, п. 103; İLHAN v. TURKEY (Application no. 22277/93), 27 June 2000, п. 97 и др..

Принцип 33 п. 4 Свода принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме устанавливает:

«Каждая просьба или жалоба рассматривается без промедлений, ответ приводится без неоправданной задержки».

В соответствии с рекомендациями Специального докладчика по пыткам (Приложение 1 к отчету Специального докладчика, представленному в соответствии с резолюцией Комиссии по правам человека 2001/62, E/CN.4/2003/68) от 17 декабря 2002 г.:

«Жалобы на применение пыток следует рассматривать незамедлительно».

Установлено, что при получении жалобы или иной информации о пытках компетентные органы должны начать расследование как можно быстрее, без каких-либо задержек. В соответствии с постановлением Европейского Суда по делу Бати и другие против Турции¹ от 3 июня 2004 г., п. 133:

«Характер расследования, который достигнет этих целей [установления причин получения повреждений и идентификации виновных], может зависеть от обстоятельств. Однако какой бы метод расследования не был бы избран, власти должны начать действовать сразу же после того, как жалоба была подана».

Аналогичный подход отразился в постановлении Европейского Суда по делу Абдулсамет Яман против Турции² от 2 ноября 2004 г., п. 54:

«Требование быстроты подразумевается в этом контексте. Необходимо учитывать, что могут возникать препятствия или сложности, которые затрудняют ход расследования в конкретной ситуации. Тем не менее, быстрая реакция властей в рамках расследования пыток или ненадлежащего обращения может в целом считаться основой для поддержания веры общества в их [властей] приверженности к верховенству закона и предотвращения видимости сговора или толерантного отношения [властей] к незаконным актам».³

¹ BATI AND OTHERS v. TURKEY (Applications nos. 33097/96 and 57834/00), 3 June 2004.

² ABDÜLSAMET YAMAN v. TURKEY (Application no. 32446/96), 2 November 2004.

³ Эти аргументы неоднократно применялись ЕСПЧ при рассмотрении других жалоб на нарушение статьи 3 ЕКПЧ. См. в частности: ATI AND OTHERS v. TURKEY (Applications nos. 33097/96 and 57834/00), 3 June 2004, п. 136; ÇELİK AND İMRET v. TURKEY (Application no. 44093/98), 26 October 2004, п. 55 и др.

Требование незамедлительно начать расследование подразумевает скорость принятия соответствующих официальных решений о его открытии. Кроме того, должностные лица должны как можно скорее приступить к сбору доказательств и осуществлению следственных действий. Это требование нашло отражение в различных документах. Так, заключение Комитета ООН против пыток по жалобе Гани Халими Неджиби (сообщение № 8/1991: Австрия, CAT/C/11/D/8/1991), пар. 13.5, следующим образом рассматривает вопрос о скорости начала расследования:

«Остается рассмотреть вопрос, исполнило ли государство свое обязательство приступить к расследованию при наличии обоснованных предположений о применении пыток в соответствии с требованиями ст. 12 Конвенции. Комитет отмечает, что заявитель рассказал судье о применении к нему жесткого обращения 5/12/1988. Хотя судья опросил офицеров полиции по поводу утверждений заявителя, расследования не проводилось до 5/03/1990, когда в отношении сотрудников полиции было возбуждено уголовное дело. Комитет считает, что задержка начала расследования утверждений о применении пыток в 15 месяцев неприемлемо длинна и не отвечает требованиям ст. 12 Конвенции».

В заключении Комитета ООН против пыток по жалобе Энкарнасьон Бланко Абад (сообщение № 59/1996: Испания, CAT/C/20/D/59/1996), пар. 8.2–8.8, сказано:

«Комитет предполагает, что требование быстроты существенно не только для прекращения подобных [противоправных и насильственных] действий в отношении жертвы в дальнейшем, но также и для дальнейшего успеха расследования, поскольку если применяемые методы не оставляют постоянных следов или серьезного воздействия, то физические следы пыток и жестокого или бесчеловечного обращения скоро исчезают».

Комитет также отмечает, что когда 3/02/1992 врач центра содержания заметил синяки и ушибы на теле заявительницы, этот факт немедленно был доведен до внимания судебных властей. Тем не менее, компетентный судья не рассматривал дело до 17/02/1992, а суд № 44 начал рассмотрение дела только 21/02/1992».

Комитет считает, что отсутствие расследования жалоб заявительницы, которые она сообщила судебно-медицинскому эксперту после первого осмотра, а также после дальнейших

осмотров, а затем повторила судье и количество времени, прошедшее между сообщением о жестоком обращении и началом расследования обращения судом, несовместимо с обязательством приступить к немедленному расследованию в соответствии со ст. 12 Конвенции».

Аналогичная позиция содержится в заключении Комитета ООН против пыток по жалобе Йовица Димитров (сообщение № 171/2000: Сербия и Черногория, CAT/C/34/D/171/2000), пар. 7.2:

«Принимая во внимание предполагаемое нарушение ст. ст. 12 и 13 Комитет отмечает, что прокурор потребовал начать предварительное расследование только спустя 34 месяца после подачи заявителем жалобы, а также то, что в дальнейшем государство не предприняло никаких действий для расследования жалобы заявителя после подачи жалобы».

1.2. Скорость совершения следственных действий

Принцип быстроты касается не только скорости начала расследования. Он также требует, чтобы компетентные органы власти, начав расследование, без проволочек предпринимали необходимые следственные действия. Необоснованные задержки в совершении различных процессуальных шагов рассматриваются как нарушение принципа быстроты расследования. В качестве примера можно привести заключение Комитета ООН против пыток по жалобе Энкарнасьон Бланко Абад (сообщение № 59/1996: Испания, CAT/C/20/D/59/1996), пар. 8.2–8.8:

«Комитет отмечает, что жалоба заявительницы, поданная в Высокий суд [верховный суд страны], не была рассмотрена, и хотя суд № 44 и начал рассмотрение ее жалобы, не сделал этого с необходимой быстротой. На самом деле прошло более трех недель с того момента, как суд получил медицинское заключение из центра содержания до того, как заявительницу привезли в суд, и она сообщила о применении к ней жестокого обращения. В тот же день суд обратился во 2 секцию Высокого суда и попросил переслать заключение судебного медика, представленное в этот суд, однако прошло более двух месяцев до момента, когда заключение было приобщено к материалам дела. Судья 2/06/1992 запросила судебных медиков Суда № 44 подготовить отчет, что было сделано 28/08/1992. А 3/08/1992 судья принял решение о необходимости допросить судебного медика из Высокого суда, проводившего осмотр заявителя. Судебный медик дал показа-

ния 17/11/1992. В тот же день суд сделал запрос в центр содержания относительно условий проведения осмотра. Информация была передана суду 23/12/1992. Комитет считает, что вышеизложенная хронология показывает, что меры, принятые в рамках расследования, не отвечали требованию быстроты рассмотрения жалоб, предписанному ст.13 Конвенции. Данный недостаток не может быть оправдан отсутствием протеста со стороны заявительницы в течение длительного периода».

Исходя из содержания различных международных документов, особенное внимание должно уделяться своевременному проведению медицинского освидетельствования или экспертизы предполагаемой жертвы пыток. Задержки в проведении медицинского освидетельствования лишают следственные органы возможности точно установить, применялось или нет насилие к предполагаемой жертве пыток. Упущение этой возможности существенно ухудшает способность расследования установить обстоятельства дела, то есть, снижает эффективность расследования. Эта позиция, в частности, нашла отражение в постановлении Европейского Суда по делу Полторацкий против Украины¹ от 29 апреля 2003 г., п. 126:

«В частности, признано неудовлетворительным, что медицинское освидетельствование заявителя тюремным врачом было проведено только 28 октября 1998 года, почти через два месяца после обращения родителей заявителя в прокуратуру 2 сентября 1998 года, и тогда, когда какие-либо следы предполагаемого ненадлежащего обращения должны были исчезнуть».

Вместе с тем, следственные органы обязаны уделять внимание не только получению медицинских доказательств. Допрос предполагаемого потерпевшего, идентификация и допрос свидетелей, а также другие необходимые следственные действия должны предприниматься без задержек. Промедления в осуществлении следственных действий приводит к нарушению принципа быстроты расследования. К такому выводу пришел Европейский Суд в постановлении по делу Лабита против Италии² от 6 апреля 2000 г., п. 133:

«Суд установил, что расследование, проводимое прокурором Ливорно, было крайне медленным: после того, как заявитель был допрошен карабинерами 5 января 1994 года, прошло четыр-

¹ POLTORATSKIY v. UKRAINE (Application no. 38812/97), 29 April 2003.

² LABITA v. ITALY (Application no. 26772/95), 6 April 2000.

надцать месяцев до того, как его пригласили на опознание виновных. Кроме того, материалы дела показывают, что единственным действием, предпринятым в этот период, было получение копий фотографий охранников, работающих в Пианоза».

Аналогичный подход отразился в постановлении Европейского Суда по делу Афанасьев против Украины¹ от 5 апреля 2005 г., п. 76:

«Уголовный процесс и расследование по жалобам заявителя были начаты более чем год спустя после предполагаемых событий... Многие свидетели были допрошены по истечению существенного периода времени и не могли давать четкие показания о событиях марта 2000 года».

1.3. Разумный срок расследования

Принцип быстроты расследования также подразумевает, что общая продолжительность расследования не является чрезмерной. Компетентные органы должны в разумные сроки завершить расследование и вынести соответствующее решение по его результатам. Оценка срока расследования с точки зрения принципа быстроты была дана, в частности, в заключении Комитета ООН против пыток по жалобе Радивое Ристич (сообщение № 113/1998: Югославия, CAT/C/26/D/113/1998), пар. 9.4–9.7:

«Комитет отмечает, что с момента инцидента прошло 6 лет, и у государства было достаточно времени для проведения надлежащего расследования. Таким образом, Комитет считает, что государство нарушило свои обязательства по статьям 12 и 13 Конвенции быстро и беспристрастно расследовать заявления о пытках или полицейской жестокости».

Аналогичный подход нашел отражение в постановлении Европейского Суда по делу Тотева против Болгарии² от 19 мая 2004 г., п. 65:

«В заключение Суд отмечает, что после окончания предварительной проверки властями не принимались дальнейшие меры по расследованию до настоящего момента, то есть более восьми лет после инцидента. Он [Суд] также обращает внимание, что формального решения по жалобе дочери заявительницы не было вынесено».

Принцип быстроты расследования предполагает что, если в ходе расследования факт пыток был

подтвержден, органы власти должны без отлагательства принять меры для привлечения виновных к ответственности. Задержка с привлечением виновных к ответственности является нарушением принципов эффективного расследования, как это, в частности, констатируется в постановлении Европейского Суда по делу Челик и Имрет против Турции³ от 26 октября 2004 г., п. 58:

«Суд отмечает, что заявители подали жалобы на плохое обращение в прокуратуру Батмана, суд магистратов Батмана и суд государственной безопасности Диярбакира. Несмотря на серьезность жалоб заявителей, органы правосудия не смогли быстро предъявить обвинение причастным сотрудникам полиции. В этой связи [Суд] отмечает, что только через год и шесть месяцев с того момента, как Европейский Суд по правам человека сообщил Правительству о поданной жалобе, новое расследование было начато по жалобам заявителей. Потом у прокурора Батмана ушел год и три месяца на то, чтобы направить обвинительное заключение в суд».

Ситуация, когда из-за задержек в проведении следствия виновные освобождаются от ответственности, считается грубым нарушением стандартов эффективного расследования сообщений о пытках. Такая позиция была зафиксирована в постановлении Европейского Суда по делу Абдулсамет Яман против Турции⁴ от 2 ноября 2004 г., п. 59:

«Суд поражен, что рассмотрение процедуры не достигло никакого результата преимущественно по причине существенных задержек, что в итоге, [привело к] истечению сроков давности, установленных национальным законом».

2. Тщательность расследования

2.1. Цели и задачи расследования

Основной задачей расследования сообщения о пытках является установление наличия или отсутствия факта пыток, то есть неправомерного применения насилия или причинения страданий. Объяснение этого принципа содержится, в частности, в постановлении Европейского Суда по делу Актас против Турции⁵ от 24 апреля 2003 г., п. 300:

³ ÇELİK AND İMRET v. TURKEY (Application no. 44093/98), 26 October 2004.

⁴ ABDÜLSAMET YAMAN v. TURKEY (Application no. 32446/96), 2 November 2004.

⁵ AKTAŞ v. TURKEY (Application no. 24351/94), 24 April 2003.

¹ AFANASYEV v. UKRAINE (Application no. 38722/02), 5 April 2005.

² TOTEVA v. BULGARIA (Application no. 42027/98), 19 May 2004.

«Расследование также должно быть эффективным, поскольку оно способно привести к установлению, было или не было правомерным применение силы в данных обстоятельствах, а так же к идентификации и наказанию виновных. Это не обязанность [получения определенного] результата, но [обязанность использования надлежащих] средств... Любой недостаток расследования, который подрывает возможность установить причину [телесных] повреждений и идентифицировать ответственных за это лиц, создает риск несоответствия [расследования] стандарту».¹

Если применение пыток имело место, расследование также должно идентифицировать лиц, виновных в применении пыток, и собрать доказательства их вины, достаточные для привлечения к ответственности. Об этом говорит Декларация о защите всех лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, ст. 10:

«Если расследование ... устанавливает очевидность того, что имела место пытка,...против такого нарушителя или нарушителей должен быть в соответствии с национальным законодательством возбужден уголовный процесс. Если будет обнаружено, что обвинения в других видах жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания имеют основания, то против такого нарушителя или нарушителей должно быть возбуждено уголовное, дисциплинарное или другое соответствующее преследование».

Отсутствие шагов, направленных на привлечение виновных к ответственности, в тех случаях, когда есть подтверждения факта пыток, рассматривается как нарушение принципа тщательности расследования. Такой вывод, например, содержится в заключении Комитета ООН против пыток по жалобе Харизи Джемал и др. (сообщение № 161/2000: Югославия, CAT/C/29/D/161/2000), пар. 9.4–9.5:

«Рассматривая предполагаемое нарушение ст. 12 Конвенции, Комитет, как и в предыдущих решениях (см., напр., Энкарнасьон Бланко Абад

против Испании, сообщение № 59/1996, решение от 14.05.1998) подчеркивает, что уголовное расследование должно не только установить причины и обстоятельства предполагаемого преступления, но и установить лиц, участвовавших в его совершении. В настоящем деле Комитет отмечает, что, несмотря на участие в погроме 15.04.1995 г. как минимум сотни человек и присутствие полицейских во время и на месте события, ни один из участников событий и ни один из полицейских не был привлечен к ответственности. В подобных обстоятельствах, Комитет считает, что расследование, предпринятое властями, не отвечает требованиям ст. 12 Конвенции».

Задача расследования не сводится к сбору и закреплению доказательств, необходимых для привлечения виновных к ответственности. Расследование также должно предоставить материалы, необходимые для разрешения вопроса о компенсации ущерба, причиненного пострадавшему или его родственникам. Еще одной задачей расследования является выявление факторов, способствовавших применению пыток. Это необходимо для выбора адекватных мер по профилактике пыток.

Наиболее четко перечень задач расследования изложен в п. 1 Принципов эффективного расследования и документирования пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения или наказания (Стамбульский протокол):

«Цель эффективного расследования и документирования пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (далее пыток или иного ненадлежащего обращения) заключается в следующем:

- (i) Классификация фактов, установление и подтверждение ответственности отдельного лица и государства перед потерпевшими и их семьями;*
- (ii) Выявление мер, необходимых для предотвращения рецидива;*
- (iii) Содействие применению уголовных и/или, там где это приемлемо, дисциплинарных санкций к тем, кто в результате расследования был выявлен в качестве виновного, и указание на необходимость полного возмещения ущерба и компенсации со стороны государства, в том числе честной и адекватной финансовой компенсации, и предоставления средств для медицинского ухода и реабилитации».*

Аналогичный список приведен в рекомендациях Специального докладчика по пыткам (Приложение 1 к отчету Специального докладчика, пред-

¹ Эти критерии эффективности расследования были применены ЕСПЧ при рассмотрении других жалоб на нарушение статьи 3 ЕКПЧ. См. в частности: LABITA v. ITALY (Application no. 26772/95), 6 April 2000, п. 131; ELCI AND OTHERS v. TURKEY (Applications nos. 23145/93 and 25091/94), 13 November 2003, п. 648; KMETTY v. HUNGARY (Application no. 57967/00), 16 December 2003, п. 38; KRASTANOV v. BULGARIA (Application no. 50222/99), 30 September 2004, п. 57; ABDÜLSAMET YAMAN v. TURKEY (Application no. 32446/96), 2 November 2004, п. 53; BOICENCO v. MOLDOVA (Application no. 41088/05), 11 July 2006, п. 123 и др..

ставленному в соответствии с резолюцией Комиссии по правам человека 2001/62, E/CN.4/2003/68) от 17 декабря 2002 г.:

«Жалоба, признанная обоснованной, должна приводить к компенсации потерпевшему или его родственникам.

Лицо, в отношении которого имеются достоверные доказательства его ответственности за применение пыток или плохого обращения, должно быть предано суду и, в случае признания виновным, наказано.

Если пытка применялась в официальном месте содержания под стражей, то руководитель этого заведения должен быть подвергнут дисциплинарному взысканию или наказан».

2.2. Методы ведения расследования

Способы, выбираемые для расследования сообщения о пытках, должны приводить к выполнению основных задач расследования. Государственные органы, отвечающие за проведение расследования, обязаны принять меры для обнаружения и фиксации всех доказательств, имеющих значение для установления обстоятельств дела. Прекращение расследования до выполнения всех необходимых шагов по сбору доказательств будет рассматриваться как нарушение принципа тщательности расследования. В частности, такая позиция зафиксирована в постановлении Европейского Суда по делу Бойченко против Молдовы¹ от 11 июля 2006 г., п. 123:

«Расследование существенных жалоб на ненадлежащее обращение должно быть тщательным. Это означает, что власти обязаны всегда предпринимать серьезную попытку установить, что произошло, и не опираться на поспешные или необоснованные выводы, чтобы прекратить расследование или вынести решение по делу. Они должны предпринимать все доступные шаги для закрепления доказательств, имеющих отношение к случившемуся, включая, в частности, показания очевидцев и медицинские документы».

Принцип тщательности расследования предполагает, что государство должно уделять особое внимание расследованию жалоб задержанных и заключенных на пытки. Объяснение такого подхода, в частности, дано в постановлении Европейского Суда по делу Бати и другие против Турции² от 3 июня 2004 г., п. 134:

¹ BOICENCO v. MOLDOVA (Application no. 41088/05), 11 July 2006.

² BATI AND OTHERS v. TURKEY (Applications nos. 33097/96 and 57834/00), 3 June 2004.

«...Суд принимает во внимание тот факт, что жертве исключительно сложно подтвердить жалобы на пытки во время содержания в полиции, если он или она изолирован от окружающего мира, не имеет доступа к врачам, юристам, членам семьи, которые могли бы оказать поддержку и собрать надлежащие доказательства. Власти должны предпринять все возможные разумные шаги, чтобы обеспечить получение доказательств, касающихся данного инцидента, включая: детальные показания предполагаемой жертвы о случившемся, показания очевидцев, судебно-медицинские доказательства и, в случае необходимости, дополнительные медицинские документы, дающие полное и точное описание повреждений и объективный медицинский анализ, в частности, [анализ] причин этих повреждений».

Принцип тщательности расследования подразумевает своевременное принятие мер для обнаружения и фиксации всех доказательств, имеющих значение для установления обстоятельств дела. Небрежное отношение к сбору доказательств, не принятие следственных действий, которые необходимо было совершить, чтобы проверить те или иные доводы лица, жалующегося на пытки, рассматривается как нарушение принципа тщательности расследования. Такой подход, в частности, нашел отражение в постановлении Европейского Суда по делу Айдин против Турции³ от 25 сентября 1997 г., п. 106:

«Если ему [прокурору] не предоставили имен жителей деревни, которые были очевидцами того, как задерживали семью Айдин 28 июня 1993 года, с его стороны ожидалось инициативные шаги для установления возможных очевидцев. По всей видимости, он даже не посетил Тасит, чтобы ознакомиться с местом, где произошел инцидент..., и [установить], совпадает ли место происшествия с тем, что описано заявительницей и ее родственниками в показаниях. Более того, он не принял значимых мер, чтобы установить, содержалась ли семья Айдин в расположении жандармерии Деррика, как утверждалось. Должностные лица не были допрошены на начальной стадии расследования. Прокурор удовлетворился тем, что провел эту часть расследования посредством переписки с должностными лицами штаб-квартиры [жандармерии]...»

Международные стандарты тщательности расследования также требуют от компетентных государственных органов не только инициативных шагов

³ AYDIN v. TURKEY (57/1996/676/866), 25 September 1997.

по поиску доказательств, но и совершения следственных действий для устранения противоречий и пробелов в доказательственной базе. Прекращение расследования и вынесение решения до устранения противоречий в доказательственной базе рассматривается как нарушение принципа тщательности расследования, о чем свидетельствует заключение Комитета ООН против пыток по жалобе Радивое Ристич (сообщение № 113/1998: Югославия, CAT/C/26/D/113/1998), пар. 9.4–9.7:

«Рассматривая предполагаемые нарушения ст.12 и 13 Конвенции, Комитет отмечает ряд обстоятельств, которые прокомментировали и заявитель, и государство:

- существуют явные различия между заключением доктора «скорой помощи», результатами вскрытия, проведенного 13.02.1995, и отчетом двух судебно-медицинских экспертов;*
  - хотя судья, которому родители умершего направили обвинительное заключение, установил, что вскрытие проведено «не в соответствии со всеми правилами судебной медицины», он не считал необходимым разрешить проведение эксгумации для нового освидетельствования покойного;*
  - существуют различия в показаниях одного из трех офицеров полиции, задержавших Ристича, в соответствии с которыми в полицию позвонили и сообщили, что человек совершил самоубийство, и утверждениями другого офицера полиции, в соответствии с которым полиция была вызвана, так как человек мог прыгнуть с крыши здания;*
  - полиция не проинформировала дежурного судью о происшествии немедленно для того, чтобы он наблюдал за расследованием на месте.*
- Принимая во внимание вышеуказанное, Комитет считает, что расследование, проведенное государством, не было ни тщательным, ни эффективным. Расследование, проведенное должным образом, несомненно, повлекло бы за собой необходимость проведения эксгумации и нового вскрытия, что позволило бы установить причину смерти с достаточной степенью определенности».*

2.3. Сбор данных медицинского характера

В ходе расследования особое внимание должно быть уделено получению данных о наличии или отсутствии травм у лица, к которому предположительно были применены пытки. Для этого может потребоваться проведение освидетельствований и экспертиз. Особое внимание порядку проведения медицинского освидетельствования и экспертизы уделяет такой документ как Принципы эф-

фективного расследования и документирования пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения или наказания (Стамбульский протокол):

«6. (а) Медицинские эксперты, участвующие в расследовании пыток или плохого обращения, всегда ведут себя в соответствии с высочайшими этическими стандартами и, в частности, перед началом любого обследования получают на него согласие потерпевшего, основанное на полученной им информации. Обследование должно проводиться в соответствии с установленными стандартами врачебной практики. В частности, обследование проводится при закрытых дверях, под контролем медицинского эксперта и в отсутствие представителей органов правопорядка или правительственных чиновников.

6. (б) Медицинский эксперт должен быстро подготовить точное письменное заключение. В этом заключении содержится, как минимум, следующее:

(i) Обстоятельства проведения опроса: фамилия субъекта, фамилии и должности всех, кто присутствовал при обследовании; точное время и дата; местоположение, характер и адрес учреждения (в том числе, если это возможно, и номер помещения), в котором проводится обследование (например, центр для содержания под стражей задержанных правонарушителей, клиника, дом и т.д.); обстоятельства, связанные с субъектом в процессе обследования (например, описание средств физического ограничения, которые были на пациенте по прибытии или в процессе обследования, присутствие охраны и поведение сопровождавших заключенного, угрожающие замечания в сторону проводившего обследование и т.д.), а также любые иные имеющие отношение к делу факторы.

(ii) Предыстория: подробное описание происшедшего с субъектом, полученное от него в процессе опроса, в том числе описанные им методы пыток и плохого обращения, время, когда происходили эти предполагаемые события, и все жалобы, связанные с физическими или психологическими симптомами;

(iii) Обследование физического и психологического состояния: описание всего обнаруженного при клиническом обследовании, в том числе соответствующих диагностических тестов, и в случае возможности — цветные фотографии всех телесных повреждений;

(iv) Заключение: вероятная связь обнаруженных факторов физического и психологического характера с возможностью применения пыток или плохого обращения. Рекомендации о прове-

дении медицинского и психологического лечения и/или о необходимости дальнейшего обследования;

(v) Авторство: в заключении должны быть четко указаны данные тех, кто проводил обследование, заключение должно быть подписано.

б. (с) Заключение должно носить конфиденциальный характер, его следует передать субъекту или назначенному им представителю. Следует испросить мнение субъекта и его представителя о процессе обследования и занести его в отчет. Там, где это уместно, заключение в письменном виде должно быть передано руководству, отвечающему за расследование обвинения в применении пыток или плохого обращения. В обязанность государства входит обеспечение надежной доставки заключения этим лицам. Не следует передавать заключение кому-либо другому лицу без согласия самого субъекта или распорядителя суда, обладающего полномочиями для принудительного осуществления такой передачи».

Стандарты тщательного расследования требуют от компетентных органов власти проведения всего спектра исследований и экспертиз, необходимых для фиксации возможных телесных повреждений, а также для выяснения механизмов их причинения. Уклонение от проведения хотя бы части необходимых исследований рассматривается как нарушение стандартов эффективного расследования. Примером может служить постановление Европейского Суда по делу Бати и другие против Турции¹ от 3 июня 2004 г., п. 143:

«Суд находит заслуживающим сожаления то, что дополнительные экспертизы, рекомендованные докторами ... с целью установить, как были причинены обнаруженные телесные повреждения, проведены не были, и ни прокурор, ни суд Стамбула не предприняли никаких попыток исправить эту ситуацию. Также [Суд] отмечает, что из-за отсутствия дополнительных медицинских экспертиз, Бюлент Гедик, Муштак Эрхан Иль и Арзу Кеманоглу были лишены фундаментальных гарантий, распространяющихся на заключенных. Это может рассматриваться не только как упущение следствия, но и как бесчеловечное и унижающее обращение».

Органы, ведущие расследование, несут ответственность не только за назначение освидетельствований и экспертиз, но и за постановку вопросов перед экспертами. Принцип тщательно-

сти расследования требует, чтобы следственные органы ставили перед экспертами вопросы, ответ на которых действительно имел бы значение для проверки доводов жалобы на пытки. В противном случае, расследование будет признано не соответствующим международным стандартам, как это следует, в частности, из постановления Европейского Суда по делу Айдин против Турции² от 25 сентября 1997, п. 107:

«Создается впечатление, что его [прокурора] основное стремление при проведении трех медицинских освидетельствований одного за другим было решение вопроса о том, потеряла ли заявительница девственность. [В действительности] осмотры должны были сфокусироваться на том, была ли заявительница изнасилована, что составляло существо ее жалобы. В этой связи необходимо отметить, что ни доктор Аккуш, ни доктор Цетин не имели опыта работы с жертвами изнасилований. Ни в одном из заключений, составленных этими врачами, не указывается, задавались ли заявительнице вопросы о том, что с ней произошло, и как возникли синяки у нее на бедрах. Также врачи не высказали мнения о том, соответствовали ли [имеющиеся] синяки жалобе на недобровольный сексуальный контакт...

Суд отмечает, что требование тщательного и эффективного расследования жалобы на изнасилование в заключении, в то время как жертва находилась под контролем должностных лиц, предполагает осмотр жертвы с надлежащей тщательностью профессионалами в области медицины, имеющим специальную компетенцию в этой области, и чья независимость не ограничена инструкциями органов следствия относительно рамок обследования».

Как отмечается в приведенном выше постановлении ЕСПЧ и других международных документах, принцип тщательности расследования требует, чтобы медицинские освидетельствования и экспертизы поручались специалистам, обладающим достаточной квалификацией для проведения этих исследований и ответа на вопросы, которые требуются для расследования конкретной жалобы на пытки. Поручение осмотра или экспертизы специалисту, не обладающему необходимой квалификацией и знаниями, рассматривается как нарушение принципа тщательности расследования. Например, такая оценка была дана в заключении Комитета ООН против пыток по жалобе Радивое Ристич (сообщение № 113/1998: Югославия, CAT/C/26/D/113/1998), пар. 9.4–9.7:

¹ BATI AND OTHERS v. TURKEY (Applications nos. 33097/96 and 57834/00), 3 June 2004.

² AYDIN v. TURKEY (57/1996/676/866), 25 September 1997.

«Комитет особенно встревожен тем фактом, что врач, проводивший вскрытие, по его собственному утверждению, не был специалистом в судебной медицине».

Международные стандарты тщательности расследования предъявляют требования не только к квалификации специалистов, привлекаемых для проведения освидетельствований или экспертиз, но и к их независимости. Об этом говорят, в частности, рекомендации Специального докладчика по пыткам (Приложение 1 к отчету Специального докладчика, представленному в соответствии с резолюцией Комиссии по правам человека 2001/62, E/CN.4/2003/68) от 17 декабря 2002 г.:

«Судебно-медицинская экспертиза должна начинаться судебной или иной независимой ветви власти и не находиться в подчинении того же государственного органа, которому подчиняется полиция и пенитенциарная система. Государственная судебно-медицинская экспертиза не должна обладать монополией на предоставление медицинских доказательств в интересах судебного разбирательства».

С точки зрения международных стандартов, независимость экспертизы рассматривается не только в институциональном аспекте (т.е. с точки зрения независимости от ведомства, чьи сотрудники предположительно причастны к совершению пыток, и наличия негосударственных экспертных учреждений), но и в процессуальном. Принцип тщательности расследования предполагает, что экспертизы могут осуществляться не только по инициативе органов, проводящих расследование. Пострадавшие должны иметь возможность требовать от следствия проведения дополнительных экспертиз и привлечения иных экспертов. Отказ в ходатайствах о привлечении дополнительных экспертов может быть признан нарушением стандартов эффективного расследования, в частности в случаях, когда заключение другого специалиста могло бы выявить противоречия и пробелы в ранее проведенных экспертных исследованиях. Такой подход был реализован, в частности, в заключении Комитета ООН против пыток по жалобе Слободан Николич, Лильяна Николич (сообщение №174: Сербия и Черногория, CAT/C/35/D/174/2000), пар. 6.3–6.6:

«Комитет также отмечает, что судья, рассматривавший материалы дела, поручил составление экспертного заключения тем же самым судебно-медицинским экспертам, которые делали вскрытие, для того, чтобы они прокомментировали ряд несоответствий, содержащихся

в их собственном отчете, несмотря на неоднократные просьбы заявителей назначить других экспертов. Комитет считает, что расследование обстоятельств смерти сына заявителей не было беспристрастным и, таким образом, нарушило требования ст.12 Конвенции».

Более того, международные документы требуют, чтобы лицам, находящимся в заключении (и, следовательно, подвергающимся более высокому риску пыток или жестокого обращения) предоставлялись гарантии проведения альтернативного медицинского освидетельствования. Такие гарантии устанавливаются в Своде принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме:

«Принцип 25

Задержанное или находящееся в заключении лицо или его адвокат, при условии соблюдения разумных условий, необходимых для поддержания безопасности и порядка в месте задержания или заключения, имеют право обращаться в судебный или иной орган с просьбой или прошением о повторном медицинском обследовании или медицинском заключении.

Принцип 26

Факт прохождения задержанным или находящимся в заключении лицом медицинского обследования, фамилия врача и результаты такого обследования должны образом фиксируются в протоколе. Обеспечивается доступ к этому протоколу. Способы такого доступа определяются соответствующими нормами национального законодательства».

Значимость медицинских данных для расследования пыток предполагает, что компетентные властные органы должны использовать все имеющиеся возможности для восстановления пробелов в медицинских заключениях. Например, если заключение первичного медицинского осмотра не было достаточно подробным, необходимо получить показания лица, проводившего осмотр. Отказ от использования такой возможности восполнить доказательственную базу был признан нарушением принципа тщательности расследования в постановлении Европейского Суда по делу Кметти против Венгрии¹ от 16 декабря 2003 г., п. 40:

«Суд находит заслуживающим сожаления, что доктор, который осматривал заявителя после доставления в департамент полиции, не был

¹ KMETTY v. HUNGARY (Application no. 57967/00), 16 December 2003.

допрошен в ходе следствия. Показания врача имели большое значение для решения [вопроса], получил ли заявитель телесные повреждения до или после доставления в департамент полиции... Однако следственные органы ограничились своей проверкой получением *ex post facto* [взятого после происшествия] медицинского заключения, которое по понятным причинам не могло ответить на вопрос, были ли у заявителя телесные повреждения на момент доставления в полицию».

2.4. Допросы свидетелей и других лиц

С точки зрения международных органов, принцип тщательности расследования, кроме получения медицинских доказательств, предполагает проведение допросов, включая допросы очевидцев. Если в ходе расследования не было предпринято усилий для того, чтобы идентифицировать и допросить свидетелей, такое расследование не будет считаться эффективным. Такая оценка, например, дана в постановлении Европейского Суда по делу Ассенов и другие против Болгарии¹ от 28 октября 1998 г., пп. 103:

«Несмотря на то, что инцидент произошел в публичном месте, на автобусной остановке, и несмотря на то, что, по словам офицеров полиции, имеющих отношение [к происшествию], инцидент видели примерно пятнадцать-двадцать цыган и двенадцать водителей автобусов, не предпринималось попыток установить истину посредством нахождения и допроса этих свидетелей сразу же после инцидента, когда память еще свежа...»

Потенциальные подозреваемые в совершении пыток, равно как и должностные лица, которые могут что-либо знать о случившемся, являются важнейшим источником информации для расследования жалоб на пытки. Требование допроса таких лиц обусловлено необходимостью обеспечить полноту информации и отразить в материалах расследования разные точки зрения. О необходимости допроса должностных лиц, причастных к происшествию, говорит постановление Европейского Суда по делу Акташ против Турции² от 24 апреля 2003 г., п. 306:

«...Суд также с озабоченностью отмечает, что [сторонами] не обсуждается, что майор Шекер не проводил допросов кого-либо из служащих жандармерии Мардина до марта 1991 года...

Также нет свидетельств, что он допросил кого-либо из жандармских офицеров, участвовавших в допросе Якуна Акташа, чтобы получить объяснения синяков и повреждений, обнаруженных на теле [последнего]».

Принцип тщательности расследования подразумевает не только допросы должностных лиц и различных независимых свидетелей, но и допрос пострадавшего. Это требование сформулировано, в частности, в постановлении Европейского Суда по делу Садик Ондер против Турции³ от 8 января 2004 г., п. 44:

«Суд отмечает, что прокурор начал расследование сразу же после того, как заявитель подал жалобу на ненадлежащее обращение в полиции. Однако из материалов дела видно, что прокурор опирался только на медицинское заключение от 22 августа 1994 года, когда пришел к выводу, что заявитель не подвергался плохому обращению. Принимая во внимание то, что заявитель находился в заключении пятнадцать дней, а медицинское заключение было составлено более чем через месяц с момента задержания заявителя, прокурор не мог считать расследование эффективным... Материалы дела не содержат данных, указывающих на то, что прокурор провел допрос заявителя, полицейских или других возможных свидетелей».

2.5. Установление виновных

Принцип тщательности расследования требует проведения адекватных действий для установления личности предполагаемых виновников пыток. В том случае, если есть достаточно данных, свидетельствующих о причинении пыток конкретному лицу, а государство не предприняло шагов, направленных на идентификацию виновных, расследование сообщения о пытках не будет считаться эффективным. Такой вывод, например, сделан в постановлении Европейского Суда по делу Крастанов против Болгарии⁴ от 30 сентября 2004 г., п. 59:

«...Суд отмечает, что, по всей видимости, органы прокуратуры, которые были осведомлены об избииении заявителя в ходе процедуры получения компенсации в соответствии с законом об ответственности государства за причиненный ущерб, и считали что его [заявителя] жалобы обоснованы, провели предварительную провер-

¹ ASSENOV AND OTHERS v. BULGARIA (90/1997/874/1086), 28 October 1998.

² AKTAŞ v. TURKEY (Application no. 24351/94), 24 April 2003.

³ SADIK ÖNDER v. TURKEY (Application no. 28520/95), 8 January 2004.

⁴ KRASTANOV v. BULGARIA (Application no. 50222/99), 30 September 2004.

ку. Министерство внутренних дел также осуществило внутреннюю проверку. Ни то, ни другое не привело к уголовному преследованию виновных в избиении... В связи с этим Суд отмечает, что факт избиения заявителя офицерами полиции был бесспорно установлен в ходе процедуры получения компенсации... Единственным обстоятельством, которое оставалось установить, была личность офицеров полиции, осуществлявших избиение, для того, чтобы начать их уголовное преследование. Однако государство не предоставило информации о том, какие усилия были предприняты для достижения этой цели».

Аналогичная позиция нашла отражение в заключении Комитета ООН против пыток по жалобе Энкарнасьон Бланко Абад (сообщение № 59/1996: Испания, CAT/C/20/D/59/1996), пар. 8.2–8.8:

«Комитет также замечает, что во время предварительных слушаний, до момента их приостановления 12.02 1993 г., суд не предпринял никаких мер для идентификации и опроса жандармов, которые могли принимать участие в жестком обращении с заявителем. Комитет находит это упущение непростительным, поскольку уголовное расследование должно не только определить существо и обстоятельства предполагаемых действий (преступлений), но и установить каждого участвовавшего в подобных действиях».

Необходимо обратить внимание: стандарты эффективного расследования предполагают, что следственные действия должны быть организованы и проведены таким образом, чтобы действительно достигнуть цели выявления виновных. Непродуманность, неполнота таких действий могут рассматриваться как нарушение принципа тщательности расследования. Такой вывод, в частности, содержится в постановлении Европейского Суда по делу Кметти против Венгрии¹ от 16 декабря 2003 г., п. 41:

«Суд также отмечает сообщение заявителя о том, что в процессе расследования он идентифицировал двух сотрудников полиции, применявших в нему насилие, и выбрал их фотографии из тех, которые были ему показаны. Однако фотографии третьего причастного сотрудника не было среди фотографий [предъявленных для опознания]. Суд не удовлетворен аргументами Правительства, что следствие было прекращено

из-за отсутствия достаточных доказательств, а не по причине не установления виновных. Он [Суд] полагает, что очные ставки между всеми подозреваемыми и заявителем могли бы прояснить события».

3. Независимость расследования

3.1. Независимость от предполагаемых виновников

Орган или лицо, проводящее расследование, должно быть независимым, как с формальной, так и с практической точки зрения. В первую очередь должна обеспечиваться независимость следователей от лиц, предположительно виновных в применении пыток. Также должна быть обеспечена независимость от органов и структур, которым подчиняются предполагаемые виновники пыток. Этот стандарт, в частности, зафиксирован в п. 2 Принципах эффективного расследования и документирования пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения или наказания (Стамбульский протокол):

«Следователи должны быть компетентными и беспристрастными, они независимы от подозреваемых нарушителей и от органов, которым последние подчиняются».

Аналогичную позицию можно найти в постановлении Европейского Суда по делу Мехмет Емин Юксель против Турции² от 20 июля 2004 г., п. 37:

«Суд повторяет, что для эффективности любого расследования пыток или плохого обращения со стороны должностных лиц, следует считать необходимым для лиц, ответственных за [расследование] и ведущих следствие, быть независимыми от тех, кто замешан в происшедшем. Это означает не только отсутствие иерархических или институциональных связей, но также практическую независимость».

Расследование сообщения о пытках не будет считаться независимым, если проведение расследования поручается лицам, предположительно виновным в пытках, или тем, кто связан с виновными служебной иерархией. В качестве примера применения такого стандарта можно привести постановление Европейского Суда по делу Тотева против Болгарии³ от 19 мая 2004 г.:

¹ KMETTY v. HUNGARY (Application no. 57967/00), 16 December 2003.

² MEHMET EMIN YÜKSEL v. TURKEY (Application no. 40154/98), 20 July 2004.

³ TOTEVA v. BULGARIA (Application no. 42027/98), 19 May 2004.

«Хронология событий указывает, что после инцидента 5 апреля 1995 года полиция и органы прокуратуры действовали со значительной быстротой против заявительницы. Ей предъявили обвинение и осудили в течение одного года после инцидента. Заслуживает внимания, что в то же самое время тот же прокурор, который вел уголовное дело против заявительницы, не предпринял никаких независимых действий для проверки жалоб дочери заявительницы [на плохое обращение с ее матерью со стороны полиции]. Он поручил проверку тому же офицеру полиции, который вел расследование против заявительницы, свидетельствовал на суде против нее и был начальником тех офицеров, которые предположительно избивали заявительницу».

Принцип независимости расследования также налагает запрет на участие потенциальных виновников и тесно связанных с ними лиц в ведении отдельных этапов расследования или конкретных следственных действий. Такой подход, в частности, был использован в постановлении Европейского Суда по делу Актас против Турции¹ от 24 апреля 2003 г., пп. 301–302 и 305:

«Не оспаривалось [сторонами], что лица, проводившие осмотр [места происшествия — помещений жандармерии] были служащими жандармерии. Также несомненно, что трое из них ... принадлежали к разведывательному подразделению жандармерии Мардина. Суд согласен с Комиссией и заявителем, что такой осмотр по этой причине не может рассматриваться как часть эффективного расследования...

...Г-н Артар [прокурор] передал дело региональному административному совету. Этот совет назначил майора Дурсуна Шекера расследовать дело.

...Принимал или нет майор Дурсун Шекер участие в допросе Якупа Актаса, неоспорим тот факт, что он также был служащим жандармерии и, следовательно, частью иерархической структуры, действия членов которой он расследовал».

3.2. Независимость от уголовного преследования предполагаемой жертвы пыток

Участие в расследовании пыток должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование лица, жалующегося на пытки, ставит под сомнение независимость расследования. Об этом специально

¹ AKTAŞ v. TURKEY (Application no. 24351/94), 24 April 2003.

говорят рекомендации Специального докладчика по пыткам (Приложение 1 к отчету Специального докладчика, представленному в соответствии с резолюцией Комиссии по правам человека 2001/62, E/CN.4/2003/68) от 17 декабря 2002 г.:

«Расследование должен проводить независимый орган, не имеющий никакой связи с теми органами, которые ведут расследование или судебное преследование по делу, возбужденному против предполагаемого потерпевшего».

Если расследование жалобы на пытки проводит лицо, осуществляющее уголовное преследование предполагаемой жертвы пыток, то такое расследование считается не соответствующим принципу независимости. Примером реализации такого подхода может служить постановление Европейского Суда по делу Бойченко против Молдовы² от 11 июля 2006 г., п. 124:

«Суд в первую очередь отмечает, что независимость прокурора, который проводил расследование, была под вопросом. Он [Суд] обращает внимание, что это был тот же прокурор, который предъявлял обвинение заявителю...»

Отказ в объективном расследовании жалобы подозреваемого или обвиняемого на применение пыток, отклонение доводов этой жалобы на том основании, что они являются способом защиты от уголовного преследования, также не соответствует принципу независимости расследования. Оценка такой ситуации, как нарушающей стандарты эффективного расследования, содержится в постановлении Европейского Суда по делу Елчи и другие против Турции³ от 13 ноября 2003 г., п.645:

«Примечательно, что г-н Хатиноглу просто отклонил жалобу, а прокуроры рассматривали ее исключительно как тактику защиты...»

3.3. Полномочия и ресурсы органов и лиц, ведущих расследование

Принцип независимости расследования предполагает, что орган и конкретные должностные лица, проводящие расследование сообщения о пытках обладают теми полномочиями и ресурсами, которые необходимы для своевременного и беспрепятственного проведения необходимых следственных действий и получения требуемой ин-

² BOICENCO v. MOLDOVA (Application no. 41088/05), 11 July 2006.

³ ELCI AND OTHERS v. TURKEY (Applications nos. 23145/93 and 25091/94), 13 November 2003.

формации, в том числе — от чиновников и органов власти. Соответствующие стандарты сформулированы в Принципах эффективного расследования и документирования пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения или наказания (Стамбульский протокол):

«2. Они [органы следствия] имеют доступ или обладают полномочиями для привлечения к расследованию беспристрастных медицинских или иных экспертов.

3. (а) Проводящий расследование орган обладает должными полномочиями и обязан получить всю информацию, которая необходима для дознания. Лицам, проводящим расследование, предоставляются все необходимые для эффективного расследования бюджетные и технические ресурсы. Они также обладают полномочиями, позволяющими им обеспечить явку для дачи показаний всех официальных лиц, которые предположительно принимали участие в пытках и ненадлежащем обращении. Это же относится к любому свидетелю. В этом отношении орган, проводящий расследование, имеет право рассылать свидетелям судебные повестки, в том числе любым официальным лицам, и требовать от них дачи показаний».

3.4. Защита пострадавших и свидетелей

Специфика такого преступления как пытки заключается в том, что оно совершается лицами, облеченными властью. Потенциальные виновные могут воспользоваться своим служебным положением и полномочиями для того, чтобы воспрепятствовать проведению расследования. В частности, предполагаемые виновники имеют возможность оказывать давление на лиц, жалующихся на пытки, чтобы наказать их за поданную жалобу или заставить отказаться от дальнейших требований и претензий. Давление также может оказываться на свидетелей. В связи с этим важнейшим стандартом независимости расследования жалоб на пытки являются меры по защите предполагаемых жертв пыток и возможных свидетелей от давления или преследований. Принцип 33 Свода принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме, закрепляет запрет на преследование заключенных, жалующихся на пытки и другие нарушения, а также предлагает процессуальные гарантии такого права:

«3. Обеспечивается конфиденциальный характер просьбы или жалобы, если об этом просит их податель.

4. Как задержанное или находящееся в заключении лицо, так и любой податель просьбы или жалобы ... не могут подвергаться преследованиям за подачу просьбы или жалобы».

Принцип независимости расследования предполагает и иные способы защиты пострадавших и свидетелей, а также членов их семей от давления. Кроме того, стандарты независимости расследования требуют предпринимать шаги, чтобы исключить возможность влияния на ход и результаты расследования со стороны должностных лиц, подозреваемых в причастности к пыткам. Такими шагами могут быть отстранение предполагаемых виновных от должности на период проведения расследования или же наоборот — выведение пострадавших и свидетелей из-под власти предполагаемых виновных (например, перевод заключенного в другое учреждение и пр.). Подобные меры предлагаются в п. 3 Принципов эффективного расследования и документирования пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения или наказания (Стамбульский протокол):

«3. (b) Предполагаемым жертвам пыток или ненадлежащего обращения, свидетелям, лицам, проводящим расследование, а также их семьям обеспечивается защита от насилия, угроз применения насилия или иных форм запугивания, которые могут возникнуть в связи с проведением расследования. Все лица, подозреваемые в применении пыток или плохого обращения, лишаются любой возможности управления или проявления власти, прямым или косвенным образом, по отношению к истцам, свидетелям, их семьям, а также лицам, проводящим расследование».

Аналогичные позиции нашли отражение в рекомендациях Специального докладчика по пыткам (Приложение 1 к отчету Специального докладчика, представленному в соответствии с резолюцией Комиссии по правам человека 2001/62, E/CN.4/2003/68) от 17 декабря 2002 г.:

«Замешанные в этом деле государственные должностные лица должны быть отстранены от своих обязанностей вплоть до завершения расследования и любого последующего судебного или дисциплинарного разбирательства.

Серьезное внимание следует уделить созданию программ защиты свидетелей пыток и иного плохого обращения, которые должны охватывать также лиц с уголовным прошлым. В тех случаях, когда риску подвергаются другие заключенные, их следует перевести в иное место со-

держания под стражей, где должны быть приняты специальные меры по обеспечению безопасности».

3.5. Независимость выводов расследования

Требование независимости и беспристрастности также распространяются на результаты расследования. То есть, выводы расследования должны быть объективными.

Стандарты независимости расследования предполагают, что выводы расследования, в первую очередь, не являются голословными и подтверждаются конкретными доказательствами. Принятие органом, проводящим расследование, версии, не подкрепленной доказательствами, рассматривается как нарушение принципа независимости расследования. Например, такой вывод был сделан в постановлении Европейского Суда по делу Асенов и другие против Болгарии¹ от 28 октября 1998, п. 103:

«Суд отмечает, что в ответ на жалобу г-жи Ивановой власти провели некоторое расследование утверждений заявительницы. Однако [Суд] не убежден в том, что это расследование было достаточно тщательным и эффективным, чтобы соответствовать указанным выше требованиям статьи 3 [Конвенции]. В связи с этим он [Суд] находит особенно неудовлетворительным, что следователь районного управления внутренних дел был готов прийти к выводу, что г-ну Асенову повреждения были причинены отцом, несмотря на отсутствие каких бы то ни было доказательств, что последний ударял своего сына с силой, достаточной для того, чтобы нанести ссадины, описанные в медицинском заключении».

Принцип независимости также означает, что выводы расследования не могут строиться только на показаниях и объяснениях потенциальных виновных. Некритичная оценка таких показаний будет рассматриваться как нарушение, что в частности, было зафиксировано в постановлении Европейского Суда по делу Афанасьев против Украины² от 5 апреля 2005 г., п. 76:

«Суд отмечает, что в ответ на жалобу заявителя власти провели поверхностное расследование, допросив лишь предполагаемых виновников. Они приняли отрицание [вины] со стороны сотрудников полиции за истину и отказались

возбудить уголовное дело против них, несмотря на утверждения заявителя и бесспорного [наличия у него] телесных повреждений».

Принцип независимости расследования также предполагает, что выводы расследования формулируются с учетом всех собранных доказательств. Игнорирование каких-либо доказательств, полученных в результате расследования, нарушает принцип независимости расследования. Такой вывод содержится в постановлении Европейского Суда по делу Тотева против Болгарии³ от 19 мая 2004 г., п. 64:

«Другим важным фактом является то, что органы прокуратуры, по всей видимости, не приняли медицинских доказательств, касающихся телесных повреждений заявительницы, несмотря на то, что такие доказательства имелись».

Стандарты независимости расследования означают, что версия событий, являющаяся результатом расследования, должна быть непротиворечивой. Требование непротиворечивости выводов, в частности, сформулировано в постановлении Европейского Суда по делу Корсаков против Молдовы⁴ от 4 апреля 2006 г., пп. 72–73:

«Суд также отмечает, что национальные власти не объяснили противоречий между заключением медицинской комиссии от 28 февраля 2000 года, которое четко указывало, что телесные повреждения могли быть причинены только в результате побоев, и версией событий, изложенной офицерами полиции А. Тулбу и В. Дубич. Также необходимо отметить, что расследование не пыталось дать логического объяснения ссадин на ступнях заявителя и просто проигнорировали их».

Требования, связанные с независимостью расследования, распространяются не только на органы следствия и их должностных лиц, но и на структуры, осуществляющие контроль за расследованием, в частности — на суды, которые рассматривают жалобы пострадавших на действия и решения следствия. Стандарты независимости предполагают, что суды и иные контролирующие органы будут принимать во внимание и рассматривать по существу доводы пострадавших и давать оценку этим доводам в своих решениях. Невнимание судов к аргументам пострадавших, указывавших на недостатки следствия, признается нарушением, как это было сделано в заключении Комитета ООН против пыток по жалобе Слободан Николич, Лиль-

¹ ASSENOV AND OTHERS v. BULGARIA (90/1997/874/1086), 28 October 1998.

² AFANASYEV v. UKRAINE (Application no. 38722/02), 5 April 2005.

³ TOTEVA v. BULGARIA (Application no. 42027/98), 19 May 2004.

⁴ CORSACOV v. MOLDOVA (Application no. 18944/02), 4 April 2006.

яна Николич (сообщение № 174: Сербия и Черногория, CAT/C/35/D/174/2000), пар. 6.3–6.6:

«Следовательно, возникает вопрос, были ли меры, принятые властями государства, в частности, заместителем прокурора Белграда, при проведении расследования соразмерными обязательствам государства по ст. 12 Конвенции предпринять быстрое и беспристрастное расследование событий, предшествовавших смерти Н. В связи с этим Комитет отмечает не прокомментированное государством утверждение заявителей о том, что уже 22/04/1994, за три дня до вскрытия, заместитель прокурора сообщил заявителям, что не будет возбуждать уголовного дела, поскольку считает смерть их сына несчастным случаем, а также то, что он не опросил ни одного из свидетелей, названных их адвокатом.

Относительно нарушений ст.13 Конвенции Комитет замечает, что, несмотря на то, что заявители использовали свое право обращения в суд после того, как прокурор отказался возбуждать уголовное дело, Белградский районный суд и Верховный суд обосновали свое мнение об отсутствии физического контакта между сыном заявителей и сотрудниками полиции исключительно аргументами, которые оспаривали заявители и которые, по их мнению, не имели силы из-за многочисленных несогласованностей. Оба суда отказали заявителям в удовлетворении жалоб, не рассмотрев их аргументы. Следовательно, Комитет считает, что суды государства не смогли беспристрастно рассмотреть дело, нарушив, тем самым ст. 13 Конвенции».

4. Доступ пострадавшего к расследованию

Международные документы устанавливают, что предполагаемая жертва должна иметь доступ к расследованию, проводимому по сообщению о пытках. Этот принцип означает, что предполагаемые пострадавшие от пыток, а так же их родственники и представители должны получать информацию о ходе расследования и решениях, принимаемых в его рамках. Невыполнение требования об информировании предполагаемых пострадавших рассматривается как нарушение стандартов эффективного расследования, как это было сделано в заключении Комитета ООН против пыток по жалобе Харизи Джемайл и др. (сообщение № 161/2000: Югославия, CAT/C/29/D/161/2000), пар. 9.4–9.5:

«Неспособность государства проинформировать заявителя о результатах расследования, не направляя им решения о прекращении рассле-

дования, существенно затруднила возможность заявителей предпринять «частное расследование» дела. В данных обстоятельствах Комитет считает, что такая ситуация составляет нарушение ст.13 Конвенции».

Аналогичная позиция нашла отражение в заключении Комитета ООН против пыток по жалобе Драган Дмитриевич (сообщение № 207/2002: Сербия и Черногория. CAT/C/33/D/207/2002), пар. 5.4:

«Относительно предполагаемого нарушения ст. ст. 12 и 13 Конвенции Комитет замечает, что прокурор ни разу не проинформировал заявителя о том, проводится ли расследование его заявления о преступлении, поданного 31.01.2000. Комитет также отмечает, что неспособность прокурора сообщить заявителю о результатах расследования, если оно проводилось, помешало заявителю добиваться «частного расследования» своего дела и представления его судье.

В таких обстоятельствах Комитет считает, что государство-участник не выполнило своего обязательства провести быстрое и беспристрастное расследование при наличии обоснованного предположения о применении пыток».

Требование предоставить предполагаемым пострадавшим доступ к расследованию сообщений о пытках также означает, что пострадавшим должна быть дана возможность представлять доказательства или ходатайствовать о проведении тех или иных следственных действий. Это требование, в частности, сформулировано в п. 4 Принципов эффективного расследования и документирования пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения или наказания (Стамбульский протокол):

«Предполагаемым жертвам пыток или плохого обращения и их законным представителям предоставляется информация и доступ к любым слушаниям, а также вся информация, относящаяся к расследованию, им также дано право представления других доказательств».

Отклонение доказательств и необоснованный отказ в удовлетворении ходатайств о проведении следственных действий может рассматриваться как нарушение стандартов эффективного расследования, как это, в частности, отмечено в заключении Комитета ООН против пыток по жалобе Энкарнасьон Бланко Абад (сообщение № 59/1996: Испания, CAT/C/20/D/59/1996), пар. 8.2–8.8:

«Далее Комитет отмечает, что после возобновления рассмотрения дела в октябре 1994 г.

заявительница, по крайней мере, дважды просила судью разрешить ей представить дополнительные доказательства к свидетельствам судебных медиков, а именно, просила провести допрос, как свидетелей, так и возможных преступников, но судья не счел нужным это сделать. Комитет полагает, что подобные доказательства абсолютно уместны, так как, хотя медицинские заключения и важны как свидетельства применения пыток, часто они недостаточны, их необходимо дополнять другой информацией. В данном деле Комитет не видит никакого оправдания отказу суда разрешить представить другие доказательства, в частности, представленные заявителем».

5. Публичность расследования

Учитывая особую опасность такого преступления как пытки и чрезвычайную значимость расследования жалоб на пытки, международные органы полагают, что эффективное расследование таких жалоб должно быть публичным. Принцип публичности распространяется в первую очередь

на результаты завершеного расследования, которые должны тем или иным способом доводиться до сведения общественности. Требование публичности закреплено в п. 2 Принципов эффективного расследования и документирования пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения или наказания (Стамбульский протокол):

«Методы ведения такого расследования отвечают высочайшим международным стандартам, а обнаруженные факты становятся достоянием общественности».

Необходимость публичного контроля за расследованием также отражена в ряде постановлений Европейского Суда, например, в постановлении по делу Менешева против России¹ от 9 марта 2006, п. 64:

«Минимальные стандарты эффективности, установленные в прецедентном праве Суда также включают в себя требования, что расследование должно быть независимым, беспристрастным и находящимся под общественным контролем».

---

¹ MENESHEVA v. RUSSIA (Application no. 59261/00), 9 March 2006.

Эффективность расследования: оценка практики российских правоохранительных органов в постановлениях Европейского Суда по правам человека

Мария Сучкова, Магистр международного права, прав человека (Университет Эссекса, Великобритания), партнер юридической фирмы Threefold Legal Advisors.

В соответствии со статьями 2 (право на жизнь) и 3 (запрет пыток) Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — ЕКПЧ), одной из важных гарантий охраны жизни и предотвращения пыток является эффективное расследование смертей, исчезновений и сообщений о пытках и жестоком обращении. Эффективное расследование также позволяет восстановить права тех, кто пострадал от этих нарушений.

В течение последних лет ЕСПЧ вынес в отношении России несколько десятков постановлений, в которых констатировал, что Россия не исполняла обязанности проводить эффективное расследование.

В настоящем обзоре эти постановления проанализированы с целью выявления тех действий и практик работы российских правоохранительных структур и иных уполномоченных органов, которые не соответствуют стандартам эффективного расследования. В обзор были включены постановления ЕСПЧ по существу (без учета решений о приемлемости), вынесенные с момента

вступления Конвенции в силу для Российской Федерации и до 15 марта 2009 года.

Для проведения анализа российской практики, отраженной в постановлениях ЕСПЧ, использовалось понятие расследования, отличное от того понятия, которое дано в российском процессуальном законе. В российском процессуальном праве расследование подразумевает предварительное расследование, проводимое уполномоченными органами после принятия решения о возбуждении уголовного дела. ЕСПЧ оперирует другим понятием, которое включает в себя: реагирование судей и должностных лиц на информацию о предполагаемых пытках (случаях насильственной смерти), процесс подачи жалобы на пытки или сообщений о предполагаемой насильственной смерти, проведение неотложных следственных действий, все виды и формы служебных и доследственных проверок, расследование как таковое, вынесение решений по сообщениям и обжалование этих решений.

В обзор не включались ситуации, связанные с использованием средств правовой защиты, не относящихся к расследованию (получение

компенсаций, обжалование условий содержания и проч.), а также вопросы, связанные с использованием доказательств, полученных при помощи пыток.

I. Неисполнение обязанности реагировать на информацию о пытках, смертях и исчезновениях

Принципы тщательности и быстроты расследования подразумевают, что компетентные органы государства при поступлении к ним сведений, которые указывают на гибель человека или возможный случай применения пыток, должны с достаточной быстротой предпринимать шаги для проверки этих сведений. С точки зрения ЕСПЧ, поводом для реагирования в первую очередь являются формальные жалобы, поданные в органы, уполномоченные проводить расследование. Кроме того, государство обязано реагировать на информацию, поступившую другим путем. В частности, официальные лица (включая тех, кто непосредственно не уполномочен вести расследование), столкнувшиеся с признаками противоправного причинения смерти, применения пыток, похищения должны предпринять шаги для начала расследования даже в отсутствие жалобы со стороны пострадавших.

Рассматривая жалобы в отношении Российской Федерации, ЕСПЧ констатировал:

- отсутствие надлежащей реакции на обоснованные жалобы;
- использование недобровольного отзыва жалобы в качестве основания для отказа в расследовании;
- отсутствие надлежащей реакции на поступления в следственные органы информации о насильственной смерти;
- отсутствие реакции на информацию о преступлениях, поступающей государственным органам и должностным лицам, которые непосредственно не отвечают за расследование

A. Отсутствие надлежащей реакции на обоснованные жалобы

Одной из разновидностей невыполнения обязанности проводить эффективное расследование, отмеченной в постановлениях ЕСПЧ, является отказ в возбуждении уголовного дела и проведении предварительного расследования в соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона.

Так, в деле *Исаева, Юсупова и Базаева против России*¹, касающемся обстрела колонны мирных жителей в 1999 году в Чеченской Республике (далее ЧР или Чечня), ЕСПЧ установил, что обоснованные жалобы (в частности Комитета Красного Креста), подробно описывающие обстоятельства обстрела и жертвы среди мирного населения, изначально были отвергнуты военной прокуратурой военной части 20102 в качестве необоснованных. В результате уголовное дело было возбуждено не сразу, а с опозданием.

Изначальный отказ возбудить уголовное дело по обоснованным жалобам заявителей и их представителей также имел место в делах *Исаева против России*² и *Идалова и Идалов против России*³ (Чечня).

В деле *Медов против России*⁴ уголовное дело по жалобе заявителя на задержание и применение пыток в ходе содержания в г. Грозном, Ханкале, Чернокозово, г. Моздоке, г. Пятигорске и г. Ставрополе не было возбуждено вовсе. ЕСПЧ указал, что отказ прокуратуры г. Грозного (Чечня) от возбуждения уголовного дела при наличии обоснованных жалоб заявителя на пытки, недопустим.

B. Использование недобровольного отзыва жалобы в качестве основания для отказа в расследовании

В деле *Читаев и Читаев против России*⁵ ЕСПЧ рассмотрел ситуацию, когда жалоба одного из заявителей в российские следственные органы была им же отозвана. В связи с этим 7 января 2002 года Ачхой-Мартановская районная прокуратура Чечни приняла решение не возбуждать уголовное дело. ЕСПЧ указал, что у властей была обязанность провести расследование, так как жалоба представителей заявителя в прокуратуру, которая была подана позже, указывала на недобровольность отказа заявителя от своей первой жалобы. Кроме того, в распоряжении следствия были медицинские документы, подтверждающие наличие физических повреждений у заявителя.

¹ Isayeva, Yusupova and Bazayeva v. Russia, nos. 57947/00, 57948/00 and 57949/00, judgment of 24 February 2005, §§ 215–216

² Isayeva v. Russia, no. 57950/00, judgment of 24 February 2005, §216

³ Idalova and Idalov v. Russia, no. 41515/04, judgment of 5 February 2009, §107

⁴ Medov v. Russia, no. 1573/02, judgment of 8 November 2007, § 121

⁵ Chitayev and Chitayev v. Russia, no. 59334/00, judgment of 18 January 2007, §164

С. Отсутствие надлежащей реакции на поступления в следственные органы информации о насильственной смерти

ЕСПЧ в своих постановлениях также приходил к выводу о том, что отказ в возбуждении уголовного дела и проведении расследования при наличии материальных свидетельств насильственной смерти, о которых властям становится известно (например, при обнаружении трупа или при получении сообщений из других органов), также является нарушением обязанности провести эффективное расследование.

В деле *Мусаева и другие против России*¹, касающемся задержания и последующего убийства родственников заявителей в ходе специальной операции в с. Гехи (Чечня) в августе 2000 года, заявители изначально обращались к органам власти с сообщениями о похищении родственников. Через месяц после того, как останки родственников заявителей с признаками насильственной смерти были обнаружены в общей могиле была проведена эксгумация в присутствии представителей местных органов внутренних дел и администрации. Однако через несколько дней Урус-Мартановский ВОВД отказал в возбуждении уголовного дела в связи с отсутствием состава преступления. Таким образом, можно предположить, что в распоряжении должностных лиц, проводивших проверку, по результатам которой в возбуждении дела было отказано, была не только информация об обнаружении трупов, но и жалобы заявителей, касающиеся задержания их родственников в ходе специальной операции. Уголовное дело было возбуждено только через два месяца. ЕСПЧ счел такую ситуацию недопустимой.

В деле *Кукаев против России*² Асламбек Кукаев, который являлся сотрудником отряда милиции особого назначения при Управлении внутренних дел РФ по Чечне, был задержан в ходе проведения федеральными силами специальной операции в ноябре 2000 года. По факту похищения в декабре 2000 года прокуратурой г. Грозного было возбуждено уголовное дело. Тело Асламбека Кукаева было обнаружено в апреле 2001 года военнослужащими, которые сообщили об этом в органы внутренних дел и в прокуратуру г. Грозного. Военные и гражданские медики подтвердили, что смерть Кукаева наступила от огнестрельных ранений. Ведомство, в котором служил Кукаев, по итогам внутреннего расследования подтвердило, что он исчез в ходе специальной операции, проводимой федеральными силами, а затем был обнаружен убитым. Однако до декабря 2005 года уголовное дело расследовалось прокуратурой с квалификацией по статье 126 УК РФ (похищение), и лишь после коммуникации жалобы ЕСПЧ российски-

ми властям было возбуждено уголовное дело по статье 105 УК РФ (убийство). Суд пришел к выводу, что до конца 2005 года расследования убийства Асламбека Кукаева не велось. Таким образом, ведение расследования с неверной правовой квалификацией приравнивается ЕСПЧ к фактическому отсутствию расследования.

Д. Отсутствие реакции на информацию о преступлении, поступающей государственным органам и должностным лицам, которые непосредственно не отвечают за расследование

ЕСПЧ признавал нарушением требований о проведении эффективного расследования те ситуации, когда должностное лицо, которому становится известно о совершении преступления, не предприняло действий для того, чтобы расследование было начато, т.е. не передало информацию тем структурам, которые непосредственно отвечают за проведение таких расследований.

1. Следователь, в производстве которого находится уголовное дело лица, жалующегося на пытки

В деле *Полонский против России*³ заявитель утверждал, что после задержания 28 января 2003 года и доставления в отдел милиции № 2 г. Волгограда к нему были применены пытки. 30 января 2003 года заявитель пожаловался на пытки следователю, который допрашивал его в качестве подозреваемого. Следователь назначил медицинское освидетельствование заявителя в рамках ведущегося против него уголовного дела. Освидетельствование подтвердившее наличие у заявителя телесных повреждений, однако, следователь не предпринял шагов, чтобы инициировать дальнейшую проверку жалоб заявителя на пытки. Проверка была начата прокуратурой Центрального района г. Волгограда только после поступления жалобы матери заявителя 26 августа 2004 года.

В ходе разбирательства в ЕСПЧ государство-ответчик утверждало, что заявитель не подавал жалоб на применение к нему пыток в соответствующие органы, а мать заявителя подала жалобу только через полтора года после событий, и это негативно повлияло на возможность властей провести эффективное расследование. ЕСПЧ отверг аргументы государства-ответчика и указал, что устная жалоба заявителя следователю на допросе 30 августа 2003 года, то есть через два дня после

¹ Musayeva and others v. Russia, no. 74239/01, judgment of 26 July 2007, §90

² Kukayev v Russia, no. 29361/02, judgment of 15 November 2007, §98

³ Polonskiy v. Russia, no. 30033/05, judgment of 19 March 2009, §110

событий, и результаты медицинского обследования, подтверждающие достоверность его жалобы, уже создали у государства обязанность провести эффективное расследование. ЕСПЧ подчеркнул, что несмотря на то, что по закону следователь был обязан сам провести предварительную проверку жалобы заявителя с тем, чтобы решить вопрос о возбуждении уголовного дела или направить жалобу в соответствующий орган для проведения такой проверки, — этого сделано не было.

2. Судебные органы

В деле *Исаева, Юсупова и Базаева против России*¹, касающемся обстрела колонны мирных жителей в 1999 году в Чечне, ЕСПЧ указал, что городской суд г. Назрани Республики Ингушетия, в который г-жа Исаева обратилась с заявлением о признании ее двух детей, погибших при обстреле, умершими, должен был сообщить о факте насильственной смерти в органы прокуратуры.

3. Должностные лица, присутствовавшие при совершении преступления

В деле *Лулуев и другие против России*² при задержании военнослужащими родственницы заявителей, которое произошло 3 июня 2000 года, присутствовали сотрудники Ленинского ВОВД г. Грозного (Чечня) и заместитель главы администрации района. Указанные должностные лица пытались выяснить у военнослужащих, проводивших задержание, кто они и на каком основании действуют. Военнослужащие не представились и ответили, что они законно проводят специальную операцию.

ЕСПЧ указал, что в этой ситуации у представителей администрации и ВОВД могло возникнуть подозрение о незаконности задержания. Эти лица должны были бы предпринять шаги для проверки того, представители какого органа задержали родственницу заявителей. Если в течение нескольких часов или дней никто не взял бы на себя ответственность за задержание, это должно было вызвать подозрения в том, что случилось похищение, и стать поводом для начала расследования.

4. Администрация мест лишения свободы

В деле *Владимир Романов против России*³ рассматривалось применение к заявителю силы в ходе

операции по пресечению беспорядков в следственном изоляторе ИЗ-37/1 г. Иваново 22 июня 2001 года. Администрация учреждения сообщила в Ивановскую областную прокуратуру о фактах применения силы 25 июня 2001 года — через три дня после событий. ЕСПЧ указал, что, несмотря на то, что прокуратура начала проверку сразу же после получения информации из следственного изолятора, трехдневная задержка с передачей сообщения о применении силы могла привести к потере возможности собирать доказательства.

5. Иные органы, в которые пострадавшие от преступления подают жалобы

В деле *Тахаева и другие против России*⁴ (Чечня) уголовное дело по факту похищения родственника заявителей было возбуждено через пять дней после событий. Государство-ответчик утверждало, что ответственность за эту задержку несут сами заявители, поскольку они сообщили о похищении в органы внутренних дел, а не в прокуратуру. ЕСПЧ отклонил этот аргумент и указал, что государственные органы должны организовать взаимодействие друг с другом таким образом, чтобы не нанести вред эффективности расследования.

Аналогичная позиция была высказана Судом в делах *Халидова и другие против России*⁵, *Идалова и Идалов против России*⁶, *Закриев и другие против России*⁷ и *Насуханова и другие против России*⁸ (Чечня).

II. Недостаточная скорость расследования

A. Несвоевременное начало проверки и несвоевременное возбуждение уголовного дела

ЕСПЧ придает большое значение тому, когда национальными следственными органами была начата проверка информации о пытках и/или жестоком, унижающем человеческое достоинство обращении (ст. 3 ЕКПЧ) или о случаях нарушения статьи 2 ЕКПЧ, а также тому, когда было возбужде-

¹ Isayeva, Yusupova and Bazayeva v. Russia, nos. 57947/00, 57948/00 and 57949/00, judgment of 24 February 2005, §§ 215–216

² Luluyev and others v. Russia, no. 69480/01, judgment of 9 November 2006, § 94–95

³ Vladimir Romanov v. Russia, no. 41461/02, judgment of 24 July 2008, §85

⁴ Takhayeva and others v. Russia, no. 23286/04, judgment of 18 September 2008, §90

⁵ Khalidova and others v. Russia, no. 22877/04, judgment of 2 October 2008, §94

⁶ Idalova and Idalov v. Russia, no. 41515/04, judgment of 5 February 2009, §108

⁷ Zakriyeva and others v. Russia, no. 20583/04, judgment of 5 January 2009, §83

⁸ Nasukhanova and others v. Russia, no. 5285/04, judgment of 18 December 2008, §112

но уголовное дело. Оценивая скорость расследования, ЕСПЧ обращает внимание на следующие ключевые факторы:

- когда власти фактически получили информацию о преступлении (см. раздел I выше);
- имелась ли необходимость производства срочных действий;
- были ли какие-то серьезные причины, объективно не позволившие государству начать расследование немедленно.

1. Игнорирование необходимости проведения срочных действий

В деле *Ахмадова и Садулаева против России*¹ Европейский Суд отметил, что бездействие органов расследования в первые дни и недели после задержания родственника заявителем в ходе зачистки в с. Аргун (Чечня) в марте 2001 года повысило вероятность исчезновения. Такое поведение сотрудников правоохранительных органов поставило задержанного вне рамок защиты закона.

В деле *Хаджиалиев и другие против России*² уголовное дело по факту похищения родственников заявителей было возбуждено через два дня после похищения. ЕСПЧ отметил, что уже в день похищения органам расследования было известно о том, что родственники заявителей задержаны при угрожающих жизни обстоятельствах. А именно, в день похищения следователь Ачхой-Мартановской межрайонной прокуратуры Чечни осмотрел место происшествия и обнаружил три гильзы. ЕСПЧ признал такую ситуацию нарушением, так как в связи с опозданием в возбуждении дела, не могли быть предприняты действия, направленные на розыск похищенных.

В деле *Руслан Умаров против России*³ (Чечня) уголовное дело по факту похищения сына заявителя было возбуждено через три дня после событий, несмотря на то, что заявители немедленно сообщили властям о задержании. ЕСПЧ не признал данную ситуацию нарушением. Можно предполагать, что такая оценка обусловлена тем, что в отличие от дела *Хаджиалиев против России*, в данном случае представители прокуратуры предприняли некоторые срочные меры. В частности, после того как заявитель сообщил прокурору г. Грозного о произошедшем, они вместе с прокурором и старшим следователем прокуратуры посетили Старопромысловский ВОВД, сотрудники которого

были предположительно причастны к преступлению. Там заявитель и его жена опознали военнослужащего, который избил заявителя во время похищения, а другие военнослужащие пояснили, что они проводили специальную операцию, но ничего не знают о том, кто забрал сына заявителя. Военнослужащие были опрошены военным комендантом по поводу того, что они видели в ходе проведения специальной операции. Прокурор пообещал заявителю, что разберется в этой ситуации. По всей видимости, эти меры носили неформальный характер и не были зафиксированы в качестве процессуальных действий, но это не помешало ЕСПЧ признать их в качестве срочных мер по установлению судьбы похищенных.

Позиция ЕСПЧ в отношении необходимости срочных мер меняется в зависимости от характера преступления: по мнению Суда убийство не обязательно предполагает такие же срочные меры реагирования, как похищение. Так, в деле *Трапезникова против России*⁴ заявительница 17 февраля 2000 года уведомила Заводской РОВД г. Грозного (Чечня) об убийстве 6 января 2000 года своего мужа. Уголовное дело было возбуждено 27 февраля 2000 года. ЕСПЧ счел, что десятидневное опоздание в возбуждении дела не было чрезмерным, так как он не нашел доказательств, что это опоздание стало решающим для проведения расследования.

2. Отсутствие объяснения причин задержек в возбуждении уголовного дела

В деле *Бантаева и другие против России*⁵ (Чечня) уголовное дело по факту похищения родственников заявителей было возбуждено через четыре дня после событий. ЕСПЧ указал, что это не слишком большой срок. Но так как официальные власти не объяснили, почему была задержка с возбуждением уголовного дела, то ЕСПЧ пришел к выводу о том, что требования быстроты реагирования на информацию о преступлении были нарушены.

3. Неоправданное опоздание с началом проверки и возбуждением уголовного дела

В делах, проанализированных при составлении настоящего обзора, ЕСПЧ признавал нарушением ситуации, когда опоздания в возбуждении уголовного дела были от нескольких дней до нескольких лет.

Так, заявитель в деле *Полонский против России*⁶ утверждал, что после задержания 28 янва-

¹ Akhmadova and Sadulayeva v. Russia, no. 40464/02, judgment 10 May 2007, §106

² Khadzhiyaliyev and others v. Russia, no. 3013/04, judgment of 6 November 2008, §103

³ Ruslan Umarov v. Russia, no. 12712/02, judgment of 3 July 2008, §103

⁴ Trapeznikova v. Russia, no. 21539/02, judgment of 11 December 2008, §83

⁵ Bantayeva and others v. Russia, no. 20727/04, judgment of 12 February 2009, §88

⁶ Polonskiy v. Russia, no. 30033/05, judgment of 19 March 2009, §111

ря 2003 года в отделе милиции № 2 г. Волгограда к нему были применены пытки. Прокуратура Центрального района г. Волгограда начала проверку по фактам применения к заявителю пыток только после поступления жалобы от матери заявителя 26 августа 2004 года. Европейский Суд признал, что позднее начало проверки не могло не оказать отрицательного влияния на успех расследования.

Позднее возбуждение уголовного дела было также констатировано в значительном количестве дел, возникших в связи с проведением контр-террористической операции в Чеченской Республике (далее — чеченские дела), а также в некоторых других делах: Исаева, Юсупова и Базаева против России¹, Исаева против России², Хашиев и Акаева против России³, Базоркина против России⁴, Эстамиров и другие против России⁵, Имакаева против России⁶, Лулуев и другие против России⁷, Байсаева против России⁸, Ахмадова и Садулаева против России⁹, Алихаджиева против России¹⁰, Магоматов и Магоматов против России¹¹, Мусаев и другие против России¹², Мусаева и другие против России¹³, Махаури против России¹⁴, Гончарук против России¹⁵, Капланова против России¹⁶, Ибрагимов и другие против России¹⁷, Сангариева и другие против России¹⁸, Гехаева и другие против России¹⁹, Атабаева и другие против России²⁰, Эльмурзаев и другие

против России²¹, Ахиядова против России²², Мусаева против России²³, Ахмадова и Ахмадов против России²⁴, Межидов против России²⁵, Расаев и Чанкаева против России²⁶, Юсупова и Заурбеков против России²⁷, Зулпа Ахматова и другие против России²⁸, Албеков и другие против России²⁹, Магомед Мусаев и другие против России³⁰, Магомадова и Исханова против России³¹, Цурова и другие против России³², Шаипова и другие против России³³, Идалова и Идалов против России³⁴, Аюбов против России³⁵, Сагаев и другие против России³⁶, Астамирова и другие против России³⁷, Вагапова и Зубираев против России³⁸, Джамбекова и другие против России³⁹, Эльсиев и другие против России⁴⁰, Хадаева и другие против России⁴¹, Долсаев и другие против России⁴², Заурбекова и Заурбекова против России⁴³, Абдурзакова и Абдурзаков против России⁴⁴, Медова

¹ Isayeva, Yusupova and Bazayeva v. Russia, nos. 57947/00, 57948/00 and 57949/00, judgment of 24 February 2005, §217

² Isayeva v. Russia, no. 57950/00, judgment of 24 February 2005, §217

³ Khashiyev and Akayeva v. Russia, nos. 57943/00 and 57945/00, judgment of 24 February 2005, §157

⁴ Bazorkina v. Russia, no. 69481/01, judgment of 25 July 2006, §121

⁵ Estamirov and others v. Russia, no. 60272/00, judgment of 12 October 2006, §89

⁶ Imakayeva v. Russia, no. 7615/02, judgment of 9 November 2006, §133

⁷ Luluyev and others v. Russia, no. 69480/01, judgment of 9 November 2006, §96

⁸ Baysayeva v. Russia, no. 74237/01, judgment of 5 April 2007, § 126

⁹ Akhmadova and Sadulayeva v. Russia, no. 40464/02, judgment of 10 May 2007, §100

¹⁰ Alikhadzhiyeva v. Russia, no. 6800701, judgment of 5 July 2008, § 68

¹¹ Magomadov and Magomadov v. Russia, no. 68004/01, judgment of 12 July 2007, §105

¹² Musayev and others v. Russia, nos. 57941/00, 58699/00 and 60403/00, judgment of 26 July 2007, §160

¹³ Musayeva and others v. Russia, no. 74239/01, judgment of 26 July 2007, § 89–90

¹⁴ Makhauri v. Russia, no. 58701/00, judgment of 4 October 2007, §107

¹⁵ Goncharuk v. Russia, no. 58643/00, judgment of 4 October 2007, §68

¹⁶ Kaplanova v. Russia, no. 7653/02, judgment of 29 April 2008, §113

¹⁷ Ibragimov and others v. Russia, no. 34561/03, judgment of 29 May 2008, §97

¹⁸ Sangariyeva and others v. Russia, no. 1839/04, judgment of 29 May 2008, §79

¹⁹ Gekhayeva and others v. Russia, no. 1755/04, judgment of 29 May 2008, §103

²⁰ Atabayeva and others v. Russia, no. 26064/02, judgment of 12 June 2008, §98

²¹ Elmurzayev and others v. Russia, no. 3019/04, judgment of 12 June 2008, §106

²² Akhiyadova v. Russia, no. 32059/02, judgment of 3 July 2008, §76

²³ Musayeva v. Russia, no. 12703/02, judgment of 3 July 2008, §111

²⁴ Akhmadova and Akhmadov v. Russia, no. 20755/04, judgment of 25 September 2008, §77

²⁵ Mezhidov v. Russia, no. 67326/01, judgment of 25 September 2008, §69

²⁶ Rasayev and Chankayeva v. Russia, no. 38003/03, judgment of 2 October 2008, §72

²⁷ Yusupova and Zaurbekov v. Russia, no. 22057/02, judgment of 9 October 2008, §62

²⁸ Zulpa Akhmatova and others v. Russia, nos. 13569/02 and 13573/02, judgment of 9 October 2008, §104

²⁹ Albekov and others v. Russia, no. 68216/01, judgment of 9 October 2008, §96

³⁰ Magomed Musayev and others v. Russia, no. 8979/02, judgment of 23 October 2008, §98

³¹ Magomadova and Iskhanova v. Russia, no. 33185/04, judgment of 6 November 2008, §95

³² Tsurova and others v. Russia, no. 29958/04, judgment of 6 November 2008, §123

³³ Shaipova and others v. Russia, no. 10796/04, judgment of 6 November 2008, §99

³⁴ Idalova and Idalov v. Russia, no. 41515/04, judgment of 5 February 2009, §109

³⁵ Ayubov v. Russia, no. 7654/02, judgment of 12 February 2009, §77

³⁶ Sagayev and others v. Russia, no. 4573/04, judgment of 26 February 2009, §111

³⁷ Astamirova and others v. Russia, no. 27256/03, judgment of 26 February 2009, §89

³⁸ Vagapova and Zubirayev v. Russia, no. 21080/05, judgment of 26 February 2009, §98

³⁹ Dzhambekova and others v. Russia, nos. 27238/03 and 35078/04, judgment of 12 March 2009, §§ 283, 293, 301

⁴⁰ Elsiyev and others v. Russia, no. 21816/03, judgment of 12 March 2009, §165

⁴¹ Khadayeva and others v. Russia, no. 5351/04, judgment of 12 March 2009, §138

⁴² Dolsayev and others v. Russia, no. 10700/04, judgment of 22 January 2009, §108

⁴³ Zaurbekova and Zaurbekova v. Russia, no. 27183/03, judgment of 22 January 2009, §82

⁴⁴ Abdurzakova and Abdurzakov v. Russia, no. 35080/04, judgment of 15 January 2009, §109

против России¹, Закриева и другие против России², Абдулкадырова и другие против России³, Шахгириева и другие против России⁴, Насуханова и другие против России⁵, Берсункаева против России⁶, Ильясова и другие против России⁷, Асхарова против России⁸, Ахмадова и другие против России⁹, Мусиханова и другие против России¹⁰, Тагирова и другие против России¹¹, Хадисов и Цечоев против России¹², Исигова и другие против России¹³, Бетаев и Бетаева против России¹⁴, Дедовский и другие против России¹⁵, Менешева против России¹⁶, Тарариева против России¹⁷.

В. Скорость проведения следственных и иных процессуальных действий

ЕСПЧ требует, чтобы, начав расследование, не было необоснованных задержек в следственных действиях (см., например, *Эстамиров и другие против России*¹⁸). Это требование в первую очередь касается тех следственных действий, эффективность которых снижается с течением времени, например, медицинской экспертизы лица, жалующегося на пытки, осмотра места происшествия, допроса очевидцев.

- ¹ Medova v. Russia, no. 25385/04, judgment of 15 January 2009, §105
- ² Zakriyeva and others v. Russia, no. 20583/04, judgment of 8 January 2009, §83
- ³ Abdulkadyrova and others v. Russia, no. 27180/03, judgment of 8 January 2009, §133
- ⁴ Shakhgiryeva and others v. Russia, no. 27251/03, judgment of 8 January 2009, §177
- ⁵ Nasukhanova and others v. Russia, no. 5285/04, judgment of 18 December 2008, §112
- ⁶ Bersunkayeva v. Russia, no. 27233/03, judgment of 4 December 2008, §108
- ⁷ Ilyasova and other v. Russia, no. 1895/04, judgment of 4 December 2008, §74
- ⁸ Askharova v. Russia, no. 13566/02, judgment of 4 December 2008, §80
- ⁹ Akhmadova and others v. Russia, no. 3026/03, judgment of 4 December 2008, §146
- ¹⁰ Musikhanova and others v. Russia, no. 27243/03, judgment of 4 December 2008, §71
- ¹¹ Tagirova and others v. Russia, no. 20580/04, judgment of 4 December 2008, §90
- ¹² Khadisov and Tsechoyev v. Russia, no. 21519/02, judgment of 5 February 2009, §116
- ¹³ Isigova and others v. Russia, no. 6844/02, judgment of 26 June 2008, §105
- ¹⁴ Betayev and Betayeva v. Russia, no. 37315/03, judgment of 29 May 2008, §85
- ¹⁵ Dedovskiy and others v. Russia, no. 7178/03, judgment of 15 May 2008, §89
- ¹⁶ Menesheva v. Russia, no. 59261/00, judgment of 9 March 2006, §69
- ¹⁷ Tarariyeva v. Russia, no. 4353/03, judgment of 14 December 2006, §91
- ¹⁸ Estamirov and others v. Russia, no. 60272/00, judgment of 12 October 2006, §89

1. Позднее проведение необходимых экспертиз

В деле *Белуосов против России*¹⁹ заявитель утверждал, что после задержания 5 декабря 1999 года в ОВД «Коптево» г. Москвы к нему применили физическое насилие. Заявитель потерял сознание и был доставлен в Боткинскую клиническую больницу, где у него были зафиксированы различные телесные повреждения. В течение следующих трех месяцев заявитель проходил лечение. Практически сразу после задержания, Коптевская районная прокуратура (г. Москва) _начала проверку фактов применения к заявителю насилия. Однако, несмотря на начатую проверку, медицинское освидетельствование заявителя было проведено примерно через три месяца. Эксперт не смог подтвердить наличие у заявителя некоторых повреждений, которые ранее были установлены медиками Боткинской больницы, в связи с «отсутствием объективной клинической информации».

Рассматривая данную ситуацию, ЕСПЧ указал, что, несмотря на скорое начало проверки, медицинское освидетельствование заявителя было проведено с большим опозданием, что не могло не привести к расхождению между выводами врачей Боткинской больницы и эксперта.

В деле *Барабаничиков против России*²⁰ заявитель утверждал, что после задержания 7 августа 2001 года в Октябрьском районном отделе милиции г. Липецка к нему были применены пытки. Медицинское освидетельствование заявителя было проведено 9 августа 2001 года. В заключении от 13 августа 2001 года эксперт зафиксировал наличие только синяков и ссадин. 12 августа 2001 года заявителя госпитализировали в связи с жалобами на плохое самочувствие. Врачи Липецкой областной больницы установили, что у заявителя была, в том числе, травма почки и посттравматический астенический синдром. 30 ноября 2001 года была начата еще одна медицинская экспертиза. В ходе нее было установлено, что травма почки получена заявителем между 9 и 12 августа, то есть между первым медицинским обследованием и госпитализацией.

Принимая во внимание неполноту первого медицинского заключения, ЕСПЧ счел недопустимым, что дополнительная медицинская экспертиза была проведена только через четыре месяца. Это привело к расхождению между выводами врачей Липецкой областной больницы и заключением судебных медиков.

¹⁹ Belousov v. Russia, no. 1748/02, judgment of 2 October 2008, §52

²⁰ Barabanshchikov v. Russia, no. 36220/02, judgment of 8 January 2009, §48

Аналогичным образом, в деле *Хадисов и Цечоев против России*¹ (Чечня) ЕСПЧ признал серьезным нарушением, что медицинское обследование заявителей, жаловавшихся на пытки, было проведено более чем через три года после начала расследования.

В деле *Михеев против России*² (г. Нижний Новгород), касающемся применения к заявителю пыток, в результате которых он предпринял попытку суицида, Европейский Суд указал на опоздание в проведении медицинской и психиатрической экспертизы. При этом Суд отметил, что выводы психиатрической экспертизы имели существенное значение для дела, так как психологическое состояние заявителя выдвигалось официальными органами как основное объяснение его попытки совершения самоубийства и, соответственно, основание для прекращения уголовного дела.

Поздняя идентификация останков и/или позднее проведение посмертной судебно-медицинской экспертизы признавалось нарушением в некоторых чеченских делах, касающихся убийств: *Хаджиалиев и другие против России*³, *Джамаева и другие против России*⁴, *Арзу Ахмадова и другие против России*⁵, *Трапезникова против России*⁶, *Ахмадов и другие против России*⁷.

2. Позднее проведение осмотра места происшествия

Во многих чеченских делах ЕСПЧ констатировал нарушения, связанные с поздним проведением осмотра места (как правило, домовладения), где было задержание, места, где было совершено убийство или были обнаружены трупы. Так, в деле *Руслан Умаров против России*⁸, касающемся задержания и последующего исчезновения сына заявителя, ЕСПЧ особо отметил, что осмотр места происшествия был впервые произведен через четыре года после событий и, следовательно, не мог принести никаких результатов. Аналогичное нарушение было констатировано в делах *Албеков и другие против России*⁹, *Эльсиев*

*и другие против России*¹⁰, *Джамбекова и другие против России*¹¹, *Долсаев и другие против России*¹², *Абдулкадырова и другие против России*¹³, *Тангиева против России*¹⁴.

3. Позднее проведение допросов и иных следственных действий

В деле *Самойлов против России*¹⁵ заявитель, задержанный милицией московского метро 5 февраля 1999 года на Ленинградском вокзале г. Москвы, утверждал, что был избит сотрудниками милиции. Прокуратура метрополитена г. Москвы проводила проверки. Сотрудники милиции, предположительно причастные к избиению заявителя, были допрошены только в 2004 году, т.е. через пять лет после самого расследуемого случая. Государство-ответчик сообщило Суду, что милиционеры невозможно было допросить, так как тогда они не проживали в Москве. ЕСПЧ указал, что тот факт, что потенциальные подозреваемые не проживали в Москве, не должен был препятствовать их допросу, так как у прокуратуры была возможность сделать запрос в прокуратуру другого региона.

В подавляющем большинстве чеченских дел ЕСПЧ констатировал, что допросы заявителей, очевидцев преступлений и иных свидетелей, обладающих важной для расследования информацией, проводились с опозданием. Кроме того, Суд отмечал запоздалое направление следствием запросов в другие государственные органы. Речь шла, как правило, о запросах для получения информации о задержании лица или о возможном участии представителей государства в преступлении.

Так, в деле *Базоркина против России*¹⁶, касающемся задержания Хаджи-Мурата Яндиева в феврале 2000 года в г. Грозном (Чечня), Европейский Суд констатировал, что допрос заявительницы и очевидцев задержания Яндиева произошел со значительным опозданием. Суд подчеркнул, что действия, направленные на расследование преступления, начали предприниматься только после того, как жалоба заявительницы в ЕСПЧ была коммуницирована российским властям в декабре 2003 года. Анало-

¹ Khadisov and Tsechoyev v. Russia, no. 21519/02, judgment of 5 February 2009, §118

² Mikheyev v. Russia, no. 77617/01, judgment of 26 January 2006, §113

³ Khadzhaliev and others v. Russia, no. 3013/04, judgment of 6 November 2008, §104

⁴ Dzhamayeva and others v. Russia, no. 43170/04, judgment of 8 January 2009, §99

⁵ Arzu Akhmadova and others v. Russia, no. 13670/03, judgment of 8 January 2009, §194

⁶ Trapeznikova v. Russia, no. 21539/02, judgment of 11 December 2008, §84

⁷ Akhmadov and others v. Russia, no. 21586/02, judgment of 14 November 2008, §112

⁸ Ruslan Umarov v. Russia, no. 12712/02, judgment of 3 July 2008, §104

⁹ Albekov and others v. Russia, no. 68216/01, judgment of 9 October 2008, §97

¹⁰ Elsiyev and others v. Russia, no. 21816/03, judgment of 12 March 2009, §165

¹¹ Dzhambekova and others v. Russia, nos. 27238/03 and 35078/04, judgment of 12 March 2009, §293

¹² Dolsayev and others v. Russia, no. 10700/04, judgment of 22 January 2009, §108

¹³ Abdulkadyrova and others v. Russia, no. 27180/03, judgment of 8 January 2009, §134

¹⁴ Tangiyeva v. Russia, no. 57935/00, judgment of 29 November 2007, § 90–91

¹⁵ Samoylov v. Russia, no. 64398/01, judgment of 2 October 2008, §38

¹⁶ Bazorkina v. Russia, no. 69481/01, judgment of 25 July 2006, §121

гичная ситуация имела место и в других чеченских делах: Байсаева против России¹, Эстамиров и другие против России², Ахмадова и Садулаева против России³, Зубайраев против России⁴, Руслан Умаров против России⁵, Расаев и Чанкаева против России⁶, Юсупова и Заурбеков против России⁷, Трапезникова против России⁸, Тангиева против России⁹.

В деле *Лулуев и другие против России*¹⁰ попытки установить принадлежность военной техники, на которой были увезены женщины, задержанные в г. Грозном в июне 2000 года, были предприняты с большим опозданием, несмотря на то, что свидетели указали бортовые номера машин.

Сотрудники Октябрьского ВОВД г. Грозного, где в последний раз видели в живых родственников заявителей, были с большим опозданием допрошены в делах *Магомадов и Магомадов против России*¹¹ и *Юсупова и Заурбеков против России*¹².

Лица, участвовавшие в специальной операции в Октябрьском и Заводском районах г. Грозного в феврале 2000 года, в ходе которой было убито большое количество мирных жителей, были допрошены с большим опозданием в деле *Мусаев и другие против России*¹³. Опоздание в установлении и допросе лиц, причастных к задержанию родственников заявителей, также имело место в делах *Базоркина против России*¹⁴, *Ахмадова и другие против России*¹⁵, *Хайдаева и другие против России*¹⁶, *Тангиева против России*¹⁷.

В деле *Уцаева и другие против России*¹⁸, которое касается задержания в июне 2002 года в с. Новые Атаги (Чечня) и последующего исчезновения родственника заявителей, допрос военного командования с тем, чтобы установить, какие подразделения принимали участие в специальной операции, был проведен с большим опозданием.

В деле *Хациева и другие*¹⁹, касающемся вертолетного обстрела мирных жителей около с. Аршты (Республика Ингушетия), указывается, что на ранних стадиях расследования в России не предпринимались попытки установить личность военнослужащих, проводивших обстрел, и их командования, отдавшего такой приказ. При этом производство по уголовному делу приостанавливалось как минимум дважды в связи с неустановлением лиц, подлежащих привлечению к ответственности. Больше чем через год личность пилотов была установлена.

Запоздалое производство важнейших следственных действий было отмечено также в следующих делах: *Алихаджиева против России*²⁰, *Магомадов и Магомадов против России*²¹, *Ибрагимов и другие против России*²², *Азиевы против России*²³, *Сангариева и другие против России*²⁴, *Гехаева и другие против России*²⁵, *Атабаева и другие против России*²⁶, *Эльмурзаев и другие против России*²⁷, *Ахиядов против России*²⁸, *Мусаева против России*²⁹, *Тахаева и другие против России*³⁰, *Магомед Мусаев и другие против России*³¹, *Хаджиалиев и другие против России*³², *Магомадова и Исханова против России*³³, *Цу-*

¹ Baysayeva v. Russia, no. 74237/01, judgment of 5 April 2007, §126

² Estamirov and others v. Russia, no. 60272/00, judgment of 12 October 2006, §89

³ Akhmadova and Sadulayeva v. Russia, no. 40464/02, judgment of 10 May 2007, §101

⁴ Zubayrayev v. Russia, no. 67797/01, judgment of 10 January 2008, §98

⁵ Ruslan Umarov v. Russia, no. 12712/02, judgment of 3 July 2008, §104

⁶ Rasayev and Chankayeva v. Russia, no. 38003/03, judgment of 2 October 2008, §73

⁷ Yusupova and Zaurbekov v. Russia, no. 22057/02, judgment of 9 October 2008, §63

⁸ Trapeznikova v. Russia, no. 21539/02, judgment of 11 December 2008, §85

⁹ Tangiyeva v. Russia, no. 57935/00, judgment of 29 November 2007, § 90–91

¹⁰ Luluyev and others v. Russia, no. 69480/01, judgment of 9 November 2006, §97

¹¹ Magomadov and Magomadov v. Russia, no. 68004/01, judgment of 12 July 2007, §106

¹² Yusupova and Zaurbekov v. Russia, no. 22057/02, judgment of 9 October 2008, §63

¹³ Musayev and others v. Russia, nos. 57941/00, 58699/00 and 60403/00, judgment of 26 July 2007, §160

¹⁴ Bazorkina v. Russia, no. 69481/01, judgment of 25 July 2006, §121

¹⁵ Akhmadova and others v. Russia, no. 3026/03, judgment of 4 December 2008, §146

¹⁶ Khaydayeva and others v. Russia, no. 1848/04, judgment of 5 February 2009, §111–112

¹⁷ Tangiyeva v. Russia, no. 57935/00, judgment of 29 November 2007, §90–91

¹⁸ Utsayeva and others v. Russia, no. 29133/03, judgment of 29 May 2008, §178

¹⁹ Khatsiyeva and others v. Russia, no. 5108/02, judgment of 17 January 2008, §147

²⁰ Alikhadzhiyeva v. Russia, no. 68007/01, judgment of 5 July 2008, § 69–70

²¹ Magomadov and Magomadov v. Russia, no. 68004/01, judgment of 12 July 2007, §106

²² Ibragimov and others v. Russia, no. 34561/03, judgment of 29 May 2008, §97

²³ Aziyevy v. Russia, no. 77626/01, judgment of 20 March 2008, §94

²⁴ Sangariyeva and others v. Russia, no. 1839/04, judgment of 29 May 2008, §80

²⁵ Gekhayeva and others v. Russia, no. 1755/04, judgment of 29 May 2008, §104

²⁶ Atabayeva and others v. Russia, no. 26064/02, judgment of 12 June 2008, §99

²⁷ Elmurzayev and others v. Russia, no. 3019/04, judgment of 12 June 2008, §110

²⁸ Akhiyadova v. Russia, no. 32059/02, judgment of 3 July 2008, §77

²⁹ Musayeva v. Russia, no. 12703/02, judgment of 3 July 2008, §112

³⁰ Takhayeva and others v. Russia, no. 23286/04, judgment of 18 September 2008, §92

³¹ Magomed Musayev and others v. Russia, no. 8979/02, judgment of 23 October 2008, §99

³² Khadzhiyaliyev and others v. Russia, no. 3013/04, judgment of 6 November 2008, § 104–105

³³ Magomadova and Iskhanova v. Russia, no. 33185/04, judgment of 6 November 2008, §95

рова и другие против России¹, Шаипова и другие против России², Идалова и Идалов против России³, Аюбов против России⁴, Мешаева и другие против России⁵, Бантаева и другие против России⁶, Астамирова и другие против России⁷, Вагапова и Зубираев против России⁸, Джамбекова и другие против России⁹, Хадаева и другие против России¹⁰, Заурбекова и Заурбекова против России¹¹, Абдурзакова и Абдурзаков против России¹², Закриева и другие против России¹³, Абдулкадырова и другие против России¹⁴, Шахгириева и другие против России¹⁵, Насуханова и другие против России¹⁶, Берсункаева против России¹⁷, Ильясова и другие против России¹⁸, Асхарова против России¹⁹ (Чечня), Михеев против России²⁰ (г. Нижний Новгород).

4. Немотивированное бездействие органов расследования

Во многих делах ЕСПЧ отметил ничем не объяснимые длительные периоды бездействия органов расследования. В частности, в большинстве дел, касающихся чеченского конфликта, речь

идет об отсутствии какой-либо деятельности, когда расследование по делу было приостановлено в течение многих месяцев или даже нескольких лет. ЕСПЧ отмечал, что хотя сама ситуация в Чечне во время конфликта могла бы быть причиной задержек в расследовании, столь длительное бездействие, которое было в рассмотренных делах, не может быть оправдано.

Длительное бездействие органов следствия было отмечено в следующих делах: Битиева и Х. против России²¹, Кукаев против России²², Капланова против России²³, Ибрагимов и другие против России²⁴, Сангариева и другие против России²⁵, Гехаева и другие против России²⁶, Бетаев и Бетаева²⁷, Эльмурзаев и другие против России²⁸, Тахаева и другие против России²⁹, Ахмадова и Ахмадов против России³⁰, Межидов против России³¹, Халидова и другие против России³², Расаев и Чанкаева против России³³, Хаджиалиев и другие против России³⁴, Магоматова и Исханова против России³⁵, Цурова и другие против России³⁶, Шаипова и другие против России³⁷, Хайдаева и другие против России³⁸, Идалова и Идалов против России³⁹, Аюбов против России⁴⁰, Сагаев

¹ Turova and others v. Russia, no. 29958/04, judgment of 6 November 2008, §125

² Shaipova and others v. Russia, no. 10796/04, judgment of 6 November 2008, §99

³ Idalova and Idalov v. Russia, no. 41515/04, judgment of 5 February 2009, §110

⁴ Ayubov v. Russia, no. 7654/02, judgment of 12 February 2009, §79

⁵ Meshayeva and others v. Russia, no. 27248/03, judgment of 12 February 2009, §114

⁶ Bantayeva and others v. Russia, no. 20727/04, judgment of 12 February 2009, §88

⁷ Astamirova and others v. Russia, no. 27256/03, judgment of 26 February 2009, §90

⁸ Vagapova and Zubirayev v. Russia, no. 21080/05, judgment of 26 February 2009, §99

⁹ Dzhambekova and others v. Russia, nos. 27238/03 and 35078/04, judgment of 12 March 2009, §§ 284, 301, 293

¹⁰ Khadayeva and others v. Russia, no. 5351/04, judgment of 12 March 2009, §139

¹¹ Zaurbekova and Zaurbekova v. Russia, no. 27183/03, judgment of 22 January 2009, §83

¹² Abdubrzakova and Abdurzakov v. Russia, no. 35080/04, judgment of 15 January 2009, §109

¹³ Zakriyeva and others v. Russia, no. 20583/04, judgment of 8 January 2009, §84

¹⁴ Abdulkadyrova and others v. Russia, no. 27180/03, judgment of 8 January 2009, §134

¹⁵ Shakhgiriyeva and others v. Russia, no. 27251/03, judgment of 8 January 2009, §169

¹⁶ Nasukhanova and others v. Russia, no. 5285/04, judgment of 18 December 2008, §114

¹⁷ Bersunkayeva v. Russia, no. 27233/03, judgment of 4 December 2008, §110

¹⁸ Ilyasova and other v. Russia, no. 1895/04, judgment of 4 December 2008, §75

¹⁹ Askharova v. Russia, no. 13566/02, judgment of 4 December 2008, §82

²⁰ Mikheyev v. Russia, no. 77617/01, judgment of 26 January 2006, §113

²¹ Bitiyeva and X. v. Russia, nos. 57953/00 and 37392/03, judgment of 21 June 2007, §148

²² Kukayev v. Russia, no. 29361/02, judgment of 15 November 2007, §100

²³ Kaplanova v. Russia, no. 7653/02, judgment of 29 April 2008, §114

²⁴ Ibragimov and others v. Russia, no. 34561/03, judgment of 29 May 2008, §99

²⁵ Sangariyeva and others v. Russia, no. 1839/04, judgment of 29 May 2008, §80

²⁶ Gekhayeva and others v. Russia, no. 1755/04, judgment of 29 May 2008, §107

²⁷ Betayev and Betayeva v. Russia, no. 37315/03, judgment of 29 May 2008, §89

²⁸ Elmurzayev and others v. Russia, no. 3019/04, judgment of 12 June 2008, §110

²⁹ Takhayeva and others v. Russia, no. 23286/04, judgment of 18 September 2008, §93

³⁰ Akhmadova and Akhmadov v. Russia, no. 20755/04, judgment of 25 September 2008, §81

³¹ Mezhidov v. Russia, no. 67326/01, judgment of 25 September 2008, §73

³² Khalidova and others v. Russia, no. 22877/04, judgment of 2 October 2008, §96

³³ Rasayev and Chankayeva v. Russia, no. 38003/03, judgment of 2 October 2008, §75

³⁴ Khadzhiyaliyev and others v. Russia, no. 3013/04, judgment of 6 November 2008, §107

³⁵ Magomadova and Iskhanova v. Russia, no. 33185/04, judgment of 6 November 2008, §98

³⁶ Turova and others v. Russia, no. 29958/04, judgment of 6 November 2008, §128

³⁷ Shaipova and others v. Russia, no. 10796/04, judgment of 6 November 2008, §101

³⁸ Khaydayeva and others v. Russia, no. 1848/04, judgment of 5 February 2009, §116

³⁹ Idalova and Idalov v. Russia, no. 41515/04, judgment of 5 February 2009, §113

⁴⁰ Ayubov v. Russia, no. 7654/02, judgment of 12 February 2009, §78, 81

и другие против России¹, Бантаева и другие против России², Астамирова и другие против России³, Эльсиев и другие против России⁴, Хадаева и другие против России⁵, Долсаев и другие против России⁶, Самбиев и Покаева против России⁷, Заурбекова и Заурбекова против России⁸, Абдурзакова и Абдурзаков против России⁹, Шахгириева и другие против России¹⁰, Дангаева и Тарамова против России¹¹, Берсункаева против России¹², Ильясова и другие против России¹³, Мусиханова и другие против России¹⁴, Гандалоева против России¹⁵, Тагирова и другие против России¹⁶, Умаева против России¹⁷, Трапезникова против России¹⁸.

Самостоятельным нарушением во многих из вышеуказанных дел ЕСПЧ признавал неоднократное приостановление и возобновление производства по уголовному делу. Он отмечал, что приостановление и возобновление расследования само по себе не является признаком неэффективности, однако, если такие решения принимаются в ситуации, когда необходимые следственные действия не проводятся, это приводит к длительным периодам бездействия (см. *Джамбекова и другие против России*¹⁹).

- ¹ Sagayev and others v. Russia, 4573/04, judgment of 26 February 2009, §116
- ² Bantayeva and others v. Russia, no. 20727/04, judgment of 12 February 2009, §90
- ³ Astamirova and others v. Russia, no. 27256/03, judgment of 26 February 2009, §94
- ⁴ Elsiyev and others v. Russia, no. 21816/03, judgment of 12 March 2009, §167
- ⁵ Khadayeva and others v. Russia, no. 5351/04, judgment of 12 March 2009, §143
- ⁶ Dolsayev and others v. Russia, no. 10700/04, judgment of 22 January 2009, §110
- ⁷ Sambiyev and Pokayeva v. Russia, no. 38693/04, judgment of 22 January 2009, §63
- ⁸ Zaurbekova and Zaurbekova v. Russia, no. 27183/03, judgment of 22 January 2009, § 83, 85
- ⁹ Abdurzakova and Abdurzakov v. Russia, no. 35080/04, judgment of 15 January 2009, §112
- ¹⁰ Shakhgiriyeva and others v. Russia, no. 27251/03, judgment of 8 January 2009, § 172, 178
- ¹¹ Dangayeva and Taramova v. Russia, no. 1896/04, judgment of 8 January 2009, §97
- ¹² Bersunkayeva v. Russia, no. 27233/03, judgment of 4 December 2008, §112
- ¹³ Ilyasova and other v. Russia, no. 1895/04, judgment of 4 December 2008, §78
- ¹⁴ Musikhanova and others v. Russia, no. 27243/03, judgment of 4 December 2008, §77
- ¹⁵ Gandaloyeva v. Russia, no. 14800/04, judgment of 4 December 2008, §114
- ¹⁶ Tagirova and others v. Russia, no. 20580/04, judgment of 4 December 2008, §93
- ¹⁷ Umayeva v. Russia, no. 1200/03, judgment of 4 December 2005, §96
- ¹⁸ Trapeznikova v. Russia, no. 21539/02, judgment of 11 December 2008, §86
- ¹⁹ Dzhambekova and others v. Russia, nos. 27238/03 and 35078/04, judgment of 12 March 2009, §§ 288, 296

Длительное бездействие и неоднократное приостановление и возобновление расследования могут совмещаться в одном деле, либо может иметь место лишь одно из нарушений. В некоторых делах ЕСПЧ признал нарушение в виде неоднократного приостановления и возобновления расследования, но не указал на длительные периоды бездействия властей. Среди эти дел можно указать следующие: *Хашиев и Акаева против России*²⁰, *Базоркина против России*²¹, *Эстамиров и другие против России*²², *Алихаджиева против России*²³, *Магомадов и Магомадов против России*²⁴, *Тангиева против России*²⁵, *Зубайраев против России*²⁶, *Хациева и другие против России*²⁷ и др.

Другая ситуация, в которой ЕСПЧ пришел к выводу о нарушении в связи с длительным периодом бездействия органов расследования, была рассмотрена в деле *Белусов против России*. В апреле 2000 года Коптевская районная прокуратура г. Москвы прекратила производство по уголовному делу. Производство по делу возобновилось только в марте 2006 года после коммуникации дела Белусова государству. ЕСПЧ счел такой перерыв в расследовании недопустимым²⁸. Аналогичный случай имел место в деле *Самойлов против России*²⁹.

5. Задержка в восстановлении утраченных материалов расследования

В деле *Атабаева и другие против России*³⁰ уголовное дело о похищении родственника заявителей было уничтожено во время пожара 17 декабря 2002 года. Распоряжение о восстановлении уголовного дела было дано прокуратурой Веденского района Чечни только 25 августа 2004 года. ЕСПЧ признал такую ситуацию нарушением обязанности провести быстрое расследование.

- ²⁰ Khashiyev and Akayeva v. Russia, nos. 57943/00 and 57945/00, judgment of 24 February 2005, §164
- ²¹ Bazorkina v. Russia, no. 69481/01, judgment of 25 July 2006, §124
- ²² Estamirov and others v. Russia, no. 60272/00, judgment of 12 October 2006, §93
- ²³ Alikhadzhiyeva v. Russia, no. 68007/01, judgment of 5 July 2008, §72
- ²⁴ Magomadov and Magomadov v. Russia, no. 68004/01, judgment of 12 July 2007, §109
- ²⁵ Tangiyeva v. Russia, no. 57935/00, judgment of 29 November 2007, §94
- ²⁶ Zubayrayev v. Russia, no. 67797/01, judgment of 10 January 2008, §101
- ²⁷ Khatsiyeva and others v. Russia, no. 5108/02, judgment of 17 January 2008, §149
- ²⁸ Belousov v. Russia, no. 1748/02, judgment of 2 October 2008, §53
- ²⁹ Samoylov v. Russia, no. 64398/01, judgment of 2 October 2008, §38
- ³⁰ Atabayeva and others v. Russia, no. 26064/02, judgment of 12 June 2008, §99

III. Недостаточная тщательность расследования

A. Отсутствие необходимых следственных действий

ЕСПЧ отмечает, что подтверждение или опровержение доводов заявителя полностью зависит от органов расследования, которые обладают необходимыми полномочиями для сбора доказательств. Роль органов расследования чрезвычайно важна не только для привлечения виновных к ответственности, но и для предоставления заявителю возможности воспользоваться другими средствами защиты (в том числе правом на получение компенсации) (см, например, *Белусов против России*¹, *Надросов против России*²).

Необходимо отметить, что отказ органов расследования искать и получать доказательства тесно связан с проблемами оценки доказательств, а именно с заведомо большей силой, которая придается доказательствам, подтверждающим невиновность представителей власти, которые, по указанию заявителей, могут быть причастны к преступлению. Этот аспект нарушения требований об эффективном расследовании рассмотрен ниже.

Во многих делах, проанализированных при составлении обзора, ЕСПЧ приходил к выводу о нарушении требования тщательности расследования в связи с тем, что не были проведены необходимые следственные действия. Этот вывод касался отсутствия необходимых экспертиз, осмотра места происшествия, установления и допроса свидетелей, получения информации из других органов и др.. При этом необходимо учитывать, что зачастую государство-ответчик не предоставляло ЕСПЧ копии всех материалов уголовного дела или даже описания всех проведенных следственных действий (см., например, *Олег Никитин против России*³). В таких ситуациях Суд исходил из презумпции, что следственные действия, информации о которых государство-ответчик не предоставило, не были проведены.

1. Отсутствие необходимых экспертиз

a. Медицинская экспертиза лица, жалующегося на пытки

В деле *Чембер против России*⁴, военный прокурор Каспийского флота не назначил медицин-

ское освидетельствование заявителя и не принял во внимание существовавшие на момент отказа медицинские документы, подтверждающие наличие телесных повреждений у заявителя. Несмотря на то, что данные о применении насилия не были проверены, заявителю было отказано в возбуждении уголовного дела. Такая же ситуация имела место в делах *Надросов против России*⁵ (г. Ростов-на-Дону), *Самойлов против России*⁶ (г. Москва) и *Читаев и Читаев против России*⁷ (Чечня).

Отсутствие незамедлительного медицинского освидетельствования лиц, жалующихся на пытки, также было отмечено Европейским Судом в деле *Дедовский и другие против России*⁸, касающемся применения насилия отрядом спецназа «Варяг» к заключенным Чепецкой колонии. При рассмотрении данного случая Суд указал, что проведение незамедлительного и тщательного медицинского обследования является позитивным обязательством государства по статье 3 Европейской Конвенции (о тщательности медицинского обследования см. ниже). Отсутствие такого обследования вызывает особое беспокойство Суда в тех случаях, когда впоследствии отказ в возбуждении дела основан на отсутствии «объективных» доказательств.

b. Посмертная судебно-медицинская экспертиза

В деле *Эстамиров и другие против России*⁹ не были проведены вскрытия и судебно-медицинские экспертизы останков родственников заявителей. Протоколы осмотра трупов не содержали какой-либо значимой информации об их состоянии и ранениях. Суд указал, что основным требованием в делах о подозрительных смертях является вскрытие и подробная экспертиза.

Аналогичная ситуация имела место в деле *Мусаева и другие против России*¹⁰. Государство-ответчик ссылалось на то, что родственники погибших отказались назвать место перезахоронения останков своих родственников. ЕСПЧ отметил, что представители власти присутствовали при эксгумации тел из общей могилы. В этой ситуации они должны были обеспечить хотя бы фотографирование останков.

¹ Belousov v. Russia, no. 1748/02, judgment of 2 October 2008, §51

² Nadrosov v. Russia, no. 9297/02, judgment of 31 July 2008, §41

³ Oleg Nikitin v. Russia, no. 36410/02, judgment of 9 October 2008, §39

⁴ Chamber v. Russia, no. 8320/04, judgment of 19 June 2008, §62

⁵ Nadrosov v. Russia, no. 9297/02, judgment of 31 July 2008, § 43–44

⁶ Samoylov v. Russia, no. 64398/01, judgment of 2 October 2008, §37

⁷ Chitayev and Chitayev v. Russia, no. 59334/00, judgment of 18 January 2007, §165

⁸ Dedovskiy and others v. Russia, no. 7178/03, judgment of 15 May 2008, § 89–90

⁹ Estamirov and others v. Russia, no. 60272/00, judgment of 12 October 2006, §91

¹⁰ Musayeva and others v. Russia, no. 74239/01, judgment of 26 July 2007, §91

В деле *Тангиева против России*¹ ЕСПЧ счел, что отказ заявителей указать место, где были перезахоронены их убитые родственники, усугубил неэффективность расследования. Однако он подчеркнул, что отказ родственников от проведения эксгумации не снимает с властей обязанности попытаться получить подробную информацию о причине смерти другими способами.

В делах *Хашиев и Акаева*², *Гойгова против России*³, *Кукаев против России*⁴, *Зубайраев против России*⁵, *Хациева и другие против России*⁶, *Межидов против России*⁷, *Албеков и другие против России*⁸, *Ахмадова и Садулаева против России*⁹ не было проведено вскрытия и судебно-медицинской экспертизы трупов погибших.

с. Баллистическая экспертиза

В деле *Махаури против России*¹⁰, касающемся убийства мирных жителей в Старопромысловском районе г. Грозного в январе 2000 года, не была проведена баллистическая экспертиза гильз, найденных на месте преступления. Аналогичное нарушение имело место в деле *Хациева и другие*¹¹, касающемся вертолетного обстрела мирных жителей около с. Аршты в Ингушетии.

2. Отказ установить и допросить свидетелей

В деле *Барабанчиков против России*¹² заявитель утверждал, что после задержания 7 августа 2001 года в Октябрьском районном отделе милиции г. Липецка к нему были применены пытки. Рассматривая данное дело, ЕСПЧ отметил, что

следственные органы должны были по своей инициативе предпринимать шаги, чтобы установить свидетелей, которые видели заявителя в отделе милиции или в СИЗО. Суд счел отказ органов расследования собирать свидетельские показания особенно серьезным нарушением.

Аналогичная позиция была высказана Европейским Судом во многих других делах. Так, в деле *Белуосов против России*¹³, касающемся применения к заявителю насилия в ОВД «Коптево» (г. Москва), также не были предприняты попытки установить всех очевидцев. Были допрошены свидетели, которые содержались с заявителем в одной камере, но не видевшие избиения, которое, по словам заявителя, происходило в коридоре и в кабинете. ЕСПЧ отметил, что учитывая такие показания заявителя, органы расследования не должны были ограничиваться допросом сокамерников.

В деле *Владимир Романов против России*¹⁴ (г. Иваново), касающемся применения к заявителю силы в ходе специальной операции по пресечению беспорядков в следственном изоляторе, не были установлены очевидцы избиения из числа сокамерников, которые, несомненно, были. В деле *Чембер против России*¹⁵ военный прокурор Каспийского флота не допросил солдат, которые были очевидцами применения к заявителю жестокого обращения.

В деле *Азиевы против России*¹⁶, касающемся задержания в г. Грозном и последующего исчезновения родственников заявителей, не были допрошены военнослужащие, которые дежурили на блокпосту. В сторону этого блокпоста направились лица, которые задержали Азиевых. Отказ допросить военнослужащих, которые могли предоставить значимую для следствия информацию, также зафиксирован в делах: *Бетаев и Бетаева против России*¹⁷, *Зулпа Ахматова и другие против России*¹⁸, *Мешаева и другие против России*¹⁹, *Джамбекова и другие против России*²⁰, *Долсаев и другие против России*²¹, *Зурбекова и Зурбекова против России*²²,

¹ Tangiyeva v. Russia, no. 57935/00, judgment of 29 November 2007, §92

² Khashiyev and Akayeva v. Russia, nos. 57943/00 and 57945/00, judgment of 24 February 2005, § 159–163

³ Goygova v. Russia, no. 74240/01, judgment of 4 October 2007, §83

⁴ Kukayev v. Russia, no. 29361/02, judgment of 15 November 2007, §97

⁵ Zubayrayev v. Russia, no. 67797/01, judgment of 10 January 2008, §99

⁶ Khatsiyeva and others v. Russia, no. 5108/02, judgment of 17 January 2008, §146

⁷ Mezhidov v. Russia, no. 67326/01, judgment of 25 September 2008, §70

⁸ Albekov and others v. Russia, no. 68216/01, judgment of 9 October 2008, §97

⁹ Akhmadova and Sadulayeva v. Russia, no. 40464/02, judgment of 10 May 2007, §101

¹⁰ Makhauri v. Russia, no. 58701/00, judgment of 4 October 2007, §108

¹¹ Khatsiyeva and others v. Russia, no. 5108/02, judgment of 17 January 2008, §146

¹² Barabanshchikov v. Russia, no. 36220/02, judgment of 8 January 2009, §60

¹³ Belousov v. Russia, no. 1748/02, judgment of 2 October 2008, §56

¹⁴ Vladimir Romanov v. Russia, no. 41461/02, judgment of 24 July 2008, §87

¹⁵ Chamber v. Russia, no. 8320/04, judgment of 19 June 2008, §62

¹⁶ Aziyevy v. Russia, no. 77626/01, judgment of 20 March 2008, §93

¹⁷ Betayev and Betayeva v. Russia, no. 37315/03, judgment of 29 May 2008, §86

¹⁸ Zulpa Akhmatova and others v. Russia, nos. 13569/02 and 13573/02, judgment of 9 October 2008, §106

¹⁹ Meshayeva and others v. Russia, no. 27248/03, judgment of 12 February 2009, §116

²⁰ Dzhambekova and others v. Russia, nos. 27238/03 and 35078/04, judgment of 12 March 2009, §§ 283, 293, 301

²¹ Dolsayev and others v. Russia, no. 10700/04, judgment of 22 January 2009, §108

²² Zaurbekova and Zaurbekova v. Russia, no. 27183/03, judgment of 22 January 2009, §83

Дангаева и Тарамова против России¹, Исаева, Юсупова и Базаева против России², Магомадова и Исханова против России³, Бантаева и другие против России⁴, Астамирова и другие против России⁵.

В делах, касающихся проведения специальных операций в Чечне, которые повлекли большое количество жертв, ЕСПЧ подчеркнул, что следствие не предприняло достаточных и своевременных мер для установления всех пострадавших и свидетелей: Исаева, Юсупова и Базаева против России⁶, Исаева против России⁷, Умаева против России⁸, Хашиев и Акаева против России⁹, Махаури против России¹⁰, Гончарук против России¹¹, Мусаев и другие против России¹².

Свидетели, потенциально обладающие важной для расследования информацией, также не были установлены и/или допрошены в некоторых других делах, включая: Базоркина против России¹³, Хамила Исаева против России¹⁴, Медова против России¹⁵, Дангаева и Тарамова против России¹⁶, Джамаева и другие против России¹⁷, Насуханова и другие против России¹⁸, Берсункаева против России¹⁹, Арзу Ахмадова и другие против России²⁰, Мусиханова и другие против России²¹ Хайдаева и другие против

России²², Халитова против России²³, Руслан Умаров против России²⁴, Михеев против России²⁵.

3. Отказ установить и допросить потенциальных подозреваемых

В деле *Читаев и Читаев против России* (Чечня) не были предприняты попытки установить лиц, которые работали в Ачхой-Мартановском ВОВД и СИЗО Чернокозово, где, по утверждению заявителей, к ним применялись пытки²⁶. В деле *Надросов против России*²⁷ (г. Ростов-на-Дону) не было предпринято попытки выяснить, какие должностные лица участвовали в задержании заявителя и в его допросе, в ходе которых он был, по его заявлению, избит.

В деле *Байсаева против России*²⁸ (Чечня) в распоряжении следствия была видеозапись задержания мужа заявительницы. В дополнение к этому следствием были собраны фотографии сотрудников ОМОН, которые были в командировке в то время и в том районе, где произошло задержание мужа заявительницы. Несмотря на получение такой информации, следствие так и не установило личности должностных лиц, проводивших специальную операцию, дежуривших на блокпостах, а также непосредственно осуществлявших задержание. ЕСПЧ отметил, что предпринятые следствием действия не были доведены до конца.

В деле *Бантаева и другие против России*²⁹ не было допрошено командование подразделения, дислоцировавшегося рядом с селом Комсомольское (Чечня), где были задержаны родственники заявителей. В деле *Хациева и другие против России*³⁰ не было установлено, кто отдал приказ о проведении обстрела, в ходе которого погибли родственники заявителей. Уголовное дело в отношении командования было прекращено.

В деле *Ахмадова и Садулаева против России*³¹ (Чечня) не были допрошены военнослужащие, проводившие специальную операцию в г. Аргун и причастные к задержанию Ахмадова и других лиц. От

¹ Dangayeva and Taramova v. Russia, no. 1896/04, judgment of 8 January 2009, §95

² Isayeva, Yusupova and Bazayeva v. Russia, nos. 57947/00, 57948/00 and 57949/00, judgment of 24 February 2005, §222–224

³ Magomadova and Iskhanova v. Russia, no. 33185/04, judgment of 6 November 2008, §96

⁴ Bantayeva and others v. Russia, no. 20727/04, judgment of 12 February 2009, §88

⁵ Astamirova and others v. Russia, no. 27256/03, judgment of 26 February 2009, §92

⁶ Isayeva, Yusupova and Bazayeva v. Russia, nos. 57947/00, 57948/00 and 57949/00, judgment of 24 February 2005, §222–224

⁷ Isayeva v. Russia, no. 57950/00, judgment of 24 February 2005, §219, 221, 222

⁸ Umayeva v. Russia, no. 1200/03, judgment of 4 December 2005, §92

⁹ Khashiyev and Akayeva v. Russia, nos. 57943/00 and 57945/00, judgment of 24 February 2005, § 159–163

¹⁰ Makhauri v. Russia, no. 58701/00, judgment of 4 October 2007, § 111–112

¹¹ Goncharuk v. Russia, no. 58643/00, judgment of 4 October 2007, § 69–70

¹² Musayev and others v. Russia, nos. 57941/00, 58699/00 and 60403/00, judgment of 26 July 2007, § 161–162

¹³ Bazorkina v. Russia, no. 69481/01, judgment of 25 July 2006, §122

¹⁴ Khamila Isayeva v. Russia, no. 6846/02, judgment of 15 November 2007, §131

¹⁵ Medova v. Russia, no. 25385/04, judgment of 15 January 2009, §106

¹⁶ Dangayeva and Taramova v. Russia, no. 1896/04, judgment of 8 January 2009, §97

¹⁷ Dzhamayeva and others v. Russia, no. 43170/04, judgment of 8 January 2009, §100

¹⁸ Nasukhanova and others v. Russia, no. 5285/04, judgment of 18 December 2008, §115

¹⁹ Bersunkayeva v. Russia, no. 27233/03, judgment of 4 December 2008, §109

²⁰ Arzu Akhmadova and others v. Russia, no. 13670/03, judgment of 8 January 2009, §195

²¹ Musikhanova and others v. Russia, no. 27243/03, judgment of

4 December 2008, §72

²² Khaydayeva and others v. Russia, no. 1848/04, judgment of 5 February 2009, §113

²³ Khalitova v. Russia, no. 39166/04, judgment of 5 March 2009, §66

²⁴ Ruslan Umarov v. Russia, no. 12712/02, judgment of 3 July 2008, §106

²⁵ Mikheyev v. Russia, no. 77617/01, judgment of 26 January 2006, §112

²⁶ Chitayev and Chitayev v. Russia, no. 59334/00, judgment of 18 January 2007, §165

²⁷ Nadrosov v. Russia, no. 9297/02, judgment of 31 July 2008, § 43–44

²⁸ Baysayeva v. Russia, no. 74237/01, judgment of 5 April 2007, §128

²⁹ Bantayeva and others v. Russia, no. 20727/04, judgment of 12 February 2009, §88

³⁰ Khatsiyeva and others v. Russia, no. 5108/02, judgment of 17 January 2008, §147

³¹ Akhmadova and Sadulayeva v. Russia, no. 40464/02, judgment of 10 May 2007, §102

каз в проведении допросов лиц, принимавших участие и/или ответственных за проведение специальных операций, было констатировано и в других чеченских делах: Хайдаева и другие против России¹, Эльсиев и другие против России², Магомадова и Исханова против России³, Бантаева и другие против России⁴, Ахмадова и Ахмадов против России⁵, Идалова и Идалов против России⁶, Вагапова и Зубираев против России⁷, Эльсиев и другие против России⁸, Долсаев и другие против России⁹, Абдулкадырова и другие против России¹⁰, Хамила Исаева против России¹¹, Эльмурзаев и другие против России¹², Джамбекова и другие против России¹³.

Неустановление личности и/или непроведение допросов представителей власти, потенциально причастных к преступлению, также было отмечено в делах Абдурзакова и Абдурзаков против России¹⁴, Дангаева и Тарамова против России¹⁵, Джамаева и другие против России¹⁶, Берсункаева против России¹⁷, Арзу Ахмадова и другие против России¹⁸, Асхарова против России¹⁹, Ахмадова и другие против России²⁰, Гандалоева против Рос-

сии²¹, Ибрагимов и другие против России²², Мусаева против России²³, Тахаева и другие против России²⁴, Межидов против России²⁵, Мусиханова и другие против России²⁶.

В деле *Аюбов против России*²⁷, которое касается задержания сына заявителя в 2000 году в г. Грозном (Чечня) и его последующего исчезновения, Суд отметил, что несмотря на доказательства причастности ОМОНа г. Новосибирска к похищению, содержащиеся в материалах уголовного дела, органы расследования не предприняли действенных попыток расследовать этот факт. Они ограничились одним формальным запросом в г. Новосибирск через пять лет после событий и были удовлетворены коротким ответом о том, что 19 января 2000 года в Чечне не был дислоцирован новосибирский ОМОН. При этом они не попытались установить, какие подразделения фактически находились около места задержания, или найти свидетелей среди военнослужащих.

4. Непроведение осмотра места происшествия

В делах *Барабаничиков против России*²⁸ (г. Липецк), *Белуосов против России*²⁹ (г. Москва), *Читаев и Читаев против России*³⁰ (Чечня) и *Самойлов против России* (г. Москва)³¹, где заявители жаловались на применение к ним обращения, запрещенного статьей 3 Конвенции, Европейский Суд констатировал, что осмотр места, где к заявителям было применено насилие, не был проведен.

В делах *Мусаева и другие против России*³² и *Кукаев против России*³³ (Чечня), касающихся убийства родственников заявителей, не были исследованы место задержания и место, где были обнаружены тру-

¹ Khaydayeva and others v. Russia, no. 1848/04, judgment of 5 February 2009, §113

² Elsiyev and others v. Russia, no. 21816/03, judgment of 12 March 2009, §165

³ Magomadova and Iskhanova v. Russia, no. 33185/04, judgment of 6 November 2008, §96

⁴ Bantayeva and others v. Russia, no. 20727/04, judgment of 12 February 2009, §88

⁵ Akhmadova and Akhmadov v. Russia, no. 20755/04, judgment of 25 September 2008, §78

⁶ Idalova and Idalov v. Russia, no. 41515/04, judgment of 5 February 2009, §111

⁷ Vagapova and Zubirayev v. Russia, no. 21080/05, judgment of 26 February 2009, §101

⁸ Elsiyev and others v. Russia, no. 21816/03, judgment of 12 March 2009, §165

⁹ Dolsayev and others v. Russia, no. 10700/04, judgment of 22 January 2009, §108

¹⁰ Abdulkadyrova and others v. Russia, no. 27180/03, judgment of 8 January 2009, §136

¹¹ Khamila Isayeva v. Russia, no. 6846/02, judgment of 15 November 2007, §131

¹² Elmurzayev and others v. Russia, no. 3019/04, judgment of 12 June 2008, §107

¹³ Dzhambekova and others v. Russia, nos. 27238/03 and 35078/04, judgment of 12 March 2009, §286

¹⁴ Abdubrzakova and Abdurzakov v. Russia, no. 35080/04, judgment of 15 January 2009, §109

¹⁵ Dangayeva and Taramova v. Russia, no. 1896/04, judgment of 8 January 2009, §95

¹⁶ Dzhamayeva and others v. Russia, no. 43170/04, judgment of 8 January 2009, §100

¹⁷ Bersunkayeva v. Russia, no. 27233/03, judgment of 4 December 2008, §109

¹⁸ Arzu Akhmadova and others v. Russia, no. 13670/03, judgment of 8 January 2009, §195

¹⁹ Askharova v. Russia, no. 13566/02, judgment of 4 December 2008, §83

²⁰ Akhmadova and others v. Russia, no. 3026/03, judgment of 4 December 2008, §147

²¹ Gandaloyeva v. Russia, no. 14800/04, judgment of 4 December 2008, §111

²² Ibragimov and others v. Russia, no. 34561/03, judgment of 29 May 2008, §99

²³ Musayeva v. Russia, no. 12703/02, judgment of 3 July 2008, §113

²⁴ Takhayeva and others v. Russia, no. 23286/04, judgment of 18 September 2008, §92

²⁵ Mezhidov v. Russia, no. 67326/01, judgment of 25 September 2008, §71

²⁶ Musikhanova and others v. Russia, no. 27243/03, judgment of 4 December 2008, §72

²⁷ Ayubov v. Russia, no. 7654/02, judgment of 12 February 2009, §80

²⁸ Barabanshchikov v. Russia, no. 36220/02, judgment of 8 January 2009, §62

²⁹ Belousov v. Russia, no. 1748/02, judgment of 2 October 2008, §54

³⁰ Chitayev and Chitayev v. Russia, no. 59334/00, judgment of 18 January 2007, §165

³¹ Samoylov v. Russia, no. 64398/01, judgment of 2 October 2008, §37

³² Musayeva and others v. Russia, no. 74239/01, judgment of 26 July 2007, §91

³³ Kukayev v. Russia, no. 29361/02, judgment of 15 November 2007, §97

пы. В деле *Руслан Умаров против России*¹ следствие не попыталось проверить информацию о том, что задержанный сын заявителя содержался на военной базе в пос. Ханкала — не был проведен осмотр территории военной базы. Осмотр места происшествия также не был проведен в других чеченских делах: *Межидов против России*², *Сагаев и другие против России*³, *Хадаева и другие против России*⁴, *Заурбекова и Заурбекова против России*⁵, *Джамаева и другие против России*⁶, *Берсункаева против России*⁷, *Ильясова и другие против России*⁸, *Арзу Ахмадова и другие против России*⁹, *Асхарова против России*¹⁰, *Мусиханова и другие против России*¹¹.

5. Отказ направить запросы информации в другие ведомства

Во многих делах, касающихся проведения специальных операций в ходе чеченского конфликта, следствие не предприняло попыток получить информацию у соответствующих ведомств (структур Министерства обороны и Министерства внутренних дел).

Так, в деле *Исаева, Юсупова и Базаева против России*¹², касающемся обстрела колонны мирных жителей в Чечне в 1999 году, следствие не запросило документы, которые могли бы разрешить противоречия между информацией, предоставленной военным ведомством, и материалами уголовного дела. Не был исследован вопрос о том, почему гарантии безопасности выезда из Чечни мирных жителей не были соблюдены, и кто был ответственен за их соблюдение. Аналогичные нарушения были подчеркнуты Судом в деле *Исаева против России*¹³.

В делах *Хашиев и Акаева против России*¹⁴, *Махаури против России*¹⁵, *Гончарук против России*¹⁶, касающихся проведения специальной операции в Старопромысловском районе г. Грозного в январе 2000 года, Европейский Суд указал, что следствие не получило план специальной операции и не попыталось составить целостную картину событий. Нарушения, констатированные в деле *Хашиев и Акаева*, не были исправлены и на более поздних стадиях расследования, как было подчеркнуто Судом в деле *Гойгова против России*¹⁷, которое касалось тех же событий. Аналогичные нарушения имели место в делах *Мусаев и другие против России*¹⁸ и *Умаева против России*¹⁹.

Информация о возможном проведении специальной операции и участвовавших в ней лицах также не была запрошена в делах *Азиевы против России*²⁰, *Мусаева против России*²¹, *Руслан Умаров против России*²², *Зулпа Ахматова и другие против России*²³, *Магомед Мусаев и другие против России*²⁴, *Мешаева и другие против России*²⁵, *Бантаева и другие против России*²⁶, *Астамирова и другие против России*²⁷, *Джамбекова и другие против России*²⁸, *Шахгириева и другие против России*²⁹, *Берсункаева против России*³⁰, *Мусиханова и другие против России*³¹.

В делах *Магомадова и Исханова против России*³² и *Бантаева и другие против России*³³ следствие

¹ Ruslan Umarov v. Russia, no. 12712/02, judgment of 3 July 2008, §106

² Mezhidov v. Russia, no. 67326/01, judgment of 25 September 2008, §71

³ Sagayev and others v. Russia, no. 4573/04, judgment of 26 February 2009, §113

⁴ Khadayeva and others v. Russia, no. 5351/04, judgment of 12 March 2009, §139

⁵ Zaurbekova and Zaurbekova v. Russia, no. 27183/03, judgment of 22 January 2009, §83

⁶ Dzhamayeva and others v. Russia, no. 43170/04, judgment of 8 January 2009, §100

⁷ Bersunkayeva v. Russia, no. 27233/03, judgment of 4 December 2008, §109

⁸ Ilyasova and other v. Russia, no. 1895/04, judgment of 4 December 2008, §75

⁹ Arzu Akhmadova and others v. Russia, no. 13670/03, judgment of 8 January 2009, §196

¹⁰ Askharova v. Russia, no. 13566/02, judgment of 4 December 2008, §83

¹¹ Musikhanova and others v. Russia, no. 27243/03, judgment of 4 December 2008, §72

¹² Isayeva, Yusupova and Bazayeva v. Russia, nos. 57947/00, 57948/00 and 57949/00, judgment of 24 February 2005, §§222–224

¹³ Isayeva v. Russia, no. 57950/00, judgment of 24 February 2005, §§219, 221, 222

¹⁴ Khashiyev and Akayeva v. Russia, nos. 57943/00 and 57945/00, judgment of 24 February 2005, §159–163

¹⁵ Makhauri v. Russia, no. 58701/00, judgment of 4 October 2007, §111–112

¹⁶ Goncharuk v. Russia, no. 58643/00, judgment of 4 October 2007, §69–70

¹⁷ Goygova v. Russia, no. 74240/01, judgment of 4 October 2007, §83

¹⁸ Musayev and others v. Russia, nos. 57941/00, 58699/00 and 60403/00, judgment of 26 July 2007, §161–162

¹⁹ Umayeva v. Russia, no. 1200/03, judgment of 4 December 2005, §91

²⁰ Aziyevy v. Russia, no. 77626/01, judgment of 20 March 2008, §93

²¹ Musayeva v. Russia, no. 12703/02, judgment of 3 July 2008, §113

²² Ruslan Umarov v. Russia, no. 12712/02, judgment of 3 July 2008, §106

²³ Zulpa Akhmatova and others v. Russia, nos. 13569/02 and 13573/02, judgment of 9 October 2008, §105

²⁴ Magomed Musayev and others v. Russia, no. 8979/02, judgment of 23 October 2008, §101

²⁵ Meshayeva and others v. Russia, no. 27248/03, judgment of 12 February 2009, §116

²⁶ Bantayeva and others v. Russia, no. 20727/04, judgment of 12 February 2009, §88

²⁷ Astamirova and others v. Russia, no. 27256/03, judgment of 26 February 2009, §90

²⁸ Dzhambekova and others v. Russia, nos. 27238/03 and 35078/04, judgment of 12 March 2009, §294

²⁹ Shakhgiriyeva and others v. Russia, no. 27251/03, judgment of 8 January 2009, §170

³⁰ Bersunkayeva v. Russia, no. 27233/03, judgment of 4 December 2008, §109

³¹ Musikhanova and others v. Russia, no. 27243/03, judgment of 4 December 2008, §72

³² Magomadova and Iskhanova v. Russia, no. 33185/04, judgment of 6 November 2008, §96

³³ Bantayeva and others v. Russia, no. 20727/04, judgment of 12 February 2009, §88

не запрашивало информации о принадлежности бронетранспортеров, использовавшихся при задержании родственников заявителей. Принадлежность техники или автомобилей, использовавшихся при совершении преступлений, также не была установлена в делах Уцаева и другие против России¹, Эльмурзаев и другие против России², Хайдаева и другие против России³, Идалова и Идалов против России⁴, Сагаев и другие против России⁵, Джамбекова и другие против России⁶, Самбиев и Покаяева против России⁷, Насуханова и другие против России⁸, Ильясова и другие против России⁹, Арзу Ахмадова и другие против России¹⁰, Асхарова против России¹¹.

В деле *Цурова и другие против России*¹² в правоохранительные органы Республики Ингушетия не были направлены запросы о возможном задержании родственника заявителей, хотя в деле была информация о его задержании правоохранительными органами г. Малгобек (Республика Ингушетия). Запросы о месте содержания лиц, предположительно задержанных правоохранительными структурами, также не были сделаны следствием в делах Хайдаева и другие против России¹³, Сагаев и другие против России¹⁴, Астамирова и другие против России¹⁵, Медова против России¹⁶.

¹ Utsayeva and others v. Russia, no. 29133/03, judgment of 29 May 2008, §178

² Elmurzaev and others v. Russia, no. 3019/04, judgment of 12 June 2008, §106

³ Khaydayeva and others v. Russia, no. 1848/04, judgment of 5 February 2009, §113

⁴ Idalova and Idalov v. Russia, no. 41515/04, judgment of 5 February 2009, §111

⁵ Sagayev and others v. Russia, no. 4573/04, judgment of 26 February 2009, §113

⁶ Dzhambekova and others v. Russia, nos. 27238/03 and 35078/04, judgment of 12 March 2009, §286

⁷ Sambiyev and Pokayeva v. Russia, no. 38693/04, judgment of 22 January 2009, §63

⁸ Nasukhanova and others v. Russia, no. 5285/04, judgment of 18 December 2008, §114

⁹ Ilyasova and other v. Russia, no. 1895/04, judgment of 4 December 2008, §75

¹⁰ Arzu Akhmadova and others v. Russia, no. 13670/03, judgment of 8 January 2009, §195

¹¹ Askharova v. Russia, no. 13566/02, judgment of 4 December 2008, §82

¹² Turova and others v. Russia, no. 29958/04, judgment of 6 November 2008, §126

¹³ Khaydayeva and others v. Russia, no. 1848/04, judgment of 5 February 2009, §113

¹⁴ Sagayev and others v. Russia, no. 4573/04, judgment of 26 February 2009, §113

¹⁵ Astamirova and others v. Russia, no. 27256/03, judgment of 26 February 2009, §89

¹⁶ Medova v. Russia, no. 25385/04, judgment of 15 January 2009, §107

6. Непринятие мер, направленных на установление места захоронения

В деле *Базоркина против России*¹⁷ (Чечня) информация об обнаружении тел на окраине Алхан-Калы не была расследована. В деле *Байсаева против России*¹⁸ информация о возможном месте захоронения мужа заявительницы также не была проверена должным образом.

7. Иные случаи неполноты расследования

В деле *Тарариева против России*¹⁹ заявительница жаловалась, что ее сын погиб из-за ненадлежащего оказания медицинской помощи во время отбывания наказания в виде лишения свободы. Сын заявительницы содержался в учреждении УО-68/9 в г. Хадыженск Краснодарского края. 20 августа 2002 в связи с ухудшением здоровья он был переведен в Апшеронскую центральную районную больницу, где ему была сделана операция. 22 августа 2002 года он был вновь переведен в лечебно-профилактическое учреждение № 5 (14) — больницу при колонии — где была проведена еще одна операция. 4 сентября 2002 года сын заявительницы умер. Обстоятельства смерти сына заявительницы расследовались Теучежской межрайонной прокуратурой Республики Адыгея.

Рассматривая данное дело, ЕСПЧ счел, что расследование не было полным. Так, прокуратура указала, что перевод сына заявительницы в гражданскую больницу 20 августа 2002 года был выполнен должным образом, однако, прокуратура не оценила качество медицинской помощи, которая оказывалась сыну заявительницы до этого, хотя заявительница на этом настаивала. Кроме того, прокуратура в постановлении от 21 июня 2003 года об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении врачей больницы при колонии указала, что состояние сына заявительницы ухудшилось в ходе транспортировки в автозаке, но при этом прокуратурой не был изучен вопрос о том, кто ответственен за условия транспортировки. Не была также тщательно рассмотрена связь между отсутствием в больнице при колонии некоторых медикаментов и смертью сына заявительницы.

В. Проблемы качества доказательств

В некоторых делах ЕСПЧ приходил к выводу о нарушении требования эффективности расследования в связи с тем, что процесс сбора доказательств

¹⁷ Bazorkina v. Russia, no. 69481/01, judgment of 25 July 2006, §122

¹⁸ Baysayeva v. Russia, no. 74237/01, judgment of 5 April 2007, §128

¹⁹ Tarariyeva v. Russia, no. 4353/03, judgment of 14 December 2006, §92

или сами доказательства имели качественные недостатки. Эти претензии, в первую очередь, касались качества медицинского обследования лиц, жалующихся на пытки и жестокое обращение.

1. Качество и независимость медицинской экспертизы

Заявитель в деле *Барабанчиков против России*¹ утверждал, что после задержания 7 августа 2001 года в Октябрьском районном отделе милиции г. Липецка к нему были применены пытки. 9 августа 2001 года заявитель устно пожаловался на это прокурору. В тот же день следователь, который, по утверждению заявителя, присутствовал при избиении, назначил медицинскую экспертизу заявителя и поставил вопросы эксперту. В заключении от 13 августа 2001 года эксперт зафиксировал наличие у заявителя только синяков и ссадин. 12 августа 2001 года заявителя госпитализировали в связи с его жалобами на плохое самочувствие. Врачи Липецкой областной больницы установили, что у заявителя были, в том числе, травма почки и посттравматический астенический синдром.

При рассмотрении данной ситуации ЕСПЧ счел, что тот факт, что медицинскую экспертизу 9 августа 2001 года назначил следователь, который мог быть причастен к избиению, вызывает сомнения в независимости выводов эксперта. Суд указал, что медицинский эксперт должен быть и формально, и фактически независимым, иметь соответствующую подготовку и широкие полномочия. Кроме того, Суд отметил важность того, чтобы врач, дающий заключение в отношении лица, жалующегося на пытки, указывал, насколько описание лицом обстоятельств пыток соответствует медицинским показателям. В данном деле эти требования не были выполнены. Заключение эксперта от 13 августа не только неполно описывает все повреждения, которые были у заявителя, но еще и не оценивает, насколько описание заявителя обстоятельств избиения подтверждается медицинскими данными.

В деле *Владимир Романов против России*² (г. Иваново) Европейский Суд также указал, что медицинские документы не содержали объяснений заявителя о природе происхождения повреждений и описания его жалоб.

В деле *Шахгириева и другие против России*³, касающемся задержания и последующего убийства родственников заявителей, Суд указал, что в ходе

медицинской экспертизы их останков не были даны ответы на вопросы, важные для установления обстоятельств смерти: время смерти, описание повреждений на теле жертв, кроме огнестрельных ранений.

2. Качество проведения допроса

В деле *Хайдаева и другие против России*⁴ (Чечня) военнослужащие внутренних войск, допрошенные в ходе расследования обстоятельств задержания родственников заявителей, сообщали достаточно общую информацию об их службе в Чечне. Суду не удалось установить, задавались ли им вообще вопросы о задержании родственников заявителей.

С. Проблемы взаимодействия различных органов и должностных лиц при проведении расследования

Во многих делах ЕСПЧ указывал, что отсутствие налаженной системы взаимодействия между различными органами, как следственными, как и иными, может привести к снижению эффективности расследования.

1. Непредоставление ответов на запросы органов следствия

В деле *Магомадов и Магомадов против России*⁵ ЕСПЧ особо отметил нежелание Курчалоевского районного отдела ФСБ РФ по Чечне сотрудничать со следствием. На запрос об участии сотрудников этого ведомства в задержании и допросе брата заявителей был получен ответ, что никаких архивов в ФСБ нет, и она не может предоставить информацию. Поэтому следствию не удалось проверить причастность ФСБ к преступлению.

В деле *Тахаева и другие против России*⁶ ЕСПЧ отметил, что запросы Шалинской районной прокуратурой Чечни о возможном проведении специальной операции в день, когда был задержан родственник заявителей, остались без ответа. Аналогичная ситуация имела место в делах *Ильясова и другие против России*⁷ и *Мусиханова и другие против России*⁸ (Чечня).

¹ Barabanshchikov v. Russia, no. 36220/02, judgment of 8 January 2009, §48

² Vladimir Romanov v. Russia, no. 41461/02, judgment of 24 July 2008, §86

³ Shakhgiriyeva and others v. Russia, no. 27251/03, judgment of 8 January 2009, §§ 171, 178

⁴ Khaydayeva and others v. Russia, no. 1848/04, judgment of 5 February 2009, §§ 111–112

⁵ Magomadov and Magomadov v. Russia, no. 68004/01, judgment of 12 July 2007, §107

⁶ Takhayeva and others v. Russia, no. 23286/04, judgment of 18 September 2008, §91

⁷ Ilyasova and other v. Russia, no. 1895/04, judgment of 4 December 2008, §75

⁸ Musikhanova and others v. Russia, no. 27243/03, judgment of 4 December 2008, §72

2. Отсутствие координации между военной и гражданской прокуратурами

В деле *Махаури против России*¹, касающемся убийства мирных жителей в Старопромысловском районе г. Грозного Чечни в январе 2000 года, один и тот же эпизод расследовался как военной, так и гражданской прокуратурой. В течение нескольких лет между ними отсутствовала какая-либо координация. Только через четыре года уголовные дела были объединены. Аналогичная ситуация имела место в деле *Гончарук против России*².

В деле *Джамбекова и другие против России*³, несмотря на наличие данных о причастности военнослужащих к похищениям родственников заявителей, прокуратура Урус-Мартановского района Чечни не предприняла попыток связаться с военной прокуратурой, к полномочиям которой относится расследование преступлений с участием военнослужащих.

В деле *Элсиев и другие против России*⁴ прокуратура Курчалоевского района Чечни дважды пыталась передать уголовное дело по подследственности в военную прокуратуру в связи с предполагаемым участием в преступлении военнослужащих. Однако военная прокуратура возвращала дело, не предприняв никаких следственных действий.

В деле *Ахмадова и другие против России*⁵ уголовное дело по факту похищения родственника заявителей в 2000 году в ходе расследования перенаправлялось несколько раз из прокуратуры Веденского района Чечни в военную прокуратуру военной части 20116 и обратно. ЕСПЧ указал, что учитывая неясность причин перенаправления дела, такая ситуация производит впечатление нежелания прокурорских органов брать на себя ответственность. Аналогичная ситуация была отмечена в делах *Ахмадов и другие против России*⁶, *Хашиев и Акаева против России*⁷ и *Ахмадова и Садулаева против России*⁸ (Чечня).

¹ Makhauri v. Russia, no. 58701/00, judgment of 4 October 2007, §108

² Goncharuk v. Russia, no. 58643/00, judgment of 4 October 2007, §69

³ Dzhambekova and others v. Russia, nos. 27238/03 and 35078/04, judgment of 12 March 2009, §301

⁴ Elsiyev and others v. Russia, no. 21816/03, judgment of 12 March 2009, §165

⁵ Akhmadova and others v. Russia, no. 3026/03, judgment of 4 December 2008, §149

⁶ Akhmadov and others v. Russia, no. 21586/02, judgment of 14 November 2008, §114

⁷ Khashiyev and Akayeva v. Russia, nos. 57943/00 and 57945/00, judgment of 24 February 2005, §164

⁸ Akhmadova and Sadulayeva v. Russia, no. 40464/02, judgment of 10 May 2007, §100

3. Отсутствие координации в расследовании преступлений, происходивших в рамках взаимосвязанных событий

В деле *Магомадов и Магомадов против России*⁹ у следствия была информация об исчезновении нескольких лиц, которых, как и родственника заявителей, в последний раз видели в Октябрьском ВОВД г. Грозного Чечни. ЕСПЧ отметил, что, по всей видимости, расследования этих дел не были связаны между собой, хотя были основания предполагать, что к преступлениям причастны одни и те же лица. ЕСПЧ указал, что в такой ситуации от властей требуется большая координация усилий.

В деле *Махаури против России*¹⁰ было установлено, что у властей было множество сообщений о преступлениях, совершенных федеральными силами в Старопромысловском районе г. Грозного в начале 2000 года. Однако они не попытались установить общую картину событий, хотя эти преступления могли быть совершены одними и теми же лицами.

Дело *Уцаева и другие против России*¹¹ касалось задержания родственника заявителей и других лиц в ходе специальной операции в с. Новые Атаги (Чечня) в июне 2002 года. Заявители и родственники других лиц, задержанных в ходе той же операции, подавали совместные жалобы в правоохранительные органы. В июне и июле 2002 года было возбуждено несколько уголовных дел, касающихся этой специальной операции. Объединены в одно производство они были только в 2005 году. По мнению ЕСПЧ, такое позднее объединение дел негативно повлияло на эффективность расследования. Аналогичное нарушение было констатировано в делах *Зулпа Ахматова и другие против России*¹² и *Мешаева и другие против России*¹³.

D. Отсутствие попыток разрешить противоречия в собранной информации

В деле *Магомадов и Магомадов против России*¹⁴ в распоряжении следствия были противоречивые

⁹ Magomadov and Magomadov v. Russia, no. 68004/01, judgment of 12 July 2007, §108

¹⁰ Makhauri v. Russia, no. 58701/00, judgment of 4 October 2007, §110

¹¹ Utsayeva and others v. Russia, no. 29133/03, judgment of 29 May 2008, §176

¹² Zulpa Akhmatova and others v. Russia, nos. 13569/02 and 13573/02, judgment of 9 October 2008, §104

¹³ Meshayeva and others v. Russia, no. 27248/03, judgment of 12 February 2009, §113

¹⁴ Magomadov and Magomadov v. Russia, no. 68004/01, judgment of 12 July 2007, §107

показания об участии различных органов в операции по задержанию родственника заявителей и других лиц. Следствие не попыталось разрешить эти противоречия. Аналогичные нарушения были установлены в чеченских делах *Мусаев и другие против России*¹, *Махаури против России*², *Льянова и Алиева против России*³, *Ахмадова и другие против России*⁴, *Гандалоева против России*⁵, *Исаева, Юсупова и Базаева против России*⁶.

Е. Проблемы оценки доказательств

ЕСПЧ часто приходил к выводу о неэффективности расследования из-за нарушений при оценке доказательств. Среди наиболее распространенных проблем в этой области: выборочная оценка доказательств, применение разных стандартов в оценке показаний заявителя и должностных лиц, предположительно причастных к преступлению, отсутствие или недостаточность аргументации в постановлениях об отказе в возбуждении или прекращении уголовного дела.

1. Оценка медицинских данных

Заявитель в деле *Барабаншиков против России*⁷ утверждал, что после задержания 7 августа 2001 года в Октябрьском районном отделе милиции г. Липецка к нему были применены пытки. В заключении от 13 августа 2001 года эксперт зафиксировал у заявителя только синяки и ссадины. Заявителя госпитализировали 12 августа 2001 года в связи с его жалобами на плохое самочувствие. Врачи Липецкой областной больницы установили, что у заявителя была, в том числе, травма почки и посттравматический астенический синдром.

Заявитель был допрошен по поводу обстоятельств применения к нему насилия, но он отказался давать показания без адвоката. На этом основании 19 октября 2001 года помощник прокурора Октябрьского района г. Липецка вынесла постановление об отказе в возбуждении уголовного дела по фактам применения к заявителю на-

силия. 19 ноября 2001 года была начата дополнительная проверка по указанным фактам. В ходе нее была проведена еще одна медицинская экспертиза заявителя. Экспертизой было установлено, что травма почки получена заявителем между 9 и 12 августа, то есть между первым медицинским обследованием и госпитализацией. Постановлением от 7 декабря 2001 года та же сотрудница прокуратуры, которая принимала решение об отказе в возбуждении уголовного дела, вновь приняла решение об отказе в возбуждении уголовного дела. Ее решение основывалось на показаниях сотрудников милиции, которые, по общению заявителя, были причастны к пыткам. Они утверждали, что заявитель получил телесные повреждения (синяки и ссадины) при падении с высоты собственного роста, так как он потерял сознание в отделе милиции. В отношении травмы почки в постановлении, со ссылкой на результаты новой медицинской экспертизы, было указано, что она была получена после обследования врачом 9 августа 2001 года и, следовательно, не относится к описываемым заявителем событиям.

При рассмотрении этого случая ЕСПЧ отметил, что при вынесении постановления от 19 октября 2001 года прокурор вообще не обратилась к медицинским доказательствам для принятия решения. А в постановлении от 7 декабря 2001 года прокурор всего лишь выборочно процитировала заключения медиков, но не попыталась оценить их и сделать из них выводы. Вместе с этим она приняла решение об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с отсутствием «объективных» доказательств. При этом таковыми доказательствами могли бы являться медицинские документы при должной их оценке.

Схожая ситуация имела место в деле *Белусов против России*⁸. Заявитель утверждал, что после задержания 5 декабря 1999 года в ОВД «Коптево» г. Москвы к нему применили физическое насилие. Заявитель потерял сознание, и был доставлен в Боткинскую клиническую больницу, где у него были зафиксированы различные телесные повреждения. В течение следующих трех месяцев заявитель был на лечении. Практически сразу после этих событий Коптевской районной прокуратурой была начата проверка по фактам применения к заявителю насилия. В рамках проверки, примерно через три месяца после событий, была проведена медицинская экспертиза заявителя. Эксперт не смог подтвердить некоторые повреждения, которые были установлены медиками Боткинской больницы, в связи с «отсутствием объективной клинической информации». 14 мар-

¹ Musayev and others v. Russia, nos. 57941/00, 58699/00 and 60403/00, judgment of 26 July 2007, §160

² Makhauri v. Russia, no. 58701/00, judgment of 4 October 2007, § 108

³ Lyanova and Alameda v. Russia, nos. 12713/02 and 28440/03, judgment of 2 October 2008, §105

⁴ Akhmadova and others v. Russia, n o. 3026/03, judgment of 4 December 2008, §147

⁵ Gandaloyeva v. Russia, no. 14800/04, judgment of 4 December 2008, §111

⁶ Isayeva, Yusupova and Bazayeva v. Russia, nos. 57947/00, 57948/00 and 57949/00, judgment of 24 February 2005, § 222–224

⁷ Barabanshchikov v. Russia, no. 36220/02, judgment of 8 January 2009, §60

⁸ Belousov v. Russia, no. 1748/02, judgment of 2 October 2008, §54

та 2000 года в возбуждении уголовного дела было отказано.

ЕСПЧ, изучив постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, отметил, что следователь не дал оценки количеству, природе и происхождению травм. В постановлениях просто процитированы медицинские документы, описывающие состояние заявителя, а также выборочно процитированы выводы эксперта. Несмотря на то, что в заключении эксперта от 14 марта 2000 года были изложены возможные причины возникновения физических повреждений, они не были приняты во внимание, и следствие вернулось к их оценке только 29 октября 2006, то есть спустя почти семь лет после событий. Такой подход к оценке доказательств ЕСПЧ счел неприемлемым.

В деле *Владимир Романов против России*¹ (г. Иваново) Суд указал, что несмотря на наличие разных версий событий, в результате которых заявитель получил физические повреждения, прокурор, отказывая в возбуждении уголовного дела по фактам применения насилия, не оценил количество и происхождение повреждений на теле заявителя, а просто сослался на медицинские документы, перечисляющие повреждения.

В деле *Михеев против России*² (г. Нижний Новгород) Суд также установил, что интерпретация происхождения физических повреждений не проводилась. Отказ принимать во внимание медицинские документы был также констатирован в деле *Читаев и Читаев против России* (Чечня)³.

2. Оценка показаний лиц, предположительно причастных к преступлению

В деле *Барабанчиков против России*⁴ (см. выше) ЕСПЧ отметил, что были применены разные стандарты при оценке показаний заявителя и сотрудников милиции. Показания заявителя, хотя и были включены в текст постановления, не рассматривались в качестве заслуживающих доверия. В материалах дела указывалось, что показания заявителя представляли собой его личное мнение и отражали «обвинительную тактику» заявителя. В то же время, показания сотрудников милиции были признаны достоверными, хотя они могли являться «тактикой защиты» и попыткой дискредитировать показания заявителя. По мнению

¹ Vladimir Romanov v. Russia, no. 41461/02, judgment of 24 July 2008, §86

² Mikheyev v. Russia, no. 77617/01, judgment of 26 Januar2006, §118

³ Chitayev and Chitayev v. Russia, no. 59334/00, judgment of 18 January 2007, §165

⁴ Barabanshchikov v. Russia, no. 36220/02, judgment of 8 January 2009, §61

ЕСПЧ, следствие должно было также подвергнуть сомнению и показания сотрудников милиции, так как задачей следствия было установить, виновны они или нет.

Применение разных стандартов оценки доказательств, которые свидетельствовали в пользу обвинения и защиты, было также отмечено в делах *Полонский против России*⁵ (г. Волгоград), *Белосов против России*⁶ (г. Москва), *Надросов против России*⁷ (г. Ростов-на Дону), *Владимир Романов против России*⁸ (г. Иваново), *Михеев против России*⁹ (г. Нижний Новгород).

Необходимо отметить, что Суд признает нарушение данного стандарта даже в тех случаях, когда «дефектное» постановление об отказе в возбуждении дела было позднее отменено, и расследование продолжалось. Разные стандарты в оценке доказательств, по мнению Суда, вносят вклад в затягивание процесса расследования.

3. Отказ от оценки пропорциональности применения силы

В деле *Владимир Романов против России*¹⁰ (г. Иваново), касающемся применения к заявителю силы в ходе специальной операции по пресечению беспорядков в следственном изоляторе, прокурор Ивановской областной прокуратуры не дал оценки необходимости и пропорциональности применения силы в ходе операции, при этом в возбуждении уголовного дела им было отказано. Не подвергая сомнению показания лиц, принимавших участие в операции, он счел их действия законными. При этом он не принял во внимание медицинские доказательства, подтверждающие версию заявителя о том, что к нему применялась сила уже после того, как он перестал оказывать сопротивление, и что применение силы было намеренным.

В деле *Хациева и другие против России*¹¹, касающемся вертолетного обстрела мирных жителей около с. Аршты (Ингушетия), следствие пришло к выводу о пропорциональности применения силы, не проанализировав приказ об обстреле и обстоятельства дела.

⁵ Polonskiy v. Russia, no. 30033/05, judgment of 19 March 2009, §112

⁶ Belousov v. Russia, no. 1748/02, judgment of 2 October 2008, §55

⁷ Nadrosov v. Russia, no. 9297/02, judgment of 31 July 2008, §44

⁸ Vladimir Romanov v. Russia, no. 41461/02, judgment of 24 July 2008, §87

⁹ Mikheyev v. Russia, no. 77617/01, judgment of 26 Januar2006, §§117

¹⁰ Vladimir Romanov v. Russia, no. 41461/02, judgment of 24 July 2008, §88

¹¹ Khatsiyeva and others v. Russia, no. 5108/02, judgment of 17 January 2008, §147

Ф. Нарушение требования мотивировать решения об отказе в возбуждении уголовного дела или о его прекращении

Ненадлежащий подход к оценке доказательств неизбежно влечет за собой пробелы в мотивировке решений, выносимых по результатам расследования. Тем не менее, ЕСПЧ в некоторых случаях отмечает немотивированность как самостоятельное и отдельное нарушение.

В деле *Полонский против России*¹ заявитель утверждал, что после задержания 28 января 2003 года и доставления в отдел милиции № 2 г. Волгограда к нему были применены пытки. Прокуратура Центрального района г. Волгограда в период с сентября 2004 по июнь 2008 года девять раз выносила постановление об отказе в возбуждении уголовного дела. Постановления об отказе в возбуждении дела основывались на показаниях сотрудников милиции, отрицавших свою причастность к пыткам. Медицинские документы и показания свидетелей, подтверждавшие версию заявителя, не были приняты во внимание без объяснения причин. Впоследствии восемь из девяти постановлений были отменены вышестоящими прокурорскими органами или судом. В частности, постановления от 19 октября 2006 года и 28 мая 2007 года были отменены Центральным районным судом в связи с их немотивированностью. Однако прокуратура не исправила недостатки, на которые указал суд. 9 июня 2008 года было вынесено постановление, дословно повторяющее постановление от 28 мая 2007 года.

ЕСПЧ счел серьезным нарушением отсутствие достаточной мотивировки в постановлениях об отказе в возбуждении уголовного дела, а также особое доверие к показаниям сотрудников милиции.

Аналогичное нарушение имело место в описанном выше деле *Хациева и другие против России*².

Г. Непринятие мер по привлечению предполагаемых виновных к ответственности

В деле *Полонский против России*³, описанном выше, заявитель в ходе последственной проверки указывал на конкретных лиц. Прокуратура Центрального района г. Волгограда 4 сентября 2008 года вы-

несла постановление о возбуждении уголовного дела в отношении «неустановленных сотрудников милиции». К моменту рассмотрения дела ЕСПЧ никому из сотрудников милиции не было предъявлено обвинение.

ЕСПЧ признал нарушением тот факт, что несмотря на то, что заявитель указывал на конкретных должностных лиц, применявших насилие, уголовное дело было возбуждено в отношении «неустановленных сотрудников милиции», и более пяти лет никто так и не был привлечен к ответственности.

В деле *Дедовский и другие против России*⁴ ЕСПЧ отметил, что разрешение использовать маски в сочетании с отсутствием требования носить знаки различия на форме, привели к невозможности для потерпевших идентифицировать сотрудников отряда спецназа «Варяг», которые проводили операцию в Чепецкой колонии. Кроме того, отчет о применении спецсредств (резиновых дубинок) также не идентифицировал лиц, которые нанесли удары заявителям. В данном деле это было одним из оснований прекращения уголовного дела. Суд пришел к выводу, что власти таким образом намеренно создали ситуацию безнаказанности.

В этом деле, единственным лицом, которому было предъявлено обвинение и в отношении которого проводилось судебное разбирательство, стал командир отряда, гражданин Бромберг. Однако Чердынский районный суд вынес оправдательный приговор, ссылаясь на то, что Бромберг должным образом контролировал законность действий своих подчиненных. Пермский краевой суд в кассационной инстанции оставил приговор в силе, мотивировав решение тем, что Бромберг не мог и не был обязан контролировать действия своих подчиненных в свое отсутствие. ЕСПЧ указал на это противоречие. При этом Суд также указал, что неважно: это противоречие вызвано плохой подготовкой дела органами прокуратуры или отсутствием судебной практики по такой категории дел. Имеет значение то, что попытки привлечь к ответственности нарушителей были пресечены.

В деле *Тарариева против России*⁵, касающемся смерти сына заявительницы в заключении из-за отсутствия качественной медицинской помощи, ЕСПЧ указал, что прокуратура не подготовила твердой доказательственной базы для рассмотрения дела в суде.

Уголовное дело в отношении некоторых медиков «развалилось» в суде, так как основные дока-

¹ Polonskiy v. Russia, no. 30033/05, judgment of 19 March 2009, §112

² Khatsiyeva and others v. Russia, no. 5108/02, judgment of 17 January 2008, §147

³ Polonskiy v. Russia, no. 30033/05, judgment of 19 March 2009, § 113–114

⁴ Dedovski and others v. Russia, no. 7178/03, judgment of 15 May 2008, §§ 89, 93

⁵ Tarariyeva v. Russia, no. 4353/03, judgment of 14 December 2006, § 94–95

зательства обвинения были признаны судом недопустимыми. В результате Апшеронский районный суд Краснодарского края вынес оправдательный приговор, а уголовное дело в отношении других врачей так и не дошло до судебной стадии.

Схожая ситуация была признана нарушением в деле *Маслова и Налбандов против России*¹. Заявители жаловались на пытки. На предварительном слушании уголовного дела в отношении лиц, пытавших заявителей, Нижегородский районный суд (г. Нижний Новгород) постановил вернуть уголовное дело на доследование в связи с процессуальными нарушениями. (В частности, несоблюдение процедуры возбуждения уголовного дела в отношении сотрудников прокуратуры, позднее привлечение их в качестве обвиняемых). Поэтому все доказательства, собранные в ходе расследования, были признаны недопустимыми. Впоследствии уголовное дело было прекращено в связи с невозможностью устранить эти недостатки.

Таким образом, в двух вышеописанных делах ЕСПЧ подчеркнул, что ответственность за некачественную работу с доказательствами и процессуальные нарушения, повлекшие невозможность привлечь виновных к ответственности, лежит на следственных органах.

В деле *Хадисов и Тсечоев против России*² (Ингушетия, Чечня) военная прокуратура прекратила производство по уголовному делу в связи с отсутствием события преступления. Такое решение прокуратура приняла несмотря на то, что была установлена личность офицера, который направил заявителей в расположение военной части в Ханкале, где их, по утверждению заявителей, пытали. Прокуратура Ингушетии производство по делу приостанавливала несколько раз на том же основании. По мнению Суда, такое поведение прокуратуры свидетельствует о нежелании привлечь виновных к ответственности.

Во многих делах, касающихся чеченского конфликта, где следствию были известны подразделения, причастные к преступлению, или даже звания и имена возможных подозреваемых, а также иная информация, указывающая на причастность представителей власти к преступлению, ЕСПЧ отмечал, что в течение длительного времени они не были установлены и/или привлечены к ответственности.

Так, в деле *Гандалоева против России*³ уголовное дело, касающееся убийства мужа заявительницы,

изначально расследовалось Ачхой-Мартановской межрайонной прокуратурой Чечни. В этот период были проведены многие следственные действия, и была установлена причастность к совершению преступления военнослужащих. ЕСПЧ особо отметил, что после передачи дела по подследственности в военную прокуратуру военной части 20102 деятельность по уголовному делу практически прекратилась. Аналогичная ситуация имела место в деле *Ахмадов и другие против России*⁴ и *Хачиева и другие*⁵.

Фактический отказ установить и/или привлечь виновных к ответственности также имел место в делах: *Хашиев и Акаева против России*⁶, *Мусаев и другие против России*⁷, *Мусаева и другие против России*⁸, *Махаури против России*⁹, *Гончарук против России*¹⁰, *Гойгова против России*¹¹, *Кукаев против России*¹², *Капланова против России*¹³, *Исигова и другие против России*¹⁴, *Льянова и Алиева против России*¹⁵, *Юсупова и Заурбеков против России*¹⁶, *Аюбов против России*¹⁷, *Халитова против России*¹⁸, *Хадаева и другие против России*¹⁹, *Абдурзакова и Абдурзаков против России*²⁰, *Арзу Ахмадова и другие против России*²¹, *Ахмадова и другие против России*²², *Ахмадов и другие против России*²³.

⁴ Akhmadov and others v. Russia, no. 21586/02, judgment of 14 November 2008, §114

⁵ Khatsiyeva and others v. Russia, no. 5108/02, judgment of 17 January 2008, §147

⁶ Khashiyev and Akayeva v. Russia, nos. 57943/00 and 57945/00, judgment of 24 February 2005, §158

⁷ Musayev and others v. Russia, nos. 57941/00, 58699/00 and 60403/00, judgment of 26 July 2007, §164

⁸ Musayeva and others v. Russia, no. 74239/01, judgment of 26 July 2007, §92

⁹ Makhauri v. Russia, no. 58701/00, judgment of 4 October 2007, §108–109

¹⁰ Goncharuk v. Russia, no. 58643/00, judgment of 4 October 2007, §70

¹¹ Goygova v. Russia, no. 74240/01, judgment of 4 October 2007, §83

¹² Kukayev v. Russia, no. 29361/02, judgment of 15 November 2007, §97

¹³ Kaplanova v. Russia, no. 7653/02, judgment of 29 April 2008, §115

¹⁴ Isigova and others v. Russia, no. 6844/02, judgment of 26 June 2008, § 108–109

¹⁵ Lyanova and Aliyeva v. Russia, nos. 12713/02 and 28440/03, judgment of 2 October 2008, §106

¹⁶ Yusupova and Zaurbekov v. Russia, no. 22057/02, judgment of 9 October 2008, §63

¹⁷ Ayubov v. Russia, no. 7654/02, judgment of 12 February 2009, §80

¹⁸ Khalitova v. Russia, no. 39166/04, judgment of 5 March 2009, §66

¹⁹ Khadayeva and others v. Russia, no. 5351/04, judgment of 12 March 2009, §139

²⁰ Abdubrzakova and Abdurzakov v. Russia, no. 35080/04, judgment of 15 January 2009, §110

²¹ Arzu Akhmadova and others v. Russia, no. 13670/03, judgment of 8 January 2009, §198

²² Akhmadova and others v. Russia, no. 3026/03, judgment of 4 December 2008, §147

²³ Akhmadov and others v. Russia, no. 21586/02, judgment of 14 November 2008, §113

¹ Maslova and Nalbandov v. Russia, no. 839/02, judgment of 24 January 2008, §§ 94–96

² Khadisov and Tsechoyev v. Russia, no. 21519/02, judgment of 5 February 2009, §120

³ Gandaloyeva v. Russia, no. 14800/04, judgment of 4 December 2008, §111

Н. Небрежность при производстве уголовного дела

В деле *Эстамиров и другие против России*¹, касающемся убийства нескольких человек, ЕСПЧ подчеркнул, что следователь Октябрьского ВОВД г. Грозного неверно указывал даты убийства в своих запросах в различные органы. Запросы касались подразделений, дислоцировавшихся в г. Грозном в период убийства, а также проведения специальных операций. Из-за допущенных ошибок в дате убийства эти запросы, по мнению Суда, не могли принести результата.

В деле *Цурова и другие против России*², касающемся исчезновения родственника заявителей, Грозненская городская прокуратура с разницей в три дня возбудила два уголовных дела по факту похищения Ибрагима Цурова. ЕСПЧ счел такую ошибку отсутствием должной тщательности в делопроизводстве, что повлияло на эффективность расследования.

В деле *Закриева и другие против России*³ родственник заявителей был задержан на военном контрольно-пропускном пункте около с. Адлы (Чечня). Расследуя уголовное дело, прокуратура Заводского района г. Грозного направила запросы о проведении специальной операции в день задержания и получила на них отрицательные ответы. ЕСПЧ указал, что, задержание могло произойти после проверки документов, которая может и не считаться специальной операцией. Поэтому Суд указал, что следователи должны были формулировать запросы более четко.

В деле *Михеев против России*⁴, касающемся применения к заявителю пыток, Европейский Суд подчеркнул, что в постановлении следователя от 21 декабря 1998 года о прекращении уголовного дела было указано, что 11 сентября 1998 года заявитель был освобожден, но затем вновь задержан за совершение административного правонарушения, хотя к тому моменту следствием уже было установлено, что документы, подтверждающие повторное задержание заявителя, были сфабрикованы. То же описание событий было повторено в постановлении о прекращении производства по делу от 25 февраля 1999 года.

¹ Estamirov and others v. Russia, no. 60272/00, judgment of 12 October 2006, §90

² Tsurova and others v. Russia, no. 29958/04, judgment of 6 November 2008, §123

³ Zakriyeva and others v. Russia, no. 20583/04, judgment of 8 January 2009, §86

⁴ Mikheyev v. Russia, no. 77617/01, judgment of 26 January 2006, §119

I. Нарушения при контроле за качеством расследования

1. Нарушения со стороны прокуратуры

Заявитель в деле *Барабанчиков против России* утверждал, что после задержания 7 августа 2001 года в Октябрьском районном отделе милиции г. Липецка к нему были применены пытки. Наличие телесных повреждений подтверждалось различными медицинскими документами. Помощник прокурора Октябрьского района (г. Липецк) 19 октября 2001 года вынесла постановление об отказе в возбуждении уголовного дела по фактам применения к заявителю насилия. Постановление было отменено вышестоящим прокурором. Постановлением от 7 декабря 2001 года та же сотрудница прокуратуры, которая принимала первое решение об отказе в возбуждении уголовного дела от 19 октября 2001 года, вновь приняла отказное постановление. ЕСПЧ счел нарушением тот факт, что проверка, призванная установить законность первого решения от 19 октября 2001 года, проводилась той же сотрудницей прокуратуры, которая его и вынесла.

В деле *Чембер против России*⁵, касающемся жестокого наказания заявителя в ходе военной службы, военный прокурор Каспийского флота отказался рассмотреть жалобу матери заявителя на отказ в возбуждении уголовного дела. Государство-ответчик указало, что суд общей юрисдикции рассмотрел иск о компенсации по существу (и отказал в нем), и поэтому ответ на жалобу матери не требовался.

ЕСПЧ указал, что отказ в рассмотрении жалобы был дан в нарушение российского законодательства. Суд также счел, что причины отказа были несостоятельными, поскольку суд общей юрисдикции, рассматривавший гражданский иск, опирался на постановление об отказе в возбуждении дела и не рассматривал его по существу. В результате, ни один из органов не пересматривал законность решения об отказе в возбуждении уголовного дела.

2. Нарушения со стороны судов, рассматривающих по существу уголовное дело лица, жалующегося на пытки

В описанном выше деле *Барабанчиков против России* заявитель обратился с жалобой в суды первой и кассационной инстанций на применение к нему пыток. Эти же суды рассматривали уголовное дело против него. Оба суда, основываясь на показаниях сотрудников милиции, причастных, по указанию

⁵ Chamber v. Russia, no. 8320/04, judgment of 19 June 2008, §64

заявителя, к пыткам, пришли к выводу о том, что факты применения насилия к заявителю не доказаны. ЕСПЧ отметил, что внутренние суды не рассмотрели медицинские доказательства, приняли во внимание только показания сотрудников милиции, и вообще в основном опирались на выводы прокуратуры, изложенные в постановлении об отказе в возбуждении уголовного дела от 7 декабря 2001 года.

Отказ судов, рассматривающих дело по существу, оценить медицинские документы, подтверждающие применение к заявителю насилия, и тот факт, что суды в основном опирались на версию прокуратуры, также были подчеркнуты ЕСПЧ в деле *Надросов против России*¹ (г. Ростов-на-Дону).

Кроме того, в этом деле Суд указал, что национальные суды не попытались установить и лично допросить очевидцев задержания, а также сотрудников милиции, задержавших заявителя. Это, по мнению ЕСПЧ, не позволило заявителю эффективно оспаривать версию обвинения. Таким образом, ЕСПЧ вменил суду, рассматривающему уголовное дело по существу, проверять качество расследования жалоб на пытки и, в случае неадекватности расследования, самостоятельно проверять жалобы на пытки, всякий раз, когда обоснованно ставится вопрос о получении доказательств при помощи пыток.

Ж. Неисполнение указаний вышестоящего прокурора и суда

В деле *Хадисов и Цечоев против России* (Ингушетия, Чечня), касающемся применения к заявителям пыток представителями федеральных сил, первый заместитель прокурора Ингушетии, отменяя постановление о прекращении уголовного дела, указал следователю допросить подполковника А. Ив., который мог сообщить о перемещении заявителей на военную базу в Ханкале. По всей видимости, этого не было сделано².

Аналогичные случаи неисполнения указаний вышестоящих прокуроров были подчеркнуты Судом в делах *Хашиев и Акаева против России*³, *Базоркина против России*⁴, *Эстамиров и другие против России*⁵, *Лулуев и другие против России*⁶,

*Байсаева против России*⁷, *Алихаджиева против России*⁸, *Магомадов и Магомадов против России*⁹, *Мусаев и другие против России*¹⁰, *Мусаева и другие против России*¹¹, *Тангиева против России*¹², *Зубайраев против России*¹³, *Хациева и другие против России*¹⁴, *Азиевы против России*¹⁵, *Уцаева и другие против России*¹⁶, *Руслан Умаров против России*¹⁷, *Ахмадова и Ахмадов против России*¹⁸, *Сагаев и другие против России*¹⁹, *Джамбекова и другие против России*²⁰, *Дангаева и Тарамова против России*²¹, *Трапезникова против России*²², *Ахмадова и другие против России*²³ (Чечня), *Менешева против России*²⁴ (г. Ростов-на-Дону), *Михеев против России*²⁵ (г. Нижний Новгород).

В делах *Сангариева и другие против России*²⁶, *Ахмадова и Ахмадов против России*²⁷, *Расаев и Чанкаева против России*²⁸, *Сагаев и другие против России*²⁹, *Джамбекова и другие против России*³⁰ следствие не исполняло указания судов.

⁷ Baysayeva v. Russia, no. 74237/01, judgment of 5 April 2007, §129

⁸ Alikhadzhiyeva v. Russia, no. 6800701, judgment of 5 July 2008, §72

⁹ Magomadov and Magomadov v. Russia, no. 68004/01, judgment of 12 July 2007, §106

¹⁰ Musayev and others v. Russia, nos. 57941/00, 58699/00 and 60403/00, judgment of 26 July 2007, §163

¹¹ Musayeva and others v. Russia, no. 74239/01, judgment of 26 July 2007, §93

¹² Tangiyeva v. Russia, no. 57935/00, judgment of 29 November 2007, §94

¹³ Zubayrayev v. Russia, no. 67797/01, judgment of 10 January 2008, §101

¹⁴ Khatsiyeva and others v. Russia, no. 5108/02, judgment of 17 January 2008, §149

¹⁵ Aziyevy v. Russia, no. 77626/01, judgment of 20 March 2008, §95

¹⁶ Utsayeva and others v. Russia, no. 29133/03, judgment of 29 May 2008, §181

¹⁷ Ruslan Umarov v. Russia, no. 12712/02, judgment of 3 July 2008, §108

¹⁸ Akhmadova and Akhmadov v. Russia, no. 20755/04, judgment of 25 September 2008, §81

¹⁹ Sagayev and others v. Russia, 4573/04, judgment of 26 February 2009, §116

²⁰ Dzhambekova and others v. Russia, nos. 27238/03 and 35078/04, judgment of 12 March 2009, §288

²¹ Dangayeva and Taramova v. Russia, no. 1896/04, judgment of 8 January 2009, §97

²² Trapeznikova v. Russia, no. 21539/02, judgment of 11 December 2008, §86

²³ Akhmadova and others v. Russia, no. 3026/03, judgment of 4 December 2008, §149

²⁴ Menesheva v. Russia, no. 59261/00, judgment of 9 March 2006, §70

²⁵ Mikheyev v. Russia, no. 77617/01, judgment of 26 January 2006, §114

²⁶ Sangariyeva and others v. Russia, no. 1839/04, judgment of 29 May 2008, §83

²⁷ Akhmadova and Akhmadov v. Russia, no. 20755/04, judgment of 25 September 2008, §81

²⁸ Rasayev and Chankayeva v. Russia, no. 38003/03, judgment of 2 October 2008, §§ 73, 75

²⁹ Sagayev and others v. Russia, 4573/04, judgment of 26 February 2009, §116

³⁰ Dzhambekova and others v. Russia, nos. 27238/03 and 35078/04, judgment of 12 March 2009, §288

¹ Nadrosov v. Russia, no. 9297/02, judgment of 31 July 2008, §45

² Khadisov and Tsechoyev v. Russia, no. 21519/02, judgment of 5 February 2009, § 119–120

³ Khashiyev and Akayeva v. Russia, nos. 57943/00 and 57945/00, judgment of 24 February 2005, §162

⁴ Bazorkina v. Russia, no. 69481/01, judgment of 25 July 2006, §123

⁵ Estamirov and others v. Russia, no. 60272/00, judgment of 12 October 2006, §93

⁶ Luluyev and others v. Russia, no. 69480/01, judgment of 9 November 2006, §99

IV. Участие потерпевшего в расследовании

A. Нарушения в связи с наделением статусом потерпевшего

Во многих делах ЕСПЧ констатировал проблемы, связанные со своевременным признанием потерпевшими тех, кто пострадал от преступлений. Так, в делах *Эстамиров и другие против России*¹, *Хациева и другие*², *Албеков и другие против России*³, *Тарариева против России*⁴, *Арзу Ахмадова и другие против России*⁵, некоторые из заявителей не были признаны потерпевшими. В деле *Имакаева против России*⁶ заявительница была признана потерпевшей с опозданием в более чем полтора года, но затем ее вовсе лишили статуса потерпевшей, когда производство по уголовному делу было прекращено. Опоздание в признании заявителей потерпевшими также имело место в делах *Лулуев и другие против России*⁷, *Битиева и Х. против России*⁸, *Алихаджиева против России*⁹, *Магомадов и Магомадов против России*¹⁰, *Мусаева и другие против России*¹¹, *Махаури против России*¹², *Гойгова против России*¹³, *Тангиева против России*¹⁴, *Зубайраев против России*¹⁵, *Азиевы против России*¹⁶, *Капланова против России*¹⁷, *Уцаева и другие против России*¹⁸, *Ибрагимов и другие против России*¹⁹, *Ата-*

*баева и другие против России*²⁰, *Ахиядова против России*²¹, *Льянова и Алиева против России*²², *Халидова и другие против России*²³, *Расаев и Чанкаева против России*²⁴, *Юсупова и Заурбеков против России*²⁵, *Магомед Мусаев и другие против России*²⁶, *Хаджалиев и другие против России*²⁷, *Магомадова и Исханова против России*²⁸, *Цурова и другие против России*²⁹, *Шаипова и другие против России*³⁰, *Идалова и Идалов против России*³¹, *Вагапова и Зубираев против России*³², *Халитова против России*³³, *Долсаев и другие против России*³⁴, *Заурбекова и Заурбекова против России*³⁵, *Абдулкадырова и другие против России*³⁶, *Насуханова и другие против России*³⁷, *Берсункаева против России*³⁸, *Мусиханова и другие против России*³⁹, *Межидов против России*⁴⁰, *Кукаев против России*⁴¹.

В деле *Ахмадов и другие против России*⁴² осталось неясным, была ли часть заявителей признана потерпевшими. В связи с этим ЕСПЧ при-

¹ Estamirov and others v. Russia, no. 60272/00, judgment of 12 October 2006, §94

² Khatsiyeva and others v. Russia, no. 5108/02, judgment of 17 January 2008, §148

³ Albekov and others v. Russia, no. 68216/01, judgment of 9 October 2008, §99

⁴ Tarariyeva v. Russia, no. 4353/03, judgment of 14 December 2006, §93

⁵ Arzu Akhmadova and others v. Russia, no. 13670/03, judgment of 8 January 2009, §197

⁶ Imakayeva v. Russia, no. 7615/02, judgment of 9 November 2006, §§ 133, 150

⁷ Luluyev and others v. Russia, no. 69480/01, judgment of 9 November 2006, §100

⁸ Bitiyeva and X. v. Russia, nos. 57953/00 and 37392/03, judgment of 21 June 2007, §148

⁹ Alikhadzhiyeva v. Russia, no. 68007/01, judgment of 5 July 2008, §69

¹⁰ Magomadov and Magomadov v. Russia, no. 68004/01, judgment of 12 July 2007, §109

¹¹ Musayeva and others v. Russia, no. 74239/01, judgment of 26 July 2007, §94

¹² Makhauri v. Russia, no. 58701/00, judgment of 4 October 2007, §111

¹³ Goygova v. Russia, no. 74240/01, judgment of 4 October 2007, §84

¹⁴ Tangiyeva v. Russia, no. 57935/00, judgment of 29 November 2007, §93

¹⁵ Zubayrayev v. Russia, no. 67797/01, judgment of 10 January 2008, §100

¹⁶ Aziyevy v. Russia, no. 77626/01, judgment of 20 March 2008, §94

¹⁷ Kaplanova v. Russia, no. 7653/02, judgment of 29 April 2008, §116

¹⁸ Utsayeva and others v. Russia, no. 29133/03, judgment of 29 May 2008, §180

¹⁹ Ibragimov and others v. Russia, no. 34561/03, judgment of 29 May 2008, §98

²⁰ Atabayeva and others v. Russia, no. 26064/02, judgment of 12 June 2008, §100

²¹ Akhiyadova v. Russia, no. 32059/02, judgment of 3 July 2008, §77

²² Lyanova and Aliyeva v. Russia, nos. 12713/02 and 28440/03, judgment of 2 October 2008, 107

²³ Khalidova and others v. Russia, no. 22877/04, judgment of 2 October 2008, §95

²⁴ Rasayev and Chankayeva v. Russia, no. 38003/03, judgment of 2 October 2008, §74

²⁵ Yusupova and Zaurbekov v. Russia, no. 22057/02, judgment of 9 October 2008, §64

²⁶ Magomed Musayev and others v. Russia, no. 8979/02, judgment of 23 October 2008, §102

²⁷ Khadzhiyev and others v. Russia, no. 3013/04, judgment of 6 November 2008, §106

²⁸ Magomadova and Iskhanova v. Russia, no. 33185/04, judgment of 6 November 2008, §97

²⁹ Tsurova and others v. Russia, no. 29958/04, judgment of 6 November 2008, §127

³⁰ Shaipova and others v. Russia, no. 10796/04, judgment of 6 November 2008, §100

³¹ Idalova and Idalov v. Russia, no. 41515/04, judgment of 5 February 2009, §112

³² Vagapova and Zubirayev v. Russia, no. 21080/05, judgment of 26 February 2009, §99

³³ Khalitova v. Russia, no. 39166/04, judgment of 5 March 2009, §68

³⁴ Dolsayev and others v. Russia, no. 10700/04, judgment of 22 January 2009, §109

³⁵ Zaurbekova and Zaurbekova v. Russia, no. 27183/03, judgment of 22 January 2009, §84

³⁶ Abdulkadyrova and others v. Russia, no. 27180/03, judgment of 8 January 2009, §134

³⁷ Nasukhanova and others v. Russia, no. 5285/04, judgment of 18 December 2008, §116

³⁸ Bersunkayeva v. Russia, no. 27233/03, judgment of 4 December 2008, §111

³⁹ Musikhanova and others v. Russia, no. 27243/03, judgment of 4 December 2008, §73

⁴⁰ Mezhidov v. Russia, no. 67326/01, judgment of 25 September 2008, §72

⁴¹ Kukayev v. Russia, no. 29361/02, judgment of 15 November 2007, §99

⁴² Akhmadov and others v. Russia, no. 21586/02, judgment of 14 November 2008, §115

знал, что был нарушен принцип доступа потерпевшего к расследованию, предположив, что если власти не проинформировали часть заявителей о признании их потерпевшими, то этого сделано не было.

В. Непредоставление потерпевшему возможности изложить свою версию событий

В деле *Надросов против России*¹ заявитель утверждал, что его избили после задержания 29 октября 2000 года в Пролетарском районном отделе милиции г. Ростов-на-Дону. Прокуратура Пролетарского района г. Ростов-на-Дону, рассмотрев жалобу матери заявителя, вынесла постановление об отказе в возбуждении уголовного дела 10 ноября 2000 года. ЕСПЧ признал нарушением то, что заявитель не был допрошен, и в постановлении об отказе в возбуждении уголовного дела даже не описана его версия событий.

В деле *Чембер против России*² ЕСПЧ, признав аналогичную ситуацию нарушением, добавил, что из-за отказа в возбуждении уголовного дела заявитель не мог получить формального статуса потерпевшего и, тем самым, воспользоваться процессуальными правами, которые предоставляются этим статусом.

Отказ допросить заявителей и отсутствие каких-либо указаний на их версии событий в документах прокуратуры также были признаны нарушением в делах *Дедовский и другие против России*³ и *Эстамиров и другие против России*⁴.

С. Отказ от участия в следственных действиях

В деле *Тарариева против России*⁵, касающемся смерти сына заявительницы в связи с отсутствием качественной медицинской помощи в заключении, заявительница ходатайствовала о постановке дополнительных вопросов эксперту, который оценивал качество помощи. Однако ее ходатайство было оставлено без ответа.

¹ Nadrosov v. Russia, no. 9297/02, judgment of 31 July 2008, §43–44

² Chamber v. Russia, no. 8320/04, judgment of 19 June 2008, §63

³ Dedovskiy and others v. Russia, no. 7178/03, judgment of 15 May 2008, §92

⁴ Estamirov and others v. Russia, no. 60272/00, judgment of 12 October 2006, §92

⁵ Tarariyeva v. Russia, no.4353/03, judgment of 14 December 2006, §93

D. Проблемы, связанные с информированием заявителя о ходе расследования и доступом к материалам уголовного дела

В деле *Менешева против России*⁶ (г. Ростов-на-Дону), касающемся применения к заявительнице пыток, были привлечены к дисциплинарной ответственности некоторые должностные лица. Однако заявительницу не уведомили, кто был привлечен к ответственности и по каким основаниям. В такой ситуации ЕСПЧ признал, что данные меры не могут расцениваться в стандартах эффективно расследования.

В деле *Хадисов и Цечоев против России*⁷ (Ингушетия, Чечня) ЕСПЧ рассматривал вопрос о доступе заявителей к расследованию в связи с возможностью обжаловать качество работы следственных органов и принимаемые ими решения. Суд отметил, что заявителей иногда уведомляли о приостановлении и возобновлении уголовного дела, но информация о значимых следственных действиях, проведенных по делу, им не предоставлялась. У заявителей не было доступа к материалам дела, в связи с чем, по мнению Суда, они не могли эффективно обжаловать действия или бездействие органов расследования.

Нарушение права на доступ к расследованию признавалось ЕСПЧ в случаях, когда заявители не получали копий постановлений об отказе в возбуждении дела / о прекращении производства по делу. Такие нарушения были констатированы в делах *Дедовский и другие против России* (Пермский край)⁸, *Читаев и Читаев против России* (Чечня)⁹, *Джамаева и другие против России*¹⁰ (Чечня) и *Тарариева против России*¹¹ (Республика Адыгея).

Отказ в доступе (или длительное непредоставление доступа) к материалам уголовного дела был отмечен Судом в делах *Читаев и Читаев против России* (Чечня)¹², *Кукаев против России*¹³, *Ха-*

⁶ Menesheva v. Russia, no. 59261/00, judgment of 9 March 2006, §68

⁷ Khadisov and Tsechoyev v. Russia, no. 21519/02, judgment of 5 February 2009, §122

⁸ Dedovskiy and others v. Russia, no. 7178/03, judgment of 15 May 2008, § 92

⁹ Chitayev and Chitayev v. Russia, no. 59334/00, judgment of 18 January 2007, §165

¹⁰ Dzhamayeva and others v. Russia, no. 43170/04, judgment of 8 January 2009, §102

¹¹ Tarariyeva v. Russia, no.4353/03, judgment of 14 December 2006, §94–95

¹² Chitayev and Chitayev v. Russia, no. 59334/00, judgment of 18 January 2007, §165

¹³ Kukayev v Russia, no. 29361/02, judgment of 15 November 2007, §93

циева и другие¹, Бетаев и Бетаева против России², Юсупова и Заурбеков против России³, Дольсаев и другие против России⁴, Заурбекова и Заурбекова против России⁵, Берсункаева против России⁶, Ахмадов и другие против России⁷. При этом ЕСПЧ не делает различия между отказом в доступе по прекращенным делам и по делам, расследование по которым продолжается или приостановлено.

ЕСПЧ также признавал нарушение Конвенции в ситуациях, когда заявителей не уведомляли о важных следственных и процессуальных действиях (в том числе о приостановлении и возобновлении расследования) в следующих делах: Хашиев и Акаева против России⁸, Базоркина против России⁹, Эстамиров и другие против России¹⁰, Байсаева против России¹¹, Битиева и Х. против России¹², Алихаджиева против России¹³, Магоматов и Магоматов против России¹⁴, Мусаев и другие против России¹⁵, Мусаева и другие против России¹⁶, Махаури против России¹⁷, Гойгова против России¹⁸, Хамила Исаева против России¹⁹, Кукаев против России²⁰, Зубайраев против России²¹, Хацие-

ва и другие²², Азиевы против России²³, Капланова против России²⁴, Уцаева и другие против России²⁵, Ибрагимов и другие против России²⁶, и Ахмадова и Садулаева против России²⁷, Сангариева и другие против России²⁸, Гехаева и другие против России²⁹, Бетаев и Бетаева³⁰, Атабаева и другие против России³¹, Эльмурзаев и другие против России³², Исигова и другие против России³³, Ахиядова против России³⁴, Мусаева против России³⁵, Руслан Умаров против России³⁶, Тахаева и другие против России³⁷, Ахмадова и Ахмадов против России³⁸, Льянова и Алиева против России³⁹, Халидова и другие против России⁴⁰, Расаев и Чанкаева против России⁴¹, Юсупова и Заурбеков против России⁴², Зулпа Ахматова и другие против России⁴³, Албеков и другие против России⁴⁴, Цурова и другие против России⁴⁵ Магомед Мусаев и другие против России⁴⁶,

¹ Khatsiyeva and others v. Russia, no. 5108/02, judgment of 17 January 2008, §148
² Betayev and Betayeva v. Russia, no. 37315/03, judgment of 29 May 2008, §89
³ Yusupova and Zaurbekov v. Russia, no. 22057/02, judgment of 9 October 2008, §64
⁴ Dolsayev and others v. Russia, no. 10700/04, judgment of 22 January 2009, §109
⁵ Zaurbekova and Zaurbekova v. Russia, no. 27183/03, judgment of 22 January 2009, §84
⁶ Bersunkayeva v. Russia, no. 27233/03, judgment of 4 December 2008, §111
⁷ Akhmadov and others v. Russia, no. 21586/02, judgment of 14 November 2008, §115
⁸ Khashiyev and Akayeva v. Russia, nos. 57943/00 and 57945/00, judgment of 24 February 2005, §164
⁹ Bazorkina v. Russia, no. 69481/01, judgment of 25 July 2006, §124
¹⁰ Estamirov and others v. Russia, no. 60272/00, judgment of 12 October 2006, §92
¹¹ Baysayeva v. Russia, no. 74237/01, judgment of 5 April 2007, §129
¹² Bitiyeva and X. v. Russia, nos. 57953/00 and 37392/03, judgment of 21 June 2007, §148
¹³ Alikhadzhiyeva v. Russia, no. 68007/01, judgment of 5 July 2008, §72
¹⁴ Magomadov and Magomadov v. Russia, no. 68004/01, judgment of 12 July 2007, §109
¹⁵ Musayev and others v. Russia, nos. 57941/00, 58699/00 and 60403/00, judgment of 26 July 2007, §163
¹⁶ Musayeva and others v. Russia, no. 74239/01, judgment of 26 July 2007, §94
¹⁷ Makhauri v. Russia, no. 58701/00, judgment of 4 October 2007, §111
¹⁸ Goygova v. Russia, no. 74240/01, judgment of 4 October 2007, §84
¹⁹ Khamila Isayeva v. Russia, no. 6846/02, judgment of 15 November 2007, §132
²⁰ Kukayev v. Russia, no. 29361/02, judgment of 15 November 2007, §99
²¹ Zubayrayev v. Russia, no. 67797/01, judgment of 10 January 2008, §98

²² Khatsiyeva and others v. Russia, no. 5108/02, judgment of 17 January 2008, §148
²³ Aziyevy v. Russia, no. 77626/01, judgment of 20 March 2008, §95
²⁴ Kaplanova v. Russia, no. 7653/02, judgment of 29 April 2008, §116
²⁵ Utsayeva and others v. Russia, no. 29133/03, judgment of 29 May 2008, §180
²⁶ Ibragimov and others v. Russia, no. 34561/03, judgment of 29 May 2008, §98
²⁷ Akhmadova and Sadulayeva v. Russia, no. 40464/02, judgment of 10 May 2007, §100
²⁸ Sangariyeva and others v. Russia, no. 1839/04, judgment of 29 May 2008, §82
²⁹ Gekhayeva and others v. Russia, no. 1755/04, judgment of 29 May 2008, §104
³⁰ Betayev and Betayeva v. Russia, no. 37315/03, judgment of 29 May 2008, §88
³¹ Atabayeva and others v. Russia, no. 26064/02, judgment of 12 June 2008, §100
³² Elmurzaev and others v. Russia, no. 3019/04, judgment of 12 June 2008, §109
³³ Isigova and others v. Russia, no. 6844/02, judgment of 26 June 2008, §110
³⁴ Akhiyadova v. Russia, no. 32059/02, judgment of 3 July 2008, §78
³⁵ Musayeva v. Russia, no. 12703/02, judgment of 3 July 2008, §114
³⁶ Ruslan Umarov v. Russia, no. 12712/02, judgment of 3 July 2008, §107
³⁷ Takhayeva and others v. Russia, no. 23286/04, judgment of 18 September 2008, §94
³⁸ Akhmadova and Akhmadov v. Russia, no. 20755/04, judgment of 25 September 2008, §79
³⁹ Lyanova and Aliyeva v. Russia, nos. 12713/02 and 28440/03, judgment of 2 October 2008, §107
⁴⁰ Khalidova and others v. Russia, no. 22877/04, judgment of 2 October 2008, §95
⁴¹ Rasayeva and Chankayeva v. Russia, no. 38003/03, judgment of 2 October 2008, §74
⁴² Yusupova and Zaurbekov v. Russia, no. 22057/02, judgment of 9 October 2008, §64
⁴³ Zulpa Akhmatova and others v. Russia, nos. 13569/02 and 13573/02, judgment of 9 October 2008, §106
⁴⁴ Albekov and others v. Russia, no. 68216/01, judgment of 9 October 2008, §99
⁴⁵ Tsurova and others v. Russia, no. 29958/04, judgment of 6 November 2008, §127
⁴⁶ Magomed Musayev and others v. Russia, no. 8979/02, judgment of 23 October 2008, §102

Хаджиалиев и другие против России¹, Магомадова и Исханова против России², Шаипова и другие против России³, Хайдаева и другие против России⁴, Идалова и Идалов против России⁵, Аюбов против России⁶, Мешаева и другие против России⁷, Сагаев и другие против России⁸, Бантаева и другие против России⁹, Астамирова и другие против России¹⁰, Вагапова и Зубираев против России¹¹, Халитова против России¹², Джамбекова и другие против России¹³, Эльсиевидругие против России¹⁴, Хадаева и другие против России¹⁵, Долсаев и другие против России¹⁶, Заурбекова и Заурбекова против России¹⁷, Абдурзакова и Абдурзаков против России¹⁸, Медова против России¹⁹, Закриева и другие против России²⁰, Абдулкадырова и другие против России²¹, Шахгириева и другие против России²², Дангаева и Тарамова против России²³, Джамаева и другие против

¹ Khadzhiyaliyev and others v. Russia, no. 3013/04, judgment of 6 November 2008, §106

² Magomadova and Iskhanova v. Russia, n o. 33185/04, judgment of 6 November 2008, §97

³ Shaipova and others v. Russia, no. 10796/04, judgment of 6 November 2008, §100

⁴ Khaydayeva and others v. Russia, no. 1848/04, judgment of 5 February 2009, §115

⁵ Idalova and Idalov v. Russia, no. 41515/04, judgment of 5 February 2009, §112

⁶ Ayubov v. Russia, no. 7654/02, judgment of 12 February 2009, §82

⁷ Meshayeva and others v. Russia, no. 27248/03, judgment of 12 February 2009, §117

⁸ Sagayev and others v. Russia, 4573/04, judgment of 26 February 2009, §115

⁹ Bantayeva and others v. Russia, no. 20727/04, judgment of 12 February 2009, §89

¹⁰ Astamirova and others v. Russia, no. 27256/03, judgment of 26 February 2009, §93

¹¹ Vagapova and Zubirayev v. Russia, no. 21080/05, judgment of 26 February 2009, §102

¹² Khalitova v. Russia, no. 39166/04, judgment of 5 March 2009, §68

¹³ Dzhambekova and others v. Russia, nos. 27238/03 and 35078/04, judgment of 12 March 2009, §§ 287, 295

¹⁴ Elsiyev and others v. Russia, no. 21816/03, judgment of 12 March 2009, §166

¹⁵ Khadayeva and others v. Russia, no. 5351/04, judgment of 12 March 2009, §142

¹⁶ Dolsayev and others v. Russia, no. 10700/04, judgment of 22 January 2009, §109

¹⁷ Zaurbekova and Zaurbekova v. Russia, no. 27183/03, judgment of 22 January 2009, §84

¹⁸ Abdubrzkakova and Abdurzakov v. Russia, no. 35080/04, judgment of 15 January 2009, §111

¹⁹ Medova v. Russia, no. 25385/04, judgment of 15 January 2009, §109

²⁰ Zakriyeva and others v. Russia, no. 20583/04, judgment of 8 January 2009, §87

²¹ Abdulkadyrova and others v. Russia, no. 27180/03, judgment of 8 January 2009, §137

²² Shakhgiryeva and others v. Russia, no. 27251/03, judgment of 8 January 2009, §§ 172, 179

²³ Dangayeva and Taramova v. Russia, no. 1896/04, judgment of 8 January 2009, §96

России²⁴, Насуханова и другие против России²⁵, Берсункаева против России²⁶, Ильясова и другие против России²⁷, Арзу Ахмадова и другие против России²⁸, Асхарова против России²⁹, Ахмадова и другие против России³⁰, Мусиханова и другие против России³¹, Гандалоева против России³², Тагирова и другие против России³³, Умаева против России³⁴, Ахмадов и другие против России³⁵. При этом ЕСПЧ не указывает, о каких конкретно следственных и процессуальных действиях должны были уведомлять заявителей, а лишь указывает на то, что у заявителей не было информации о ходе расследования.

V. Независимость расследования

В деле *Михеев против России*³⁶ ЕСПЧ признал, что были нарушены требования независимости расследования, в связи со следующими обстоятельствами.

Во время допроса 19 сентября 1998 года в Ленинском РУВД г. Нижнего Новгорода к заявителю были применены пытки. При допросе присутствовал, в том числе, заместитель областного прокурора, хотя он не был в кабинете, где пытки непосредственно применялись. Тем не менее, он не принял мер в связи с жалобами заявителя на обращение, запрещенное статьей 3 Европейской Конвенции. Кроме того, когда заявитель не признавался в преступлении, которое ему инкриминировали, заместитель областного прокурора передал Михеева тем же сотрудникам, которые его пытали. При

²⁴ Dzhamayeva and others v. Russia, no. 43170/04, judgment of 8 January 2009, §1002

²⁵ Nasukhanova and others v. Russia, no. 5285/04, judgment of 18 December 2008, § 116

²⁶ Bersunkayeva v. Russia, no. 27233/03, judgment of 4 December 2008, § 111

²⁷ Ilyasova and other v. Russia, no. 1895/04, judgment of 4 December 2008, § 77

²⁸ Arzu Akhmadova and others v. Russia, no. 13670/03, judgment of 8 January 2009, § 197

²⁹ Askharova v. Russia, no. 13566/02, judgment of 4 December 2008, § 85

³⁰ Akhmadova and others v. Russia, no. 3026/03, judgment of 4 December 2008, § 148

³¹ Musikhanova and others v. Russia, no. 27243/03, judgment of 4 December 2008, § 73

³² Gandaloyeva v. Russia, no. 14800/04, judgment of 4 December 2008, § 113

³³ Tagirova and others v. Russia, no. 20580/04, judgment of 4 December 2008, § 92

³⁴ Umayeva v. Russia, no. 1200/03, judgment of 4 December 2005, §94

³⁵ Akhmadov and others v. Russia, no. 21586/02, judgment of 14 November 2008, § 115

³⁶ Mikheyev v. Russia, no. 77617/01, judgment of 26 January 2006, §§ 115–116

этом расследование жалоб заявителя на пытки было позднее поручено прокуратуре Ленинского района г. Нижнего Новгорода, которая напрямую подчинялась областной прокуратуре, и прогресса в расследовании не было.

В ходе расследования жалоб заявителя на пытки прокуратура тесно сотрудничала с РУВД Ленинского района г. Нижнего Новгорода, в котором Михеев и был подвергнут пыткам. Одному из должностных лиц этого РУВД, предположительно пытавших заявителя, было поручено производство следственных действий по уголовному делу о пытках.

Список постановлений Европейского Суда по правам человека, вошедших в обзор

A

Abdubrzakova and Abdurzakov v. Russia, no. 35080/04, judgment of 15 January 2009

Abdulkadyrova and others v. Russia, no. 27180/03, judgment of 8 January 2009

Akhiyadova v. Russia, no. 32059/02, judgment of 3 July 2008

Akhmadov and others v. Russia, no. 21586/02, judgment of 14 November 2008

Akhmadova and Akhmadov v. Russia, no. 20755/04, judgment of 25 September 2008

Akhmadova and others v. Russia, no. 3026/03, judgment of 4 December 2008

Akhmadova and Sadulayeva v. Russia, no. 40464/02, judgment 10 May 2007

Albekov and others v. Russia, no. 68216/01, judgment of 9 October 2008

Alikhadzhiyeva v. Russia, no. 68007/01, judgment of 5 July 2008

Arzu Akhmadova and others v. Russia, no. 13670/03, judgment of 8 January 2009

Askharova v. Russia, no. 13566/02, judgment of 4 December 2008

Astamirova and others v. Russia, no. 27256/03, judgment of 26 February 2009

Atabayeva and others v. Russia, no. 26064/02, judgment of 12 June 2008

Ayubov v. Russia, no. 7654/02, judgment of 12 February 2009

Aziyevy v. Russia, no. 77626/01, judgment of 20 March 2008

B

Bantayeva and others v. Russia, no. 20727/04, judgment of 12 February 2009

Barabanshchikov v. Russia, no. 36220/02, judgment of 8 January 2009

Baysayeva v. Russia, no. 74237/01, judgment of 5 April 2007

Bazorkina v. Russia, no. 69481/01, judgment of 25 July 2006

Belousov v. Russia, no. 1748/02, judgment of 2 October 2008

Bersunkayeva v. Russia, no. 27233/03, judgment of 4 December 2008

Betayev and Betayeva v. Russia, no. 37315/03, judgment of 29 May 2008

Bitiyeva and X. v. Russia, nos. 57953/00 and 37392/03, judgment of 21 June 2007

C

Chember v. Russia, no. 8320/04, judgment of 19 June 2008

Chitayev and Chitayev v. Russia, no. 59334/00, judgment of 18 January 2007

D

Dangayeva and Taramova v. Russia, no. 1896/04, judgment of 8 January 2009

Dedovskiy and others v. Russia, no. 7178/03, judgment of 15 May 2008

Dolsayev and others v. Russia, no. 10700/04, judgment of 22 January 2009

Dzhamayeva and others v. Russia, no. 43170/04, judgment of 8 January 2009

Dzhambekova and others v. Russia, nos. 27238/03 and 35078/04, judgment of 12 March 2009

E

Elmurzayev and others v. Russia, no. 3019/04, judgment of 12 June 2008

Elsiyev and others v. Russia, no. 21816/03, judgment of 12 March 2009

Estamirov and others v. Russia, no. 60272/00, judgment of 12 October 2006

G

Gandaloyeva v. Russia, no. 14800/04, judgment of 4 December 2008

Gekhayeva and others v. Russia, no. 1755/04, judgment of 29 May 2008

Goncharuk v. Russia, no. 58643/00, judgment of 4 October 2007

Goygova v. Russia, no. 74240/01, judgment of 4 October 2007

I

Ibragimov and others v. Russia, no. 34561/03, judgment of 29 May 2008

Idalova and Idalov v. Russia, no. 41515/04, judgment of 5 February 2009

Ilyasova and other v. Russia, no. 1895/04, judgment of 4 December 2008

Imakayeva v. Russia, no. 7615/02, judgment of 9 November 2006

Isayeva v. Russia, no. 57950/00, judgment of 24 February 2005

Isayeva, Yusupova and Bazayeva v. Russia, nos. 57947/00, 57948/00 and 57949/00, judgment of 24 February 2005

Isigova and others v. Russia, no. 6844/02, judgment of 26 June 2008

K

Kaplanova v. Russia, no. 7653/02, judgment of 29 April 2008

Khadayeva and others v. Russia, no. 5351/04, judgment of 12 March 2009

Khadisov and Tsechoyev v. Russia, no. 21519/02, judgment of 5 February 2009

Khadzhaliyev and others v. Russia, no. 3013/04, judgment of 6 November 2008

Khalidova and others v. Russia, no. 22877/04, judgment of 2 October 2008

Khalitova v. Russia, no. 39166/04, judgment of 5 March 2009

Khamila Isayeva v. Russia, no. 6846/02, judgment of 15 November 2007

Khashiyev and Akayeva v. Russia, nos. 57943/00 and 57945/00, judgment of 24 February 2005

Khatsiyeva and others v. Russia, no. 5108/02, judgment of 17 January 2008

Khaydayeva and others v. Russia, no. 1848/04, judgment of 5 February 2009

Kukayev v. Russia, no. 29361/02, judgment of 15 November 2007

L

Luluyev and others v. Russia, no. 69480/01, judgment of 9 November 2006

Lyanova and Alameda v. Russia, nos. 12713/02 and 28440/03, judgment of 2 October 2008

M

Magomadov and Magomadov v. Russia, no. 68004/01, judgment of 12 July 2007

Magomadova and Iskhanova v. Russia, no. 33185/04, judgment of 6 November 2008

Magomed Musayev and others v. Russia, no. 8979/02, judgment of 23 October 2008

Makhauri v. Russia, no. 58701/00, judgment of 4 October 2007

Maslova and Nalbandov v. Russia, no. 839/02, judgment of 24 January 2008

Medov v. Russia, no. 1573/02, judgment of 8 November 2007

Medova v. Russia, no. 25385/04, judgment of 15 January 2009

Menesheva v. Russia, no. 59261/00, judgment of 9 March 2006

Meshayeva and others v. Russia, no. 27248/03, judgment of 12 February 2009

Mezhidov v. Russia, no. 67326/01, judgment of 25 September 2008

Mikheyev v. Russia, no. 77617/01, judgment of 26 January 2006

Musayev and others v. Russia, nos. 57941/00, 58699/00 and 60403/00, judgment of 26 July 2007

Musayeva and others v. Russia, no. 74239/01, judgment of 26 July 2007

Musayeva v. Russia, no. 12703/02, judgment of 3 July 2008

Musikhanova and others v. Russia, no. 27243/03, judgment of 4 December 2008

N

Nadrosov v. Russia, no. 9297/02, judgment of 31 July 2008

Nasukhanova and others v. Russia, no. 5285/04, judgment of 18 December 2008

O

Oleg Nikitin v. Russia, no. 36410/02, judgment of 9 October 2008

P

Polonskiy v. Russia, no. 30033/05, judgment of 19 March 2009

R

Rasayev and Chankayeva v. Russia, no. 38003/03, judgment of 2 October 2008

Ruslan Umarov v. Russia, no. 12712/02, judgment of 3 July 2008

S

Sagayev and others v. Russia, 4573/04, judgment of 26 February 2009

Sambiyev and Pokayeva v. Russia, no. 38693/04, judgment of 22 January 2009

Samoylov v. Russia, no. 64398/01, judgment of 2 October 2008

Sangariyeva and others v. Russia, no. 1839/04, judgment of 29 May 2008

Shaipova and others v. Russia, no. 10796/04, judgment of 6 November 2008

Shakhgiriyeva and others v. Russia, no. 27251/03, judgment of 8 January 2009

T

Tagirova and others v. Russia, no. 20580/04, judgment of 4 December 2008

Takhayeva and others v. Russia, no. 23286/04, judgment of 18 September 2008

Tangiyeva v. Russia, no. 57935/00, judgment of 29 November 2007

Tarariyeva v. Russia, no.4353/03, judgment of 14 December 2006

Trapeznikova v. Russia, no. 21539/02, judgment of 11 December 2008

Turova and others v. Russia, no. 29958/04, judgment of 6 November 2008

U

Umayeva v. Russia, no. 1200/03, judgment of 4 December 2005

Utsayeva and others v. Russia, no. 29133/03, judgment of 29 May 2008

V

Vagapova and Zubirayev v. Russia, no. 21080/05, judgment of 26 February 2009

Vladimir Romanov v. Russia, no. 41461/02, judgment of 24 July 2008

Y

Yusupova and Zaurbekov v. Russia, no. 22057/02, judgment of 9 October 2008

Z

Zakriyeva and others v. Russia, no. 20583/04, judgment of 5 January 2009

Zaurbekova and Zaurbekova v. Russia, no. 27183/03, judgment of 22 January 2009

Zubayrayev v. Russia, no. 67797/01, judgment of 10 January 2008

Zulpa Akhmatova and others v. Russia, nos. 13569/02 and 13573/02, judgment of 9 October 2008

Практики суррогатных оправдательных приговоров

(судебный контроль за качеством следствия: суррогатные оправдательные приговоры и иные формы судебного реагирования)

Асмик Новикова, социолог, руководитель исследовательских программ Фонда «Общественный вердикт»

Текст написан на материалах нескольких исследований, проведенных с участием или под руководством автора в течение 2006–2012 годов. Это массовые опросы населения 2006–2009 годов, а также социологические исследования (кейс-стадиэ), изучающие доступ граждан к правовой помощи (2010–2012) и практики следственной работы (2010–2012).

Судебное разбирательство — две логики понимания

Обыватель воспринимает суд как инстанцию, в которой пусть при слабой надежде, но есть шанс добиться справедливости. Это утверждение мо-

жет показаться даже наивным, игнорирующим общее мнение о зависимости судов и их равнодушии к людям. Но оно основано на данных массовых опросов, которые проводят социологические центры в России, а также на результатах собственных наших исследований.

Надежда на суд произрастает, как представляется, из парадоксального сочетания причин. С одной стороны, люди стараются суд избегать, усматривая в суде наиболее нежелательный способ решения своих конфликтов, когда исчерпаны другие возможности. То есть суд — это вариант эскалации конфликта при отсутствии альтернатив его решения. С другой стороны, суд — это государственная власть, и какая бы она не была, обычному человеку в России свойственно искать защиту у госу-

¹ Исследование «Доступ граждан к правовой помощи». Комплексное социологическое исследование, опирающееся на качественные и количественные методы изучения. Исследование проводилось Институтом «Право общественных интересов» (PILnet) в двух регионах России.

² Исследование «Практики следственной работы: внедрение стандартов эффективного расследования» — инициировано Фондом «Общественный вердикт» и проводилось в трех российских регионах. Исследование построено на качественных методах изучения.

дарства. Человек рассчитывает, что сильное государство разберется в его частной проблеме. При нежелательности обращения в суд, судебное вмешательство расценивается как авторитетный способ решить проблему.

Уверенности таким ожиданиям придает публичность работы судов и личное участие человека в процессе. Это очень сильно отличает суд от других государственных органов — судебный процесс происходит открыто, при свидетелях, и человек рассчитывает на то, что вранье в публичном пространстве по меньшей мере затруднительнее, чем оно же во время разбирательства правоохранительных или других государственных органов, по общему правилу проводимое без участия человека и в закрытом ведомственном режиме, — то есть таком, когда у человека практически нет возможности повлиять на то, как работают с его обращением.

Сказанное справедливо для обычных людей с их частными проблемами, которые не имеют опыта обращения в суд. Те же, кто с судами сталкивался, весьма критичны, но их критика конкретна и, как правило, направлена на обезличенный бюрократизм судебного процесса.

Идеализации судов основаны на идее, что суд — это институт достижения социальной справедливости, то место, где пытаются разобраться в проблеме. Но в реальности оказывается, что судебный процесс оперирует другим понятием справедливости. В судебной практике справедливость — это следование предписанным процедурам, которые основаны на законе и подкреплены документами. Разбирательство в суде, исследование доказательств по делу включает опрос свидетелей, но в большей мере,

суд работает не с реальностью и проблемой человека, а с тем, как она отображена в документах каждого дела. И это, как правило, быстро опровергает иллюзии граждан, особенно, в ходе уголовных процессов.

Уголовный процесс — процессуальная формализация реальности

Уголовный процесс — предельно формализованная процедура привлечения к ответственности и доказывания вины. Рассматривая уголовные дела, суд выясняет, насколько были соблюдены процессуальные требования, каждое ли действие следователя соответствует процедуре, каким образом процессуально закреплены доказательства и пр.. При этом

наличие подтверждения, что процедура имела место, и отсутствие обжалований понимаются как соответствие процедуры требуемому качеству.

Самый простой пример, — требование уголовного закона о необходимости разъяснить права подсудимому. Во время судебного разбирательства суд ищет соответствующую бумагу в уголовном деле, в которой фиксируется, что права разъяснены и стоит подпись человека. Наличие такой бумаги в деле ставит точку в вопросе о том, как на самом деле эти права разъяснялись, были ли они понятны человеку, особенно последствия от использования этих прав.

Формализация уголовного процесса служит гарантией соблюдения прав, обязательные процедуры призваны защитить человека от произвола властей. Но практика судебного рассмотрения дел, которая сложилась, переводит реальное содержание дела в то, которое оформлено в уголовном деле. Проверая полноту «пакета документов», законность вынесенных решений, обоснованность и допустимость доказательств, по сути,

суд не разбирает реальное существо дела, а контролирует качество следственной работы и соблюдение правил уголовного процесса.

Человек как бы выпадает из происходящего. Преимущественное значение имеют документально подтвержденные обстоятельства дела. По идее это разумные гарантии «объективности» правосудия, но в практике судебного разбирательства эти гарантии становятся содержанием процесса, а не его оформлением. В качестве иллюстрации приведем случай с рассмотрением в суде жалоб о применении пыток.

Уголовное законодательство позволяет человеку обжаловать действия должностных лиц, например, отказы в возбуждении уголовного дела. Человек привлекается к уголовной ответственности за совершение грабежа. В ходе расследования преступления к нему применяются недозволённые методы. Человек жалуется в Следственный комитет на применение пыток и просит возбудить уголовное дело в отношении тех сотрудников, которые их применили. Следственный комитет проводит проверку по обращению гражданина, по результатам проверки отказывает в возбуждении дела. Во время судебного разбирательства по делу о грабеже, суд оценивает допустимость доказательств — то есть решает в том числе вопрос, были бы доказательства получены с помощью недозволённых методов. Во время суда человек заявляет, что

его пытали. Суд обращается к материалам дела и исследует документы: заявление гражданина, постановление Следственного комитета об отказе в возбуждении дела. Далее суд принимает решение — вы жаловались на применение пыток, ваше обращение было принято, Следственный комитет провел проверку, факты не подтвердились. На этом разбирательство по поводу того, применялись пытки к человеку или нет, заканчивается.

Этот пример показывает, что качество проверки, которая была проведена Следственным комитетом, не ставится под сомнение. Суд не будет этого делать, т.к. полагает, что если человек не оспаривал результаты проверки, значит, его удовлетворило ее качество и он согласен с решением Следственного комитета. Заявление человека в суде, что пытки все-таки применялись, в данном случае не побудило суд провести собственное разбирательство.

Понимание эффективности расследования

Хорошо расследованное дело — это дело, в котором соблюдены все процессуальные права, расследование соответствует критериям полноты, всесторонности и объективности, а решения вынесены уполномоченными на то лицами. Если представленный пакет документов соответствует этим критериям и оформляет некое событие как преступление, то с высокой вероятностью дело будет признано доказанным, а человек будет приговорен к наказанию.

Судьи жалуются, что нередко в делах, передаваемых следователями, имеются неточности, недостатки доказательств, противоречивость выводов. Тем не менее, они склонны объяснять это непрофессионализмом следователей, и не ставят под сомнение виновность человека. Кроме того, судьи отмечают шаблонность в расследовании определенных типов дел. Проблема им видится в том, что следователи придерживаются отработанной схемы расследования и не стремятся к тщательности¹. Хотя судьи понимают это, судебный контроль не срабатывает на повышение качества следствия.

Основным критерием качества работы следователей является устойчивость дела при рассмотрении в суде. Говоря проще, дело не должно развалиться в суде. Поэтому работа следователей

выстраивается для достижения этой цели — «судебной перспективы». В интервью следователи, рассуждая о техниках расследования и доказывания, говорили о том, что они делают так, чтобы это «прошло в суде».

Фактически, следователи на практике оперируют теми же категориями, исходя из которых суд оценивает доказанность преступления и вины человека.

Опытные следователи указывали, что раньше подтверждением высшей квалификации следователя была его способность доказать преступление на основе косвенных свидетельских показаний. То есть следователь выстраивал линию доказательства, анализируя свидетельские показания и интерпретируя таким образом событие. Сейчас таких дел практически нет. Во-первых, фактически исчезли профессиональные следователи, а вместе с ними соответствующая практика следственной работы. Во-вторых,

правоприменение подчинено идеи соблюдения «конституционных прав», гарантией которых является наличие объективирующих документов.

Например, если говорить о пытках, — медицинских документов, подтверждающих причинение травм в конкретный промежуток времени и, соответственно, документ, подтверждающий, что в этот промежуток времени человек находился в отделе полиции. Доказать факт пыток иначе очень сложно. Если нет этих, убедительных для суда и следствия документов, то правоприменители выражают опасения, что привлечение к уголовной ответственности нарушит конституционные права сотрудника полиции, а любые сомнения в виновности должны трактоваться в его пользу. Иначе нарушается принцип презумпции невиновности.

Задача обеспечить конституционные права выражается на практике в стремлении надежно оформить дело, закрепив доказательства официальными документами, в ущерб качеству анализа собранной следствием информации. Требуются очевидные и «объективные» документы. Это институционализировало судебную практику оценки документов и их валидности, а не разбирательства в существе дела.

Система управления и оценки следствия

Если дело, переданное в суд, закончится оправдательным вердиктом суда, то это повлечет серьез-

¹ Об отношении судей к работе следователей подробнее см.: Ольга Шепелева. Социальная изоляция судей и формирование профессиональных стереотипов.

ные санкции в отношении следователей. Действующая система оценки качества работы следователей исходит из того, что оправдательный вердикт — доказательство некачественности следователя. Это достаточно простая логика — следователь некомпетентен, так как он привлек к уголовной ответственности невиновного человека. И продолжение этой логики — следователь не имеет права на ошибку, так как такая ошибка означает нарушение конституционных прав граждан.

За таким подходом к оценке работе следователя стоит идея, что

социальная реальность в каждом случае может быть безошибочно репрезентирована в официальных документах,

и если следователь не смог оформить дело таким образом, значит, он плохо искал эти документы или этих документов не существует. Последнее приравнивается к констатации того, что само преступление отсутствовало или не стоило возбуждать дело при таких обстоятельствах. Соответственно, следователь совершил ошибку, возбудив дело при отсутствии таких документов.

На самом деле, репрезентация может выражаться в каких угодно формах и разного типа документах, но это не отвечает действующим на практике критериям надежности документов. Хотя де-юре закон не запрещает в полной мере использовать «уличковый»¹ метод.

Задача обеспечить обвинительный приговор сформировала практику следственной работы таким образом, что

реальное расследования проводится до того, как уголовное дело будет возбуждено. А само дело возбуждается при условии уверенности в его будущей доказанности в суде.

Следователь должен убедиться, что он будет застрахован от ошибки, в том ее понимании, о котором сказано выше.

В соответствии с уголовным процессом цепочка действий следователей после получения заявления о преступлении должна быть следующей: регистрация заявления, проведение проверки, возбуждение уголовного дела, следствие по делу, передача дела в суд через прокуратуру.

Как уже было сказано выше, вся работа по выяснению обстоятельств дела и поиску доказательств фактически осуществляется на стадии

проверки. Если по результатам проверки у следователя формируется необходимый пакет документов, а точнее аналогов будущих процессуальных документов, то следователь принимает решение о возбуждении уголовного дела. Когда дело возбуждено, то следователю остается процессуально закрепить доказательства. То есть осуществить

«тюнинг» информации, полученной на стадии проверки, — она переводится в формат, требуемый для материалов уголовного дела и приемлемых для судебного разбирательства.

Сложившаяся практика расследования дел на стадии проверки создала аналоги процессуальных действий, которые по закону возможны только на стадии уголовного дела. Например, допрос, который может быть проведен только в рамках уголовного дела, заменяется на опрос. Экспертиза — на исследование, очная ставка — на перекрестный опрос и т. д.

Следователи работают в рамках, созданных системой управления и оценки, и порождают схемы и практики рационализации своей работы. Они не могут рисковать и возбуждают дела тогда, когда реальная работа по их расследованию проведена на стадии проверки.

Официальное расследование нацелено не на выяснение всех обстоятельств дела, а на процессуальное оформление того, что удалось выяснить на стадии проверки.

Но какие бы аналоги официальным процедурам не придумывали следователи на практике, возможности, которые есть по расследованию в рамках уголовного дела, больше, чем на стадии проверки. Кроме того, возбужденное дело присваивает всем участникам процесса официальные статусы, гарантирующие «правила игры». Тем не менее, риски не довести дело до обвинения и быть за это наказанным перевешивают преимущества официального расследования уголовного дела.

Подмена расследования проверкой, устойчивость этой практики, приводит к двум основным последствиям:

снижение качества работы следователей; возбуждение и доведение до суда дел, которые по оценкам следователей, должны окончиться обвинительным приговором.

Последнее обстоятельство напрямую связано с судебной практикой вынесения оправдательных вердиктов. Суды получают дела, выверенные с точки зрения правил уголовного процесса. Сле-

¹ Об уличковом методе см.: Карло Гинзбург. Приметы (Уличковая парадигма и ее корни) / Мифы — эмблемы — приметы: Морфология и история. Сборник статей / Пер. с ит. и после словие С.Л. Козлова. — М.: Новое издательство, 2004. — 348 с.

дователи и прокуратура (которая представляет обвинение в суде) доводят материалы дела до такого уровня, которое с их точки зрения обеспечит проходимость дела в суде.

События, которое получили оценку как преступления, созданы бумажным оформлением. В определенном смысле, они безупречны — событие преступления доказано, виновность установлена, мотивация представлена. Сейчас мы не касаемся качества этой работы, важно то, что все необходимые действия совершены и подкреплены требуемыми документами. Суды, получая таким образом оформленное дело, имеют мало возможности вынести оправдательный вердикт, — им не за что зацепиться.

Судьи именно так и объясняют мизерное число оправдательных приговоров. Оправданий мало, потому что следователи работают качественно. Сомнительные дела, где нет всего пакета документов или доказательства неубедительны, фильтруются самими следователями и прокурорами и, как правило, не доходят до суда.

Такая идеология в сочетании с презумпцией качества работы следователя и прокурора приводит к множеству проблем, в частности к тому, что

в рамках уголовного судопроизводства судьи не распознают ситуации, когда к задержанным применялись пытки или использовался метод провокации.

Ведь документы говорят обратное, а тот факт, что эти документы могут быть, например, сфальсифицированы, не влияет на практику рассмотрения дел.

Сбои

Налаженный механизм уголовного судопроизводства, в котором суды, по большей части, играют роль контроля качества работы следователя, дает сбои. Одна из причин в уже указанной шаблонности работы следователей. Любая схема стремится к тому, чтобы становится проще. В случае уголовных дел это приводит к тому, что дела расследуются с минимально допустимым объемом усилий следователя, тщательность как стандарт работы не вписывается в схему, особенно если учитывать установленные процессуальные сроки. В результате дела содержат неясности, «непонятные места», но в таком виде их система «следователи — прокуроры» доводит до суда.

В суд попадает некачественно расследованное дело, но формально удовлетворяющее основным признакам.

Понижение качества работы следователя сказывается на том, в каком виде материалы дела попадают в суды. В случае серьезных ошибок и недоработок, нестыковок доказательств или когда преступление не доказано, суды могут де-факто «закрыть» дело.

Практика фактического закрытия дел может помочь оценить реальное число оправдательных приговоров.

Еще одной причиной, которая вынуждает суд «закрыть» дело и освободить человека от лишения свободы, — это если в рамках судебного разбирательства вскрываются новые факты, опровергающие выверенную версию следствия. Обычно это случается при наличии опытного защитника. Он использует стратегию переноса на стадию суда «неучтенных» доказательств. В качестве примера, показательно дело Михаила Стукалова, которое ведет Фонд «Общественный вердикт».

Защитники нашли доказательство того, что свидетели обвинения дают ложные показания. Это доказательно они не стали передавать следствию, а приберегли его для суда. В суде доказательство было предъявлено, и оно опровергло всю версию следствия. Суд был вынужден «отпустить» Стукалова, приговорив его к штрафу, а не к реальному лишению свободы.

Необходимо сказать, что судьи работают с интерпретацией события, которая отражена в материалах уголовного дела. При этом судьи в процессе разбирательства привносят и свою интерпретацию. То, как судьи оценивают представленные доказательства, каковы типичные модели поведения судьи при изучении материалов дела, что и как влияет на оценки судьи — тема, которая требует отдельного изучения.

Суррогаты оправдательных приговоров

Как сказано выше, суды получают дела, соответствующие формальным критериям уголовного процесса. Качество следствия при этом достаточно низкое. Но в деле присутствуют процессуально оформленные документы, которые суд не может игнорировать. То есть это ситуация, когда документально дело соответствует требованиям, представлены доказательства,

но разрыв между реальностью и ее репрезентацией в материалах дела таков, что он распознается судьями.

Можно выделить несколько типов суррогатных оправдательных приговоров.

Первый тип, когда суд приговаривает человека к сроку, уже фактически совпадающему с периодом его нахождения под стражей. Суду очевидно, что человек либо невиновен, либо его вина несоизмерима предъявленному обвинению, либо состав преступления ошибочен. Могут быть и другие причины, важно, что суд де-факто не готов приговаривать в реальному сроку.

Дело двух таджиков. Ш., мигрант из Таджикистана, занимался частным извозом. У него был друг Д., который также зарабатывал извозом. Машину они купили вместе и работали на ней по очереди. В ночь, когда работал Д., он подвозил группу молодых людей, которые в конце поездки отказались платить и стали угрожать Д. в том числе переходя на личности и его этническое происхождение. Д. защищаясь и желая получить деньги за поездку, достал перочинный нож и сказал, что не позволит так с ним обойтись. Деньги Д. были заплачены, но на следующий день молодые люди пожаловались в полицию. Полиция, подозревая в разбое, задержала не Д., а Ш., выйдя на него по номеру машины.

Сам Ш. свою причастность к совершению преступления отрицал, утверждал, что потерпевших ранее никогда не видел. В ходе расследования уголовного дела Д. самостоятельно пришел в полицию и подтвердил, что инцидент был, и молодых людей подвозил он. На следствии были допущены тактические ошибки, которые ставили под сомнение достоверность опознания Ш. потерпевшими. Образовывалась неопределенность, кто именно — Д. или Ш. — совершил преступление (если вообще его совершил, что также под вопросом). Но следователей это не интересовало, — они завершили дело в отношении Ш. и передали дело в суд. В настоящее время Ш. осужден, однако квалификация изменена с ч. 2 ст. 162 УК РФ (тяжкое преступление, макс. наказание — 10 лет лишения свободы) на ч. 2 ст. 330 УК РФ (средняя тяжесть, до пяти лет), и назначено наказание, незначительно превышающее уже фактически отбытый под стражей срок. Мера наказания устроила Ш., и приговор не обжаловался.

Второй тип суррогатных приговоров — назначение минимально возможного размера наказания.

Пример фабрикации дела. Михаил Стукалов с друзьями отдыхали в ночном клубе. Рано утром, выходя из клуба, они увидели, как два милиционера избивают неизвестного молодого человека — автоматными прикладами по телу.

Друг Михаила решил за неизвестного вступить, после чего был скручен сам. За него вступился уже сам Михаил, которого также с применением силы задержали, обоих отвезли в отдел полиции. Михаила обвинили в том, что он избил милиционера. Из содержания обвинительного заключения следовало, что Стукалов неожиданно напал на милиционера, повалил на землю и бил головой об асфальт. При этом «нецензурно выражался, утверждая, что вступал в отношения сексуального характера с полицейскими, имея в виду не конкретного потерпевшего, а всю полицию Российской Федерации в целом». Стукалову грозил срок до 10 лет, но ему удалось найти запись этого случая. Во время суда запись была показана, что опровергло версию следствия и показания милиционеров. На записи об асфальт бьет Михаила несколько полицейских. Суд изменил обвинение и приговорил Михаила к штрафу. В кассации суд убрал из приговора «активное сопротивление и захваты потерпевшего за различные части тела» и оставил «ругательства в устной форме» и сохранил штраф.

Третий тип, один из наиболее распространенных, — возврат дела прокурору для того, чтобы прокуратура по любому основанию прекратила дело сама. Если раньше суды возвращали на дознание, то теперь это запрещено. Но суды могут, зацепившись за любой формальный недочет, вернуть дело прокурору «для устранения недостатков». Как правило, при таком развитии событий дело больше не оказывается в суде.

Суды могли бы оправдывать людей де-юре, но предпочитают использовать суррогаты. Оправдательный вердикт — это не только санкции в отношении всей цепочки правоохранителей, которые работали над делом, но и публичное признание провала государственной машины уголовного преследования. Кроме того, судьям тяжело поверить в непрофессионализм следователей и прокуроров и их корысть, ведь они уполномочены работать в публичных интересах. Оправдывать мешает не только формальные ограничения, связанные с «упаковкой дела» следователями и прокурорами перед судебным разбирательством, но профессиональные стереотипы судей, а также причины, связанные с корпоративной культурой. Для нас важно, что

вынесение суррогатных приговоров — механизм рационализации судебной практики, возникший в контексте слабого следствия (которое системой оценки и управления ориентировано только на обвинение) и поддерживаемый профессиональными стереотипами судей.

Меморандум «Исполнение постановлений ЕСПЧ по вопросу эффективности расследования жалоб на пытки и жестокое обращение со стороны сотрудников милиции»

Анализ проблемы и рекомендации российских правозащитных НПО (в соответствии с Правилом 9 Регламента Комитета министров Совета Европы о порядке надзора за исполнением постановлений Европейского Суда по правам человека и условий мировых соглашений)

Введение

1. Настоящий меморандум подготовлен группой российских правозащитных НПО, занимающихся правовой защитой лиц, пострадавших от пыток и иных нарушений прав и свобод со стороны сотрудников правоохранительных органов. В подготовке меморандума приняли участие: Красноярский комитет по защите прав человека, Коми правозащитная комиссия «Мемориал», Межрегиональная общественная организация «Комитет против пыток» (Нижний Новгород), Региональная общественная организация «Союз «Женщины Дона»» (Ростов-на-Дону), Региональная общественная организация «Человек и закон» (Йошкар-Ола), Фонд «Общественный вердикт» (Москва), Центр гражданского образования и прав человека (Пермь).
2. Меморандум излагает соображения относительно мер общего характера, которые должны быть приняты государством-ответчиком для исполнения постановлений Европейского Суда по правам человека (далее — Суд) по делам:

Akulinin and Babich v. Russia, № 5742/02 от 2 октября 2008 (Акулинин и Бабич против России); Antipenkov v. Russia, № 33470/03 от 15 октября 2009 (Антипенков против России); Antropov v. Russia, № 22107/03 от 29 января 2009 (Антропов против России); Barabanshchikov v. Russia, № 36220/02 от 8 января 2009 (Барабаншичиков против России); Belousov v. Russia, № 1748/02 от 2 октября 2008 (Белоусов против России); Vladimir Fedorov v. Russia, № 19223/04 от 30 июля 2009 (Владимир Федоров против России); Gladyshev v. Russia, № 2807/04 от 30 июля 2009 (Гладышев против России); Denisenko and Bogdanchikov v. Russia, № 3811/02 от 12 февраля 2009 года (Денисенко и Богданчиков против России); Maslova and Nalbandov v. Russia, № 839/02 от 24 января 2008 (Маслова и Налбандов против России); Menesheva v. Russia, № 59261/00 от 9 марта 2006 (Менешева против России); Mikheyev v. Russia, № 77617/01 от 26 января 2006 (Михеев против России); Nadrosov v. Russia, № 9297/02 от 31 июля 2008 (Надросов против Рос-

сиу); *Oleg Nikitin v. Russia*, № 36410/02 от 6 сентября 2008 (*Олег Никитин против России*); *Polonskiy v. Russia*, № 30033/05 от 19 марта 2009 (*Полонский против России*); *Samoylov v. Russia*, № 64398/01 от 2 октября 2008 (*Самойлов против России*); *Toporkov v. Russia*, № 66688/01 от 1 октября 2009 (*Топорков против России*).

3. Все вышеперечисленные дела касаются отсутствия эффективного расследования жалоб заявителей на пытки и жестокое обращение, примененные к ним сотрудниками милиции. Во всех этих делах Суд установил нарушение статьи 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — Конвенция) в ее процессуальном аспекте.
4. Некоторые вопросы, связанные с проблемой эффективного расследования, были рассмотрены в информационных документах Комитета Министров, касающихся нарушений Конвенции на территории Чеченской Республики¹. Настоящий меморандум подготовлен с целью дополнить анализ, данный в указанных информационных документах. В частности, в меморандуме рассматриваются такие вопросы как:
  - факторы, влияющие на независимость расследования жалоб на пытки;
  - факторы, влияющие на тщательность сбора доказательств;
  - контроль за эффективностью расследования жалоб на пытки;
  - проблемы доступа заявителей к расследованию.

Меморандум также включает в себя некоторые предложения российских НПО о мерах общего характера, которые могут быть приняты для исполнения вышеперечисленных постановлений Суда.

Основные виды нарушений принципов эффективного расследования, выявленные Судом

5. В перечисленных выше постановлениях Суд зафиксировал ряд однотипных нарушений

¹ Ministers' Deputies Information documents CM/Inf/DH (2008) 33 of 11 September 2008 «Actions of the security forces in the Chechen Republic of the Russian Federation: general measures to comply with the judgments of the European Court of Human Rights».

принципа эффективности расследования. Во-первых, практически во всех случаях Суд отмечал пассивность следственных органов, которые несвоевременно проводили или вовсе не предпринимали наиболее очевидных и необходимых мер по проверке жалоб на пытки. В частности, Суд указывал на такие нарушения принципов тщательности и быстроты расследования, как:

- a. отсутствие действий по сбору медицинских доказательств (освидетельствование, экспертиза, опрос медицинского персонала) или серьезные задержки с их получением²;
  - b. отказ от поиска и опроса независимых свидетелей (очевидцев задержания, сокамерников и пр.) или существенные задержки в установлении и опросе свидетелей³;
  - c. задержки или не проведение других значимых действий по установлению фактов и сбору доказательств⁴
  - d. невыполнение указаний вышестоящих инстанций о проведении тех или иных действий по проверке жалобы на пытки⁵.
6. В подавляющем большинстве вышеуказанных постановлений Суд указал на такие нарушения принципа независимости расследования, как предвзятое отношение к оценке собранных доказательств и отсутствие адекватной мотивировки решений об отказе в возбуждении уголовного дела или прекращении уголовного дела по жалобе на пытки. В частности, Суд отметил, что:
    - a. следователи делали выводы, что жалобы заявителей не нашли объективного подтверждения, хотя сами не предпринимали необходимых действий по проверке жалоб⁶;
    - b. следователи не проводили анализа и оценки данных о травмах, полученных заявителями⁷;

² См. *Denisenko and Bogdanchikov v. Russia* § 47; *Gladyshev v. Russia* § 63; *Mikheyev v. Russia* § 113; *Nadrosov v. Russia* § 43; *Samoylov v. Russia* § 37; *Toporkov v. Russia* § 54; *Vladimir Fedorov v. Russia* § 69.

³ См. *Antipenkov v. Russia* § 67; *Barabanshchikov v. Russia* § 62; *Belousov v. Russia* § 56; *Denisenko and Bogdanchikov v. Russia* § 75; *Gladyshev v. Russia* § 65; *Mikheyev v. Russia* § 112; *Samoylov v. Russia* § 38.

⁴ См. *Akulinin and Babich v. Russia* § 51 и 53; *Antropov v. Russia* § 49; *Mikheyev v. Russia* § 113; *Polonskiy v. Russia* § 111; *Samoylov v. Russia* § 38; *Vladimir Fedorov v. Russia* § 70.

⁵ См. *Antipenkov v. Russia* § 68; *Mikheyev v. Russia* § 114; *Polonskiy v. Russia* § 112.

⁶ См. *Akulinin and Babich v. Russia* § 51; *Antipenkov v. Russia* § 68; *Barabanshchikov v. Russia* § 60; *Nadrosov v. Russia* § 43.

⁷ См. *Akulinin and Babich v. Russia* § 51; *Antipenkov v. Russia* § 67; *Barabanshchikov v. Russia* § 60; *Belousov v. Russia* § 54; *Denisenko and Bogdanchikov v. Russia* § 47.

- с. следователи использовали неодинаковый подход к оценке доказательств, опираясь на показания сотрудников милиции как на истинные и отвергая показания независимых свидетелей и заявителей как ложные, указывая, в частности, что показания заявителей мотивированы их стремлением уйти от ответственности за совершенные преступления¹;
- d. следователи выносили решения, в которых мотивировка была идентичной мотивировке тех решений, которые ранее были отменены судами или вышестоящими инстанциями как недостаточно мотивированные².
7. Кроме того, Суд отмечал, что не во всех случаях обеспечивалось участие пострадавших в расследовании, а именно:
- a. следователи не опрашивали (не допрашивали) пострадавших³;
- b. следователи не проводили очные ставки между сотрудниками милиции и пострадавшими⁴;
- c. следователи не уведомляли заявителей о принимаемых решениях, не предоставляли копии решений или не давали доступа к материалам доследственных проверок⁵.
8. Перечисленные нарушения, в свою очередь, провоцировали нарушение принципа быстроты расследования. Во многих случаях из-за недостаточной тщательности и объективности доследственных проверок, суды и вышестоящие следственные органы отменяли решения об отказе в возбуждении уголовного дела, выносимые на основе таких проверок. Причем по одной и той же жалобе на пытки в некоторых случаях доследственная проверка проводилась многократно, но каждая дополнительная проверка оказывалась недостаточной⁶. В результате, следователи принимали решение о возбуждении уго-

ловных дел с большой задержкой⁷ или не принимали его вовсе⁸.

9. Как следует из постановлений Суда, возбуждение уголовного дела также не гарантировало быстроту расследования. В ряде случаев возбужденное дело прекращалось, а потом возобновлялось вновь без существенного прогресса в сборе доказательств⁹.
10. Суд также отметил, что национальные судебные органы при рассмотрении выдвинутых против заявителей обвинений не всегда проводили самостоятельную оценку жалоб на пытки, предпочитая опираться на решения органов следствия об отказе в возбуждении уголовных дел¹⁰.
- 11.

Системный характер нарушений принципов эффективного расследования

12. К настоящему моменту Суд вынес в отношении Государства-ответчика 16 постановлений, в которых признал, что компетентные органы Государства-ответчика не выполнили обязательство провести эффективное расследование по жалобам на пытки в милиции. Число этих постановлений само по себе указывает на то, что нарушение принципов эффективного расследования жалоб на пытки не является единичным.
13. Кроме того, указанные постановления касаются дел, происходивших в 11 различных регионах Российской Федерации: Москве, Брянской области, Приморском крае, Липецкой области, Кемеровской области, Костромской области, Нижегородской области, Ростовской области, Ивановской области, Волгоградской области и Кировской области. Таким образом, неэффективность расследования в рассмотренных Судом делах нельзя объяснить плохой организацией работы следственных органов в каком-то отдельном населенном пункте или регионе. Распространенность случаев неэффективного расследования пыток свидетельствует о том, что это нарушение Конвенции носит системный характер. Суд подтвер-

¹ См. Akulinin and Babich v. Russia § 52, Antipenkov v. Russia § 67–69; Barabanshchikov v. Russia § 61; Belousov v. Russia § 55; Denisenko and Bogdanchikov v. Russia § 74; Gladyshev v. Russia § 64; Mikheyev v. Russia § 113; Nadrosov v. Russia § 44; Polonskiy v. Russia § 112; Toporkov v. Russia § 53; Vladimir Fedorov v. Russia § 72.

² См. Antipenkov v. Russia § 71; Mikheyev v. Russia § 114; Polonskiy v. Russia § 112.

³ См. Barabanshchikov v. Russia § 60; Denisenko and Bogdanchikov v. Russia § 73; Nadrosov v. Russia § 44.

⁴ См. Akulinin and Babich v. Russia § 53; Denisenko and Bogdanchikov v. Russia § 76; Toporkov v. Russia § 52.

⁵ См. Denisenko and Bogdanchikov v. Russia § 76; Oleg Nikitin v. Russia § 37.

⁶ См. Antipenkov v. Russia § 64; Antropov v. Russia § 48; Barabanshchikov v. Russia § 56; Gladyshev v. Russia § 61–62; Polonskiy v. Russia § 112; Samoylov v. Russia § 35–36;

⁷ См. Antropov v. Russia § 48; Gladyshev v. Russia § 61–62; Polonskiy v. Russia § 112.

⁸ См. Antipenkov v. Russia; Barabanshchikov v. Russia; Samoylov v. Russia.

⁹ См. Belousov v. Russia § 51–52; Gladyshev v. Russia § 61–62; Mikheyev v. Russia § 114.

¹⁰ См. Akulinin and Babich v. Russia § 54; Barabanshchikov v. Russia § 63; Nadrosov v. Russia § 45.

ждает этот вывод, отмечая, что ситуация неоднократного прекращения и возобновления проверок и расследований по жалобе на пытки может указывать на наличие системных проблем в национальной системе уголовного преследования¹.

14. Системный характер неэффективности расследования пыток также подтверждается тем, что в современной практике следственных органов воспроизводятся нарушения, аналогичные тем, что были выявлены в вышеперечисленных постановлениях Суда.
15. Организации, подготовившие данный меморандум, проанализировали дела граждан, обратившихся к ним за помощью в связи с пытками и жестоким обращением со стороны сотрудников милиции, с целью оценить соответствие расследований по этим делам принципам эффективного расследования, которые сформулировал Суд. Из массива обращений за 2007–2009 годы составители меморандума отобрали те жалобы на пытки, которые следует считать обоснованными, а значит — требующими расследования. Было отобрано 156 жалоб из 27 регионов России². При анализе было установлено, что расследование было эффективным только по 13 случаям из 156 (8 %). В остальных 143 случаях (92 %) имелись нарушения принципов эффективности расследования, в том числе:
  - a. расследование не было тщательным в 118 случаях из 156 (75 %);
  - b. расследование проводилось с необоснованными задержками в 99 случае из 156 (63 %);
  - c. расследование не было независимым в 50 случаях из 156 (32 %);
  - d. заявитель был ограничен в доступе к расследованию в 72 случаях из 156 (46 %).
16. Таким образом, по отдельным жалобам на пытки следственные органы проводят расследование, соответствующее стандартам эффективности, установленным Судом. Такое расследование приводит к осуждению и наказанию сотрудников милиции или же убедительно подтверждает отсутствие пыток. Однако значительное число жалоб на пытки не получа-

ет адекватного рассмотрения и расследования. Такая ситуация несовместима с положениями статей 1, 3 и 13 Конвенции.

17. Поскольку неэффективность расследования является системной проблемой, исполнение вышеперечисленных постановлений Суда требует принятия мер общего характера. Эти меры должны быть ориентированы на устранение организационных и законодательных недостатков, которые являются причиной неэффективности расследования пыток.

Причины неэффективности расследования пыток

18. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее — УПК РФ), регулирующий порядок рассмотрения и расследования сообщений о преступлениях, к которым относятся и жалобы на пытки, в целом создает правовую рамку достаточную для проведения эффективного расследования. Уголовно-процессуальное законодательство недостаточно обеспечивает лишь реализацию принципа доступа заявителей к расследованию (см. §§ 49–54 настоящего меморандума).
19. Нарушения принципов эффективного расследования, зафиксированные в перечисленных постановлениях Суда, вызваны не несовершенством закона, а особенностями организации работы следственных органов, к которым относятся:
  - a. недостаток институциональной и личной независимости лиц, проводящих расследование;
  - b. система оценки, ориентирующая следователей на результат, а не на качество расследования;
  - c. недостаток ресурсов для проведения расследований;
  - d. неэффективность контроля за расследованием.
  - e. Указанные факторы рассмотрены ниже наряду с проблемой недостаточного обеспечения прав заявителей на участие в расследовании.

А) Недостаток институциональной и личной независимости лиц, проводящих расследование пыток

20. В перечисленных выше постановлениях Суда речь шла о пытках, в совершении которых принимали участие сотрудники милиции. Компетенцией по рассмотрению и расследованию сообщений о преступлениях, предположитель-

¹ Gladyshev v. Russia § 62.

² Красноярский край, Нижегородская область, Оренбургская область, Республика Марий Эл, Республика Башкортостан, Тверская область, Республика Хакасия, Краснодарский край, Рязанская область, Кемеровская область, Москва, Московская область, Ульяновская область, Свердловская область, Липецкая область, Костромская область, Калужская область, Приморский край, Иркутская область, Республика Коми, Пензенская область, Тамбовская область, Астраханская область, Волгоградская область, Камчатская область, Хабаровский край.

но совершенных сотрудниками милиции, об- ладают следователи Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации (да- лее — СКП РФ)¹².

21. СКП РФ является самостоятельным органом, не подчиняющимся МВД. С формальной точки зрения следователи СКП РФ независимы от со- трудников милиции. Однако формальная не- зависимость не обеспечивает независимость следователей на практике.
22. Дело в том, что помимо расследования пре- ступлений, совершаемых сотрудниками ми- лиции, следователи СКП РФ одновременно от- вечают за расследование значительного числа других общеуголовных преступлений, вклю- чая убийства и изнасилования³. То есть, рас- смотрением, проверкой и расследованием жа- лоб на пытки занимаются те же следователи, которые занимаются расследованием обще- уголовных преступлений.
23. При расследовании общеуголовных преступ- лений следователи СКП РФ тесно взаимо- действуют с сотрудниками милиции. Опера- тивные сотрудники милиции привлекаются к работе следственной группы, создаваемой руководителем подразделения СКП РФ для расследования конкретного преступления⁴. Следователь может привлекать сотрудни- ков милиции к участию в следственных дей- ствиях⁵. Кроме того, в процессе расследова- ния следователь может давать подразделе- ниям милиции обязательные для исполнения письменные поручения о проведении опера- тивно-розыскных мероприятий, производстве отдельных следственных действий, об испол- нении постановлений о задержании, приводе, об аресте, о производстве иных процессуаль- ных действий, а также получать от милиции содействие при их осуществлении⁶. От того, насколько эффективно оперативные сотруд- ники милиции выполняют отдельные поруче- ния следователей СКП РФ, во многом зависит результативность расследования, проводимо- го подразделением СКП РФ⁷.

¹ С 15 января 2011 года Следственный Комитет был выведен из прокуратуры и стал самостоятельным органом при Пре- зиденте России.

² П. 1 (в) ч. 2 ст. 151 УПК РФ.

³ П. 1 (а) ч. 2 ст. 151 УПК РФ.

⁴ Ч. 2 ст. 163 УПК РФ.

⁵ Ч. 7 ст. 164 УПК РФ.

⁶ П. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ.

⁷ О значении активного взаимодействия СКП РФ с органами внутренних дел см. в частности выступление И.И. Телеги- на, руководителя следственного управления СКП РФ по Но- восибирской области на всероссийском совещании руково- дителей следственных органов СКП РФ об основных итогах работы в 2007 г. и задачах на 2008 г., состоявшемся 31 янва-

24. Такое тесное взаимодействие между следо- вателями СКП РФ и сотрудниками милиции на практике приводит к трем последствиям:

- a. В некоторых случаях, следователи СКП РФ име- ют прямую заинтересованность в информации и признаниях, которые сотрудники милиции получают при помощи пыток. Такая информа- ция и признания могут использоваться следо- вателями СКП РФ в рамках проводимого ими расследования. Существование такой заинте- ресованности подтверждается обстоятельства- ми дел, рассмотренных Судом. Так, в части этих дел пытки применялись сотрудниками мили- ции в связи с расследованием преступлений, относящихся к компетенции следственных ор- ганов прокуратуры⁸. В одном из случаев следо- ватели прокуратуры непосредственно участво- вали в применении пыток вместе с сотрудни- ками милиции⁹. В другом случае представитель следственных органов прокуратуры знал о при- менении пыток к заявителю, но не предпринял мер по их прекращению¹⁰.
- b. Следователи СКП РФ опасаются портить отно- шения с сотрудниками милиции, начиная уго- ловное преследование одного из них в связи с жалобой на пытки. Активное расследование жалобы на пытки может привести к тому, что коллеги подозреваемого сотрудника милиции перестанут надлежащим образом выполнять поручения следователей по другим уголовным делам. Таким образом, расследование пыток угрожает эффективности работы следователей СКП РФ по общеуголовным делам. На существо- вание этой проблемы указали следователи СКП РФ во время интервью, проведенных составите- лями данного меморандума.
- c. У следователей СКП РФ формируется убеждение, что жалобы на пытки — это уловка, при помощи которой преступники стремятся отомстить со- трудникам правоохранительных органов и из- бежать ответственности за свои деяния. В делах, рассмотренных Судом, следователи часто ис- пользовали такую мотивировку как одно из ос- нований для отказа в возбуждении уголовного дела или прекращения уголовного дела по жа- лобе на пытки¹¹.

ря 2008 г. Опубликовано в Вестнике Следственного комитета при прокуратуре РФ № 1 за 2008 г. http://www.sledcomproc.ru/upload/iblock/e1f/vsk1v1e-2008_book.pdf

⁸ См. Denisenko and Bogdanchikov v. Russia; Gladyshev v. Russia; Maslova and Nalbandov v. Russia; Mikheyev v. Russia; Meneshe- va v. Russia.

⁹ Maslova and Nalbandov v. Russia.

¹⁰ Mikheyev v. Russia.

¹¹ См. Akulinin and Babich v. Russia § 52, Antipenkov v. Russia § 67–69; Barabanshchikov v. Russia § 61; Belousov v. Russia § 55;

Таким образом, соединение функции расследования пыток и расследования по общеуголовным делам, а также тесное взаимодействие с сотрудниками милиции оказывает негативное влияние на независимость расследования пыток.

В) Система оценки деятельности следователей

25. В своих постановлениях Суд указывал, что отсутствие результатов конкретного расследования не означает само по себе, что оно было неэффективным: обязанность расследовать это не обязанность представить результат, а обязанность принять надлежащие меры.¹
26. В настоящее время эффективность работы следственных подразделений СКП РФ и отдельных следователей оценивается на основании количественных показателей. К таким показателям относятся число возбужденных уголовных дел, число отмененных постановлений о возбуждении уголовного дела, количество прекращенных уголовных дел, количество дел, производство по которым было приостановлено, количество дел, по которым было завершено расследование, и пр.² Такая система оценки ориентирует следователей на вынесение процессуальных решений в установленные сроки, а не на методы ведения расследования и качество выносимых решений, что само по себе не способствует реализации принципов эффективного расследования, установленных в практике Суда.
27. Кроме того, существующая система оценки провоцирует задержки с возбуждением уголовных дел по жалобам на пытки, что в свою очередь, ограничивает возможности сбора доказательств. Система оценки рассматривает отмену решений о возбуждении уголовного дела и решения о прекращении уголовного дела как показатель плохого качества работы подразделений СКП РФ и отдельных следователей³. П. 6 Приказа Следственного комите-

Gladyshev v. Russia § 64; Toporkov v. Russia § 53; Vladimir Fedorov v. Russia § 72.

¹ См., в частности Mikheyev v. Russia § 107.

² Приказ № 6 от 19.03.2009 «Об утверждении и введении в действие формы статистической отчетности «Отчет о работе следственных органов Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации на досудебной стадии уголовного судопроизводства» в системе Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации»

³ См. доклад Р.Б. Ибрагимов, и.о. руководителя Главного управления процессуального контроля Следственного ко-

та при прокуратуре Российской Федерации № 6 от 07 Сентября 2007 г. «О мерах по организации предварительного следствия» требует:

«Исключить принятие следователями решений о возбуждении уголовного дела без наличия достаточных данных, указывающих на признаки преступления. В случае признания незаконным и необоснованным возбуждение уголовного дела проводить по данному факту служебную проверку и принимать меры к привлечению виновных к ответственности, вплоть до уголовной».

Руководство подразделений СКП РФ также считает необходимым строго контролировать решения о прекращении уголовного дела:

«При решении вопроса о прекращении уголовного дела и (или) уголовного преследования руководители следственных отделов должны заблаговременно изучить материалы уголовного дела, составить заключение, обсудить его на оперативном совещании. Уголовное дело с проектом процессуального решения направляется в отдел процессуального контроля для изучения и согласования. Совместным приказом руководителя следственного управления и прокурора области предписано до направления проекта постановления о прекращении уголовного дела и (или) уголовного преследования обсуждать результаты расследования на межведомственном совещании с участием прокурора»⁴.

28. В результате таких мер, следователи считают возможным возбуждать уголовное дело только в том случае, когда они уверены в том, что расследование закончится составлением обвинительного заключения. Таким образом, следователи стремятся устанавливать обстоя-

митета при прокуратуре Российской Федерации «О задачах процессуального контроля в системе Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации» на заседание коллегии Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации «Об итогах работы следственных органов Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации за 2008 г. и задачах на 2009 г.», состоявшегося 12 февраля 2009 г. Опубликовано в Вестнике Следственного комитета при прокуратуре РФ № 2 за 2009 г. <http://www.sledcomproc.ru/publications/17278/>

⁴ См. доклад М.В. Богинского, руководителя следственного управления Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации по Тюменской области, «О мерах по устранению нарушений конституционных прав граждан в ходе предварительного следствия» на заседании коллегии Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации «Об итогах работы следственных органов Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации за 2008 г. и задачах на 2009 г.», состоявшегося 12 февраля 2009 г. <http://www.sledcomproc.ru/publications/17278/>

тельства дела и виновных по возможности до возбуждения уголовного дела в рамках так называемой доследственной проверки.

29. Возможность проведения доследственной проверки предусмотрена ст. 144 УПК РФ. Исходя из смысла ст. 140 и 144 УПК, доследственная проверка имеет целью отсеять заведомо необоснованные или ошибочные сообщения и выбрать для дальнейшего возбуждения уголовного дела и расследования только те ситуации, в которых имеются те или иные признаки преступления. Поскольку доследственная проверка носит предварительный характер, УПК существенно ограничивает сроки ее проведения, а также предусматривает меньший объем полномочий следователя при ее проведении по сравнению с расследованием.
30. Во время проверки следователь может производить осмотр места происшествия, получать объяснения от граждан и должностных лиц, запрашивать и изучать документы, назначать медицинское освидетельствование¹. При этом следователь не имеет возможности проводить обыски, выемки, следственные эксперименты, допросы, очные ставки и пр. Следует отметить, что Суд в ряде дел в качестве нарушения принципов эффективности расследования назвал отсутствие очных ставок между заявителями и сотрудниками милиции, предположительно виновными в пытках². Вместе с тем, в этих делах следователи проводили по жалобам заявителей на пытки именно доследственные проверки, в рамках которых производство очных ставок не предусмотрено.
31. Срок проверки по сообщению о преступлении, включая жалобу на пытки, ограничен 3 днями³. Начальник следственного органа по просьбе следователя может продлить срок до 10 дней. Кроме того, при необходимости производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов руководитель следственного органа по ходатайству следователя вправе продлить этот срок до 30 суток⁴.
32. Сроки доследственных проверок и имеющиеся у следователя полномочия по их проведению часто недостаточны, чтобы установить обстоятельства происшедшего. В этой ситуации было бы логично возбуждать уголовное дело

и проверять все необходимые обстоятельства в рамках полноценного расследования. Однако опасения, что расследование установит отсутствие преступления или невиновность конкретных лиц и потребует вынесения решения о прекращении уголовного дела, которое, в свою очередь, будет расценено как брак в работе, удерживают следователей от возбуждения уголовного дела. Вместо этого, по окончании срока проверки следователь, так и не выяснив до конца все обстоятельства, принимает решение об отказе в возбуждении уголовного дела:

«В предусмотренный законом срок осуществить все проверочные действия по материалам, касающимся, к примеру, должностных преступлений, как правило, крайне трудно. В результате принимается решение об отказе в возбуждении уголовного дела, которое потом отменяется, и производится дополнительная проверка»⁵.

33. По результатам дополнительной проверки, которая также ограничена по срокам и полномочиям, следователь может вновь не собрать достаточно данных и вновь вынести постановление об отказе в возбуждении уголовного дела. УПК РФ или иные нормативные акты не устанавливают никаких ограничений на число дополнительных проверок, которые могут производиться по одной жалобе.
34. Как показывают постановления Суда, по жалобам на пытки может проводиться целая серия доследственных проверок (первичная и дополнительные)⁶. При этом отмена решения об отказе в возбуждении уголовного дела, принятие решения о проведении дополнительной проверки и передача материалов следователю может занимать довольно много времени. В результате, цикл проверок может растягиваться на годы⁷.
35. Представляется, что вызванная системой оценки работы следственных органов практика подмены полноценного расследования

¹ Часть 3 статьи 144, часть 3 статьи 176, часть 1 статьи 179 УПК РФ, пункт 31 Приказа о проверке сообщений о преступлениях.

² См. Akulinin and Babich v. Russia § 53; Denisenko and Bogdan-chikov v. Russia § 76; Toporkov v. Russia § 52.

³ Ч. 1 ст. 144 УПК РФ.

⁴ Ч. 3 ст. 144 УПК РФ.

⁵ См. доклад Ю.В. Попова, руководителя следственного управления Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации по Ростовской области, «Факторы, влияющие на принятие законного и обоснованного решения по сообщению о преступлении» на заседание коллегии Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации «Об итогах работы следственных органов Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации за 2008 г. и задачах на 2009 г.», состоявшегося 12 февраля 2009 г. <http://www.sledcomproc.ru/publications/17278/>

⁶ См. Antipenkov v. Russia § 64; Antropov v. Russia § 48; Baraban-shchikov v. Russia § 56; Gladyshev v. Russia § 61–62; Polonskiy v. Russia § 112; Samoylov v. Russia § 35–36;

⁷ См. Antropov v. Russia § 48; Gladyshev v. Russia § 61–62; Polonskiy v. Russia § 112.

доследственными проверками препятствует тщательному и быстрому разбирательству по жалобам на пытки.

С) Недостаток ресурсов для проведения расследований

36. Как указывает Суд, успех расследования жалоб на пытки во многом зависит от сбора медицинских доказательств¹. Это означает, что в распоряжении следователей должны быть достаточно квалифицированные медицинские эксперты. А сам следователь должен обладать достаточной осведомленностью о возможностях судебной медицины, чтобы правильно поставить вопросы перед экспертом и использовать экспертное заключение для юридической оценки. Вместе с тем, по словам представителей следственных органов, возможности поведения медицинских исследований ограничены, а компетенция следователей в этом вопросе нуждается в повышении:

«Расследование особо тяжких преступлений против личности невозможно без эффективной работы специалистов в области судебной медицины. Между тем, есть серьезные трудности — наличие таких специалистов не во всех районах; отсутствие должного опыта работы и квалификации; кроме того, незначительное количество отделений бюро судебно-медицинских экспертиз, где выполняются гистологические и биологические исследования; скудное финансирование. Надо повышать знания следователей в области судебной медицины, вплоть до стажировки в бюро судебно-медицинских экспертиз перед началом профессиональной деятельности. Нужно, чтобы Следственный комитет принял меры к организации взаимодействия следователей и судебных медиков. Проблемы в этой области требуют решения на федеральном уровне»².

Общие проблемы с недостаточной доступностью и качеством судебно-медицинских экс-

пертиз могут осложняться и тем, что эксперты и следователи недостаточно знакомы с современными методами выявления следов пыток.

37. Эффективность расследования также зависит от уровня профессиональной подготовки следователей. Однако этот уровень признается недостаточным руководством следственных органов³.

Д) Неэффективность контроля за расследованием

38. Лица, жалующиеся на пытки, имеют возможность направить жалобу на действия (бездействие) и решения следователя руководителю следственного органа, прокурору или в суд⁴.

Прокурорский контроль и контроль со стороны руководителей следственных органов

39. Реформа 2007 г., в результате которой был создан СКП РФ, существенно ограничила полномочия прокуроров по реагированию на жалобы граждан на работу следователей. На настоящий момент прокурор может самостоятельно отменить только решение следователя о возбуждении уголовного дела⁵. Во всех прочих случаях прокурор не вправе отменять решения следователей или выносить процессуальные решения вместо них, а должен требовать устранения выявленных нарушений от руководителя следственного органа. Руководитель следственного органа должен рассмотреть требование прокурора в течение 5 дней и либо выполнить его, либо отказаться, уведомив об отказе прокурора⁶. Прокурор может обжаловать этот отказ руководителю вышестоящего следственного органа⁷ или обратиться в суд.
40. Руководитель следственного органа обладает широкими полномочиями по контролю за расследованием, включая право отменять решения об отказе в возбуждении уголовного дела

¹ См., в частности, *Varabanshchikov v. Russia* § 59; *Vladimir Fedorov v. Russia* § 69.

² См. выступление В.Г. Киршина, руководителя следственного управления Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации по Республике Татарстан, на всероссийском совещании руководителей следственных органов СКП РФ об основных итогах работы в 2007 г. и задачах на 2008 г., состоявшемся 31 января 2008 г. Опубликовано в Вестнике Следственного комитета при прокуратуре РФ № 13а 2008 г. http://www.sledcomproc.ru/upload/iblock/e1f/vsk1v1e-2008_book.pdf

³ См. доклад Ю.В. Попова, руководителя следственного управления Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации по Ростовской области, «Факторы, влияющие на принятие законного и обоснованного решения по сообщению о преступлении» на заседание коллегии Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации «Об итогах работы следственных органов Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации за 2008 г. и задачах на 2009 г.», состоявшегося 12 февраля 2009 г. <http://www.sledcomproc.ru/publications/17278/>

⁴ Ст. 123 УПК РФ.

⁵ Ч. 4 ст. 146 УПК РФ.

⁶ Ч. 4 ст. 39 УПК РФ.

⁷ Ч. 6 ст. 37 УПК РФ.

и о прекращении уголовного дела, а также право давать следователю указания о направлении расследования, производстве отдельных следственных действий¹.

41. Практика оказания правовой помощи лицам, жалующимся на пытки, имеющаяся у организаций, подготовивших настоящий меморандум, показывает, что подача жалобы руководителю следственного органа является наиболее быстрым способом обжалования действий или решений следователя. Вместе с тем, по сравнению с прокуратурой или судами руководители следственных органов реже удовлетворяют такие жалобы. Прокуратура чаще удовлетворяет жалобы заявителей, однако ее возможности повлиять на ход расследования и пересмотр принятых решений ограничены. Несколько более эффективным является обжалование решений следователей в суд. Судебные органы наиболее объективны, а их решения имеют обязательную силу для следователя. Вместе с тем, судебный контроль имеет определенные ограничения.

Судебный контроль

42. Суды рассматривают жалобы на решения следователя об отказе в возбуждении уголовного дела, о прекращении уголовного дела, а также на иные решения и действия (бездействие) следователя, в соответствии с положениями ст. 125 УПК РФ.
43. Несмотря на широту охвата и сравнительную эффективность, судебный контроль за следствием имеет определенные ограничения. Во-первых, суд, хотя и вправе признавать незаконными решения, действия (бездействие) следователей, не может отдавать следователям распоряжения о направлении расследования и конкретных мерах, которые необходимо предпринять для сбора доказательств и установления обстоятельств дела. В соответствии с процессуальным законодательством, следователь самостоятельно направляет ход расследования, принимает решения о производстве следственных и иных процессуальных действий². Отдавать следователю распоряжения о производстве конкретных следственных действия вправе только руководитель следственного органа³.
44. Таким образом, обращение к судебному механизму помогает заявителю отменить необоснованное решение об отказе в возбуждении

уголовного дела или о прекращении уголовного дела и тем самым возобновить проверку или расследование по жалобе на пытки, однако не гарантирует устранения пробелов в сборе доказательств. Эта проблема нашла отражение в ряде постановлений Суда по вопросу об эффективности расследования пыток властями Государства-ответчика. В этих постановлениях Суд отмечал, что следственные органы не устраняли тех пробелов в сборе доказательств, которые были указаны в судебных решениях, вынесенных по жалобам на постановления об отказе в возбуждении уголовного дела или об отмене постановления о прекращении уголовного дела⁴.

45. Во-вторых, заявитель ограничен в возможности обжаловать в суде эффективность расследования его жалобы на пытки, если в отношении него самого суд рассматривает уголовное обвинение. В частности, суды отклоняют жалобы на неполноту доследственной проверки и на необоснованность отказа следователя возбудить уголовное дело о пытках, в том случае, если по уголовному делу, при расследовании которого к заявителю применялись пытки, начато судебное разбирательство. Суды мотивируют свой отказ тем, что оценка эффективности расследования может повлиять на оценку доказательств вины заявителя при рассмотрении выдвинутого против него обвинения. При этом суды опираются на позицию Верховного Суда Российской Федерации, который указал, что:

«При проверке законности и обоснованности решений и действий (бездействия) дознавателя, следователя, руководителя следственного органа и прокурора судья не должен предрешать вопросы, которые впоследствии могут стать предметом судебного разбирательства по существу уголовного дела»⁵.

46. Предполагается, что судебный орган, который рассматривает выдвинутое против заявителя уголовное дело, будет оценивать наличие или отсутствие подтверждения фактам пыток при решении вопроса о допустимости признательных показаний и иных доказательств, которые, по утверждению заявителя, были получены при помощи пыток. Однако, как по-

¹ Ст. 39 УПК РФ.

² Ст. 38 УПК РФ.

³ Ст. 39 УПК РФ.

⁴ См. Antipenkov v. Russia § 68; Mikheyev v. Russia § 114; Polonskiy v. Russia § 112.

⁵ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 1 от 10 февраля 2009 г. «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

казывают постановления Европейского Суда по правам человека, вынесенные в отношении Государства-ответчика, судебные органы, рассматривающие уголовное обвинение против лица, жалующегося на пытки, не всегда способны самостоятельно провести эффективное расследование жалоб на пытки. Иногда суды вообще не обращали внимания на жалобы подсудимого на пытки¹. В некоторых ситуациях суды, оценивая жалобы на пытки, опирались на результаты доследственной проверки, проведенной следственными органами. Суды делали вывод об отсутствии пыток на том основании, что органы следствия отказали заявителю в возбуждении уголовного дела по жалобе на пытки, без оценки эффективности и качества такой проверки². В других случаях суды предпринимали дополнительные действия по проверке достоверности жалоб на пытки (чаще всего — допрашивали сотрудников милиции, предположительно виновных в пытках). Однако эти действия не могли компенсировать неэффективности проверки и расследования жалоб на пытки, проведенной следственными органами³.

47. Представляется, что неэффективность судебного исследования жалоб на пытки в рамках рассмотрения уголовного обвинения против лица, жалующегося на пытки, обусловлена двумя факторами:

- a. При рассмотрении уголовных дел суды обычно опираются на доказательства, предоставленные стороной обвинения и защиты. Судьи не привычны к активному поиску доказательств, необходимому для эффективного расследования жалоб на пытки, и не имеют специфических навыков для такого расследования.
- b. Уголовно-процессуальное законодательство указывает, что судебное разбирательство проводится только в отношении обвиняемого и лишь по предъявленному ему обвинению⁴. Таким образом, суд при рассмотрении уголовного обвинения, выдвинутого против лица, жалующегося на пытки, ограничен в возможности рассмотрения жалобы на пытки вне контекста вопроса о приемлемости полученных при помощи пыток доказательств, поскольку пытки являются отдельным преступлением, проверка по жало-

бе на которое должна проводиться в рамках отдельной процедуры.

48. Если суд, рассматривавший уголовное обвинение против лица, жалующегося на пытки, придет к выводу о том, что жалобы на пытки необоснованны, заявитель лишается дальнейшей возможности требовать проведения расследования, а также обжаловать отказ в возбуждении уголовного дела или прекращение уголовного дела по такой жалобе, поскольку в соответствии со ст. 90 УПК РФ:

«Обстоятельства, установленные вступившим в законную силу приговором либо иным вступившим в законную силу решением суда, принятым в рамках гражданского, арбитражного или административного судопроизводства, признаются судом, прокурором, следователем, дознавателем без дополнительной проверки».

49. В силу существующих ограничений на использование механизмов обжалования действий и бездействий следователя, предусмотренных ст. 125 УПК РФ, недостаточно эффективного судебного следствия по жалобам на пытки, и установленных ст. 90 УПК правил процедуры, обвиняемые, жалующиеся на пытки, существенно ограничены в возможности воспользоваться механизмами судебного контроля за следствием. Учитывая тот факт, что пытки часто применяются именно в рамках уголовного преследования с целью получения доказательств (см. § 23 настоящего Меморандума), такие ограничения существенно снижают доступ жертв пыток к механизмам правовой защиты.

Е) Доступ заявителей к расследованию

50. Как уже отмечено выше (см. §§ 7 и 26–34 настоящего Меморандума), по жалобам на пытки обычно не возбуждается уголовное дело. Вместо этого, по жалобе проводятся доследственные проверки, число и общей срок которых не ограничен.

51. УПК РФ не указывает, какими правами в период проведения проверки обладает лицо, подавшее жалобу на пытки или иное сообщение о преступлении. В законодательстве зафиксировано только право заявителя обжаловать отказ в возбуждении уголовного дела⁵.

52. Если уголовное дело было возбуждено, лицо, предположительно пострадавшее от пытки,

¹ Nikitin v. Russia § 39.

² Akulinin and Babich v. Russia § 54.

³ Barabanshchikov v. Russia § 63; Denisenko and Bogdanchikov v. Russia § 79; Gladyshev v. Russia § 66; Nadrosov v. Russia § 45; Samoylov v. Russia § 43; Toporkov v. Russia § 55.

⁴ Ч.1 ст.252 УПК РФ.

⁵ Ч. 5 ст. 148 УПК РФ.

может быть признано потерпевшим. Такое лицо получает статус потерпевшего на основании специального постановления следователя (постановление о признании потерпевшим)¹. С момента признания потерпевшим, заявитель получает различные процессуальные права, включая право заявлять ходатайства, участвовать в отдельных следственных действиях и пр.². Однако на практике даже в случае возбуждения уголовного дела следователи не всегда признают таких лиц потерпевшими. Так же как и в случае с лицами, по чьему заявлению проводится доследственная проверка, УПК не поясняет, какими правами обладают лица, в связи с жалобами о применении пыток, по которым было возбуждено уголовное дело.

53. Этот пробел в законодательстве является одной из причин, по которой следователи отказывают заявителям в доступе к материалам проверок и расследований, что, в свою очередь, ограничивает возможность обжаловать неэффективность расследования в суде³.
54. Конституционный Суд РФ полагает, что право на ознакомление с этими материалами вытекает из конституционного права на информацию и поэтому должно обеспечиваться, даже если такое право не указано в законе непосредственно⁴. Однако следственные органы не всегда следовали позиции Конституционного Суда⁵. В 2010 СКП РФ издал указание, направленное на реализацию позиций Конституционного Суда⁶. Данное указание требует обеспечить возможность ознакомиться с материалами завершенных доследственных про-

верок и уголовных дел, производство по которым было прекращено или приостановлено.

55. Представляется, что данное указание может способствовать обеспечению права на доступ к расследованию лиц, жалующихся на пытки. Вместе с тем, указание содержит ряд формулировок, которые могут быть истолкованы как основание для ограничения доступа к материалам проверок и расследований и стать причиной споров между следователями и лицами, жалующимися на пытки. В частности, указание предписывает предоставлять гражданину для ознакомления «только те материалы, в которых непосредственно затрагиваются его права и свободы»⁷. Однако законодательство и судебная практика не предлагает четких критериев, позволяющих различать, какие документы следует считать непосредственно затрагивающими права и свободы, а какие нет. Указание также устанавливает, что для ознакомления не могут быть предоставлены материалы, затрагивающие частную и семейную жизнь других граждан, неприкосновенность их жилища и тайну переписки⁸. В доступе к каким именно материалам проверок и расследований по жалобам на пытки заявителям будет отказано на этом основании, пока неясно.

О мерах общего характера по повышению эффективности расследования

56. Составители настоящего меморандума полагают, что меры общего характера по исполнению вышеперечисленных 16 постановлений Европейского Суда по правам человека должны включать в себя шаги, направленные на:

- повышение независимости расследования пыток путем организационного разграничения расследования пыток и расследования общеуголовных преступлений;
- корректировку системы оценки следственных органов с целью устранения препятствий для своевременного возбуждения уголовных дел по жалобам на пытки и введению контро-

¹ Ч. 1 ст. 42 УПК РФ.

² Ст. 42 УПК РФ.

³ Ministers' Deputies Information documents CM/Inf/DH (2008) 33 of 11 September 2008 «Actions of the security forces in the Chechen Republic of the Russian Federation: general measures to comply with the judgments of the European Court of Human Rights» § 105.

⁴ См., в частности, Постановление Конституционного Суда РФ от 18 февраля 2000 г. N 3-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 5 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Б.А. Кехмана» и Определение Конституционного Суда РФ от 6 июля 2000 г. N 191-О «По жалобе гражданина Луценко Николая Максимовича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 113 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР».

⁵ Ministers' Deputies Information documents CM/Inf/DH (2008) 33 of 11 September 2008 «Actions of the security forces in the Chechen Republic of the Russian Federation: general measures to comply with the judgments of the European Court of Human Rights» § 106.

⁶ Указание Следственного комитета при Прокуратуре Российской Федерации № 4/224 от 5 апреля 2010 г. «О порядке ознакомления граждан с материалами, непосредственно затрагивающими их права и свободы».

⁷ П. 3 Указания Следственного комитета при Прокуратуре Российской Федерации № 4/224 от 5 апреля 2010 г. «О порядке ознакомления граждан с материалами, непосредственно затрагивающими их права и свободы».

⁸ П. 6 Указания Следственного комитета при Прокуратуре Российской Федерации № 4/224 от 5 апреля 2010 г. «О порядке ознакомления граждан с материалами, непосредственно затрагивающими их права и свободы».

ля не только за количественными показателями, но и за качеством работы следователей;

- расширение возможностей для своевременного проведения качественных медицинских освидетельствований и экспертиз в рамках проверок и расследования жалоб на пытки, включая необходимое обучение судебно-медицинских экспертов и следователей;
- повышение знаний следователей о методах расследования пыток, включая издание соответствующих методических рекомендаций по расследованию этого вида преступлений;
- корректировку практики судебного контроля за эффективностью расследования жалоб на пытки и качества рассмотрения судами жалоб на пытки, выдвигаемые подсудимыми в процес-

се судебного рассмотрения предъявляемых им обвинений.

-
- 57. Мы предлагаем Комитету министров обсудить с Государством-ответчиком меры общего характера, необходимые для достижения этих целей.
- 58. Мы также предлагаем Комитету министров запросить у Государства-ответчика информацию о влиянии Указания Следственного комитета при Прокуратуре Российской Федерации №4/224 от 5 апреля 2010 г. «О порядке ознакомления граждан с материалами, непосредственно затрагивающими их права и свободы» на практику ознакомления лиц, жалующихся на пытки, с материалами проверок и расследований, проведенных по их жалобам.

Предложения Фонда «Общественный вердикт» по спецподразделению в СКР по расследованию преступлений, совершенных сотрудниками правоохранительных органов

В апреле 2012 года в Следственном Комитете России было выделено специальное подразделение, которое должно расследовать сообщения о преступлениях сотрудников правоохранительных органов. Этому решению предшествовала публичная кампания, организованная российскими НПО, в том числе Фондом «Общественный вердикт», требовавшая создать такое подразделение. В рамках общественной кампании обращение с требованием создать специальное подразделение к главе СКР А.И. Бастрыкину подписали более 4500 граждан.

Опыт оказания правовой помощи пострадавшим от должностных преступлений, взаимодействия со следователями в рамках уголовных дел, результаты наших исследований стали основой для формулирования предложений по организации спецподразделения по должностным преступлениям, совершенным сотрудниками правоохранительных органов. Фонд «Общественный вердикт» считает, что должны быть привлечены независимые эксперты и представители про-

фильных правозащитных организаций и, в целом, обеспечена максимальная прозрачность процесса проработки вопроса о создании специального подразделения.

Основная цель создания специализированных подразделений СКР — обеспечить независимость расследования сообщений о преступлениях сотрудников указанных ведомств от расследования общеуголовных преступлений.

Обеспечение независимости расследования сообщений о преступлениях сотрудников МВД, ФСИН и ФСКН может быть достигнуто за счет выведения спецподразделения СКР из подчинения регионального руководства Следственных управлений СКР или за счет двойного подчинения — руководителю регионального Следственного управления СКР и центральному аппарату СКР.

Ниже представлен наиболее желательный вариант — подчинение спецподразделения СКР по расследованию сообщений о преступлениях сотрудников МВД, ФСИН и ФСКН федеральному центру.

1. Территориальные отделы спецподразделения СКР по расследованию преступлений сотрудников МВД, ФСИН и ФСКН создаются на уровне субъекта Федерации.
2. Спецподразделение и его сотрудники подчиняются напрямую центральному аппарату СКР. Они неподконтрольны и не подотчетны руководству районных отделов, региональных или окружных управлений СКР.
3. Для руководства деятельностью территориальных отделов спецподразделения в центральном аппарате СКР создается специализированное управление. Руководитель данного управления должен иметь статус заместителя Председателя СКР РФ. Этот заместитель не должен курировать какие-либо иные управления СКР РФ.
4. Сотрудники спецподразделения СКР по расследованию преступлений, совершенных сотрудниками МВД, ФСИН и ФСКН ни в каких случаях не должны привлекаться к проверке или расследованию сообщений о любых других преступлениях.
5. В компетенцию территориальных отделов спецподразделения СКР по расследованию преступлений сотрудников МВД, ФСИН и ФСКН должен входить: прием и последующая проверка всех сообщений о предполагаемых преступлениях сотрудников указанных ведомств и служб, принятие по ним процессуальных решений, также проведение расследования по возбужденным делам.
6. Приказ Председателя СКР должен предусматривать обязанность территориальных отделов и региональных и окружных управлений СКР незамедлительно передавать все поступившие им заявления и сообщения о предполагаемых преступлениях сотрудников МВД, ФСИН и ФСКН по подследственности в соответствующие органы спецподразделения СКР по расследованию преступлений, совершенных сотрудниками перечисленных ведомств.
7. Приказ Председателя СКР должен предусматривать обязанность всех сотрудников СКР, которым стали известны данные, указывающие на возможное совершение преступлений сотрудниками МВД, ФСИН и ФСКН, выделять в отдельное производство материал проверки о данном преступлении и направлять рапорт в соответствующие отделы спецподразделения по расследованию преступлений, совершенных сотрудниками этих ведомств.
8. СКР и Генеральный прокурор РФ должны издать совместный приказ, предусматривающий незамедлительное направление для проведения доследственной проверки копий всех поступающих в органы прокуратуры сообщений, жалоб и прилагаемых к ним материалов о предполагаемых преступлениях сотрудников МВД, ФСИН и ФСКН в спецподразделение по расследованию преступлений сотрудников указанных ведомств. Приказом должно быть также установлено, что в случае выявления сотрудниками прокуратуры сведений о возможном или действительном наличии телесных повреждений у лиц, содержащихся в изоляторах временного содержания, следственных изоляторах а также иных местах принудительного содержания, материал проверки по выявленным сведениям должен незамедлительно направляться в спецподразделение СКР для рассмотрения. Доследственная проверка по указанным сообщениям и жалобам должна начинаться вне зависимости от завершения прокурорской проверки по этим сообщениям и жалобам.
9. Председатель СКР и Министр внутренних дел РФ должны принять совместный приказ, предусматривающий в случае выявления телесных повреждений у лиц, помещаемых в ИВС, немедленное направление сообщения в спецподразделение СКР по расследованию преступлений сотрудников МВД, ФСИН и ФСКН. Сообщение должно направляться вне зависимости от наличия жалоб и заявлений со стороны лица, помещаемого в ИВС. Спецподразделение СКР должно проводить проверки по каждому сообщению такого рода с целью выявления причин возникновения телесных повреждений.
10. Совместный приказ Председателя СКР и Министра внутренних дел РФ также должен предусматривать немедленное направление в спецподразделение СКР копий любых жалоб и сообщений о предполагаемых преступлениях сотрудников МВД и полиции, поступивших в любые подразделения МВД. Доследственная проверка по указанным жалобам и сообщениям должна проводиться вне зависимости от завершения служебной проверки МВД.
11. Аналогичные совместные приказы должны быть изданы Председателем СКР и Директором ФСИН, а также Председателем СКР и Директором ФСКН.
12. Необходимо принять совместный приказ Председателя СКР и Министра здравоохранения и социального развития РФ, который бы обя-

- вал медицинские учреждения незамедлительно направлять в спецподразделения СКР информацию о телесных повреждениях, если лицо, имеющее телесные повреждения указывает, что они были причинены сотрудниками полиции, МВД, ФСИН, ФСКН, если он был доставлен в медицинское учреждение сотрудниками указанных выше ведомств, либо из органа тех же ведомств, либо имеются иные основания полагать, что повреждения могли быть причинены сотрудниками полиции, МВД, ФСИН, ФСКН. Спецподразделение СКР должно проводить проверку с целью выявления причин возникновения выявленных телесных повреждений.
13. Штатная численность территориальных отделов спецподразделения СКР должна быть достаточной для того, чтобы обеспечить быстрое и тщательное рассмотрение и расследование всех поступающих сообщений о преступлениях сотрудников МВД, ФСИН и ФСКН. Для определения штатной численности территориальных отделов спецподразделения СКР целесообразно проанализировать количество всех обращений с жалобами на действия сотрудников МВД, ФСИН и ФСКН за последние три года по каждому субъекту и определять численность сотрудников отделов спецподразделения исходя из полученных результатов.
  14. Должны быть созданы нормативные и организационные условия для обеспечения безопасности сотрудников спецподразделения СКР по расследованию МВД, ФСИН и ФСКН.
  15. Недопустимо оперативное сопровождение работы следователей спецподразделения СКР со стороны оперативных сотрудников уголовного розыска МВД. Для осуществления оперативного сопровождения необходимо проработать вопрос об обеспечении оперативного сопровождения сотрудниками служб собственной безопасности МВД и ФСБ России.
  16. В отношении работы спецподразделения СКР по расследованию преступлений сотрудников МВД, ФСИН и ФСКН не должны применяться общие правила оценки деятельности отделов и управлений СКР РФ. В отношении указанных подразделений СКР необходимо отказаться от использования ведомственной статистики и отчетности как основания для вынесения оценки. Одновременно необходимо проработать вопрос об отказе от использования ведомственной статистики как основания для оценивания работы следователей всех подразделений СКР.
  17. Оценка деятельности территориальных отделов спецподразделения СКР по расследованию преступлений сотрудников МВД, ФСИН и ФСКН должна строиться на основании выборочной проверки и анализа материалов доследственных проверок и уголовных дел, производство по которым завершено. Такая выборочная проверка должна происходить периодически. Проверки должны проводиться комиссиями в составе представителей главного аппарата СКР, прокуратуры, а также представителей научного и экспертного сообщества и специализированных общественных организаций.
  18. Механизм назначения в состав комиссий представителей научного и экспертного сообщества и представителей специализированных некоммерческих организаций должен быть максимально прозрачным и обеспечивать независимость экспертов от СКР и его сотрудников. Члены комиссий из числа представителей главного аппарата СКР должны назначаться Председателем СКР.
  19. Порядок назначения и полномочия членов Комиссии, порядок учета результатов работы Комиссии в деятельности СКР и его территориальных подразделений должны быть проработаны отдельно.
  20. Материалы проверок и уголовных дел должны оцениваться с точки зрения полноты и всесторонности собранной информации и доказательственной базы, своевременности проверочных и следственных действий, объективности и аргументированности процессуальных решений.
  21. Территориальные отделы спецподразделения СКР должны ежегодно публично отчитываться о своей работе: публиковать отчеты в средствах массовой информации, а также отчитываться перед законодательными органами субъектов федерации.
  22. В целях методического обеспечения работы следователей спецподразделения СКР должен разработать и утвердить методические указания по расследованию преступлений, предусмотренных ст. 286 ч. 3 и ст. 302 (принуждение к даче показаний) УК РФ. В основу этих указаний должны быть положены международные стандарты эффективного расследования, в частности, зафиксированные в постановлениях Европейского суда по правам человека по делам о пытках в милиции в России.

23. Сотрудники СКР, которые будут переведены на работу в создаваемое спецподразделение, должны в обязательном порядке пройти дополнительную подготовку, нацеленную на формирование необходимых компетенций и навыков в расследовании преступлений, совершаемых сотрудниками правоохранительных органов (полиции, ФСНК и ФСИН), а также на освоение современных методов расследования должностных преступлений и стандартов эффективного расследования должностных преступлений, признанных в рамках ООН и Совета Европы. В рамках программ сотрудничества СКР следует рассмотреть вопрос о приглашении экспертов Совета Европы и ООН для проведения тренингов по вопросам эффективности расследования должностных преступлений, а также в целях обмена опытом.
24. Необходимо рассмотреть вопрос о приглашении к разработке методических указаний, а также проведению тренингов, представителей научного и экспертного сообщества и профильных общественных и некоммерческих организаций.